Р-193.112
Филонов А
Очерки Дон.

Тим. лист.

103-150

Оглавление

КМ

1 мт

Константину Лотошникову
36
Авторъ
СПб. 1859
ноябрь
232.

ОЧЕРКИ

ДОНА.

Ф-55,8

«Блеща средь полей широкихъ,
Вотъ онъ льется!.. Здравствуй, Донъ!»
А. Пушкинъ.

А. Филонова.

39(47 915)
Проверено 1944 г.
М-73
м-56618
БИБЛИОТЕКА им. В. Маркса

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
1859.
ВЪ ТИПОГРАФІИ КОРОЛЕВА И КОМП.

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ. Іюня 20 дня, 1859 года.

Ценсоры: *В. Бекетовъ*

Штюрме

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

НАКАЗНОМУ АТАМАНУ

ВОЙСКА ДОНСКАГО,

Генералъ-Адъютанту,

Михаилу Григорьевичу

ХОМУТОВУ

съ чуствами глубокой признательности посвящаетъ

авторъ.

Библиотека
Ростов н-Д.
им. К. Маркса.
Книгохранилище
Р КР
Р-193. 112
Проверено
1937—38 г.

1886

ПЕРВАЯ ЖИЗНЬ ВЪ НОВО-ЧЕРКАССКѢ.

(Письма къ товарищу въ Петербургѣ)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

«Що було на серци», какъ говорятъ Малороссы, то и выскажу тебѣ...

Не вспоминаю о тягостной для меня разлукѣ съ Петербургомъ, гдѣ я получилъ окончательное свое образованіе; не буду говорить объ отъѣздѣ изъ родины, гдѣ столько слезъ пролито во время моего провожанья: все это тебѣ понятно и безъ моего разсказа. А лучше сообщу, что я слышалъ на своей родинѣ о Донцахъ и Ново-Черкасскѣ, мѣстѣ моего назначенія.

Въ губернскомъ городѣ С-ѣ мнѣ случилось бесѣдовать съ уѣзднымъ учителемъ географіи, и, сознаюсь, онъ увлекъ меня, описывая жизнь въ Ново-Черкасскѣ. Ново-Черкасскъ—на Дону, объяснялъ учитель географіи, рыбы тамъ множество; икра — ни по чемъ; винограду — сколько хочешь. «Земля Войска Донскаго благодатная земля!..»

Послѣ такихъ словъ я съ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда въ Ново-Черкасскъ, въ эту «Русскую Италію,» какъ выразился одинъ изъ ученыхъ людей въ Петербургѣ, выхваляя мнѣ Землю Войска Донскаго.

Ѣду...

Мои путевыя мысли и чувствованія я не стану передавать. Скажу только, что я проѣзжалъ много городовъ. Видѣлъ я бѣло-

каменную Москву, свѣтленькій Подольскъ, узко-длинный Серпуховъ, около котораго течетъ Ока, такъ роскошно, такъ истинно-поэтически описанная *Д. Григоровичемъ* въ его романѣ «Рыбаки,»—Тулу съ ея оружейнымъ заводомъ и грязнымъ мостомъ,—пустой городъ Богородицкое, — страшный за свою гору, идущую почти на версту все вверхъ и вверхъ, Елецъ: всѣ эти города не могу тебѣ описывать, потому что я видѣлъ ихъ только мелькомъ.

Передъ Задонскомъ, гдѣ покоятся мощи Преподобнзго Тихона, течетъ Донецъ... «вонъ, баринъ, и Донъ!» сказалъ ямщикъ.

И до сихъ поръ не дамъ себѣ отчета, что за чувствованія пробудились во мнѣ, при взглядѣ на Донъ. Какая сила обновила зачахшее отъ непривычнаго пути сердце? Что такое было общаго между мною—юношею и Дономъ? Отчего я трепеталъ, какъ дитя, подъѣзжая къ этой рѣкѣ?.. Мысли и мысли роились въ моей головѣ; чувства одно другаго грустнѣе закрадывались въ грудь....

Ямщикъ сталъ объяснять мнѣ происхожденіе Дона и, указывая въ даль, на озеро, откуда будто бы Донъ вышелъ, сказалъ: «Богъ благословилъ и—Донъ пошелъ.» Въ народѣ, значитъ, есть какое-то особенное преданіе о Донѣ; народъ не хочетъ вѣрить, чтобы такая рѣка, какъ Донъ, сама собою выросла въ дивную рѣку: «Богъ благословилъ и — Донъ пошелъ...»: слова знаменательныя!....

Оставляя описаніе свѣтлаго и облагодатствованнаго св. Митрофаніемъ Воронежа, я передамъ тебѣ поразившій меня разсказъ ямщика о Землѣ Войска Донскаго, заставившій меня спѣшить въ Ново-Черкасскъ. Ямщикъ, ѣхавшій со мною теперь, имѣлъ случай коротко узнать Донъ почти весь, «плавя» по немъ лѣсъ отъ Воронежа до Ростова,—и съ особеннымъ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о Донцахъ: «вы только завалитесь за Воронежъ, такъ тамъ все ни по чемъ. Обѣдъ изъ трехъ кушаньевъ—пять, шесть копѣекъ, на ассигнаціи; казаки — народъ прелсковый; навалятъ, бывало, тебѣ булокъ, винограду,—ѣшь не хочу. Тамъ нѣтъ, какъ у насъ, хлѣвовъ; лошадь стоитъ прямо, на улицѣ. А посмотрите-ка на тамошніе табуны лошадей — вотъ чудо! Дикіе кони стерегутъ *у стипь* лошадей казацкихъ...» И много еще говорилъ ямщикъ, но я уже забылъ.

За Воронежемъ начинаются степи. Степи здѣшнія не похожи

на тѣ, которыя такъ неподражаемо описаны Гоголемъ въ его повѣсти «Тарасъ Бульба.» Быть можетъ Мало-русскія степи дѣйствительно таковы, какими онѣ вышли изъ-подъ его геніальнаго пера; здѣшнія же степи весьма обыкновенны. Переѣзжая ихъ, я даже усомнился въ вѣрности картины степей, изображенной не только Гоголемъ, но Кольцовымъ и Никитинымъ — жителями Воронежской Губерніи... А можетъ быть и я виною тому, что не усмотрѣлъ всей поэзіи степей.

Представь волнообразную поверхность земли, идущую на цѣлыя сотни верстъ и ограждаемую лишь небосклономъ. Тебѣ покажется, что ты заѣхалъ въ чужой край: ибо нѣтъ синяго лѣсу, который такъ привѣтливо бесѣдуетъ съ тобою въ Русскихъ губерніяхъ; нѣтъ деревъ по дорогѣ, этихъ давнишнихъ сторожевыхъ проѣзжающаго; я не видалъ ни ржи, ни пшеницы; одни стоги сѣна стояли среди необъятнаго поля и надъ всѣмъ этимъ нескончаемымъ пространствомъ распростиралось небо, столь же безконечное, какъ безконеченъ Живущій на немъ...

Деревни и станицы, лежащія по дорогѣ, весьма отличны по виду отъ Русскихъ деревень и городовъ: стѣны домовъ почти всѣ обѣлены штукатуркою; иные домы укутаны сверху до низу соломою; за неимѣніемъ лѣсу, солома служитъ степняку своимъ тепломъ и грѣетъ его. Пусть снѣгъ завалитъ хату казака отъ крыши до земли; пусть замететъ избу его; солома не пуститъ жданаго гостя въ свѣтелку и согрѣетъ хозяина съ его казачкою и казаками — дѣтьми. Не боится казакъ, что скрытъ отъ свѣту Божьяго; онъ выйдетъ здоровый изъ своего родимаго угла; проснется въ немъ старинная мощь, и докажетъ, что въ немъ бьется то же могучее сердце, которое билось у его предковъ, *Платовскихъ* молодцевъ, возросшихъ на степяхъ; готовъ казакъ послужить Россіи, всегда готовъ: стрѣлою, сжавъ крѣпко пику, пролетитъ онъ по степи и кто не увидитъ, что онъ—закаленное чадо тѣхъ самыхъ казаковъ, которыми «гордился» покойный Императоръ, легшій во гробъ въ казачьемъ мундирѣ...

Вотъ уже третій день я ѣду по степямъ и третій же день, какъ меня занимаютъ все одни и тѣ же мысли. Остановишься на станціи, и тебя непремѣнно спросятъ: «а что у васъ, на Руси?» Удивительно! Казаки будто не считаютъ себя Русскими, и въ тоже время цѣлые полки ихъ берегутъ Россію. Они стоятъ за

Русь; они ея дѣти — всѣ отъ атамана до простаго казака; они Русскіе; въ нихъ та же православная вѣра, то же рвеніе за честь Царя, но все спрашиваютъ: «вы Русскій?» «вы изъ Россіи?..» Странно!.. Занятый такими мыслями, я подъѣзжалъ къ Ново-Черкасску.

Прощай!

16-го Генваря, 1856 года.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Было пасмурное Октябрьское утро; холодный вѣтеръ ходилъ по степямъ и дулъ мнѣ прямо въ лице; сѣрое и затянутое облаками небо стояло надо мною; сдѣлалось грустно, тяжело... Отчего давилось грустію сердце? Отчего печаленъ и, будто убитый, сидѣлъ я, по мѣрѣ приближенія къ давножеланному городу?—Не знаю...

Столбы ясно указывали, что уже тысячу семь сотъ верстъ я проѣхалъ отъ Петербурга, и только семнадцать верстъ осталось до окончанія моего пути; вотъ уже и она, эта знаменательная семнадцатая верста... Гляжу пристально вдаль, и глаза, словно, окаменѣли на показавшемся въ полусумракѣ городѣ... Весь, весь я претворился теперь въ одно зрѣніе.—Я увидѣлъ Ново-Черкасскъ!..

Церковь показалась прежде всего; при взглядѣ на нее я сотворилъ молитву... Не сочти за лицемѣріе этого откровеннаго моего признанія. Представь,—вѣдь ѣхалъ «юноша», по волѣ Государя, въ первый разъ на должность,—юноша, взятый на седьмомъ году отъ отца и матери въ школу, подъ Царское крыло, грѣвшее и хранившее его цѣлые шестнадцать лѣтъ,—ѣхалъ въ городъ, дальній и отъ родины и отъ мѣста образованія: представь это, и неудивишься, если была тронута душа при видѣ города, гдѣ въ первые суждено было мнѣ начать свою службу Царю. Поколебалось сердце; не стало въ немъ силы; не нашлось крѣпости... И вотъ, какъ будто въ успокоеніе волнующихся мыслей, возстала Церковь на привѣтъ новому члену общества; она издали текла къ нему, какъ отецъ къ своему сыну и говорила: «миръ тебѣ!» Благословенна Россія! Вездѣ, на ея землѣ, прежде виднѣется крестъ Церкви, потомъ дома и послѣ уже люди,—это знакъ того, что вѣра первый спаситель Русскаго человѣка; что безъ

нея не увидитъ онъ ни роднаго дома, ни родимыхъ родителей, ни всѣхъ присныхъ сердцу...

Осѣненный благословеніемъ Церкви, я сталъ смѣлѣе въ душѣ; началъ шутить съ ямщикомъ, настаивая, чтобы онъ скорѣе ѣхалъ.

Дорога отъ послѣдней станціи идетъ все подъ гору; стелятся тѣ же степи, о которыхъ я говорилъ тебѣ въ первомъ письмѣ; покатость оканчивается у самаго Ново-Черкасска. А вотъ и онъ, давно желанный Ново-Черкасскъ.

Предо мною гора; у подошвы ея течетъ рѣка; на гору ведетъ широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой довольно видные дома; подымаюсь медленно на довольно большую гору; вотъ тріумфальныя ворота: на нихъ огромными буквами выбито незабвенное имя Александра I-го. Взглянувъ на благословенное имя, я представлялъ себѣ послѣдній поѣздъ Государя Александра I-го въ Таганрогъ, Его смерть и ту печальную колесницу, на которой отправлено было въ Петербургъ почившее вѣчнымъ сномъ тѣло Монарха....

Мимо меня пролетѣли на лошадяхъ два Донца; какъ стрѣла пронеслись они; вотъ ихъ уже нѣтъ, а топотъ все еще отзывается въ моихъ ушахъ.... Теперь я окончательно понялъ, что прибылъ въ столицу Войска Донскаго.

Нужно ли описывать тебѣ мое представленіе къ начальству и къ моимъ товарищамъ по службѣ?.. Все, что ни происходило со мною теперь, трогало меня до глубины души; потому что все было ново и въ первый разъ... Въ первый разъ я шелъ какъ должностной человѣкъ—и подорожная и вицъ-мундиръ съ бѣлыми пуговицами: все это говорило, что настала пора службы.

Ввечеру я вышелъ гулять впервые по Ново-Черкасску. Гдѣ я ни проходилъ, вездѣ меня поражала опрятность, чистота; улицы —широкія, просторныя и свѣтлыя; дома есть даже Петербургскіе.

Передо мною большая широкая улица, идущая чрезъ весь почти городъ; на ней стоитъ честь и краса Ново-Черкасска—огромный домъ, который и въ Петербургѣ, на самомъ Невскомъ проспектѣ, занялъ бы почетное мѣсто,—большой трехъ-этажный квадратный каменный домъ гордо высится надъ всѣми другими строеніями; на немъ крупнѣйшими золотыми литерами написано: «Вой-

ковыя Присутственныя мѣста».—Я довольно проѣзжалъ губерній и городовъ; но подобнаго дома нигдѣ не видалъ; здѣшній домъ-заглядѣнье; о величинѣ его можешь судить, если представишь, что почти за семьнадцать верстъ онъ видѣнъ... Не забудь, что я описываю тебѣ свою первую прогулку по Ново-Черкасску и первыя свои чувствованія: строгъ не будь!

Идя далѣе по занявшей меня улицѣ, я замѣтилъ паркъ, похожій на Александровскій, что подлѣ Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ: такая же деревянная рѣшетка, такія же дерева, почти такая же бесѣдка. Къ саду примыкали лавки... Здѣсь же стоялъ памятникъ. Кому? Я не зналъ...

Сжавъ перначь въ лѣвой рукѣ, протянутой вверхъ, а правую съ обнаженною шашкою прижавъ къ бедру, разметавъ казацкую бурку и гордо поднявъ голову—дивный воинъ стоялъ на мраморномъ черномъ пьедесталѣ. Его устремленныя вдаль очи, грозная осанка, богатырская, могучая грудь, руки: все ясно давало чувствовать, что онъ—сынъ и мужъ битвы, готовый въ сей же мигъ летѣть на врага. Суворовская, Русская мощь, бившаяся въ каждой чертѣ воина — героя, казалось, вызывала на бой и громко говорила: «впередъ!...»

Кто же онъ, этотъ величественный воинъ?.. Читай, мой другъ, читай надпись: «Атаману Графу Платову за военные подвиги съ 1770 по 1816 годы—признательные Донцы»... Мое слово не въ силахъ высказать всѣхъ мыслей и чувствованій, закипѣвшихъ теперь во мнѣ... Мальчикомъ, мальчикомъ я почувствовалъ себя, при взглядѣ на могучаго Платова;—стоя у подножія этого мужественнаго ратника, грозы дѣйствительно грознаго Наполеона I, я не нашелъ словъ въ своемъ сердцѣ для привѣтствія незабвенному въ исторіи Россіи и въ сердцѣ каждаго Русскаго Атаману Войска Донскаго... Такъ пусть же «Пѣвецъ во станѣ Русскихъ воиновъ» на своей «боевой лирѣ» прогремитъ ему пѣснь:

«Хвала, нашъ вихорь Атаманъ,
Вождь невредимыхъ, Платовъ!
Твой очарованный арканъ
Гроза для супостатовъ!
Орломъ шумишь по облакамъ,
По полю волкомъ рыщешь,
Летаешь страхомъ въ тылъ врагамъ,

Бѣдой имъ въ уши свищетъ!
Они лишь къ лѣсу—ожилъ лѣсъ,
Деревья сыплютъ стрѣлы!
Они лишь къ мосту—мостъ исчезъ!
Лишь къ селамъ—пышутъ селы!»

Отъ поразившаго меня памятника я уже не желалъ итти далѣе, а наступившіе сумерки заставили отправиться домой...

Прощай, добрый товарищъ!

1 Февраля, 1856 года.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Ты, другъ мой, читалъ «Путешествіе въ Россію и Крымъ, совершенное въ 1837 году Анатоліемъ Демидовымъ;» и, я думаю, остановился на слѣдующемъ его описаніи Ново-Черкасска: «мы прибыли въ главный городъ Донскаго Войска—Ново-Черкасскъ. Глядя издали на бѣлые (?) домы этого города, расположенные по холму, выдающемуся въ равнину, на подобіе мыса, находишь, что они похожи *на большое стадо овецъ*, которыя разбрелись на обширномъ пространствѣ и щиплютъ траву... Дома здѣсь маленькіе, обмазанные яркою бѣлою краскою, дѣйствующею весьма вредно на зрѣніе (*).» Истины въ этомъ описаніи не ищи.

Ново-Черкасскъ лежитъ среди степей на высокомъ, длинномъ, широкомъ, а въ иныхъ мѣстахъ, перерѣзанномъ балками (т. е. рвами) холму; весь холмъ съ верху до низу застроенъ домами, и, какъ лентами, пересѣченъ прямыми улицами. Домовъ, которые похожи на большое стадо овецъ, щиплющихъ траву, здѣсь вовсе нѣтъ. Весьма мало и такихъ, которые обмазаны яркою бѣлою краскою Много тутъ улицъ, гдѣ стоятъ исключительно красивенькіе желтые деревянные домики. Я не засматриваюсь на каменные двух-этажные и одноэтажные дома, съ черепичными или жестяными крышами: на нихъ видна искусственность и архитектура щеголеватая. Я любуюсь небольшою и свѣтлою деревянною избою, гдѣ трудится обыкновенный смѣтливый Русскій умъ и Русская расчетливая рука...

Ты отъ души полюбуешься, смотря на эти скромные и небольшіе домики, часто съ тремя окнами, опрятные, свѣтлые и веселые на видъ, крѣпкіе по устройству. Домъ внутри просто игрушечка; какъ за конемъ, неразлучнымъ спутникомъ боевой жизни, ухаживаетъ Донецъ за избою, родимымъ угломъ своимъ, посто-

(*) Путешествіе въ Южную Россію и Крымъ Анатолія Демидова. Стр. 310.

яннымъ спутникомъ мирной, семейной жизни; войдя въ домъ, ты долго будешь засматриваться на это множество банокъ со цвѣтами, на эту изящную мебель, красные столики съ лежащими на нихъ пестрыми салфетками, на эти плетеные стулья, большія зеркала, лакированный, а часто и паркетный полъ, на эти красные ковры, которыми устланы чуть-не всѣ комнаты. Сколько мыслей о религіозности казаковъ пробудится въ тебѣ, когда посмотришь на дорогія кіоты съ посеребренными и позлащенными *кандѣлями* (т.е. лампадами)? Не одинъ уголъ, а почти все пространство около него уставлено иконами, и всѣ онѣ подъ золотою или серебреною ризою... Я знаю дома, гдѣ лампада негасимо теплится предъ образомъ. Потому-то, я думаю, ты особенно будешь недоволенъ слѣдующимъ отзывомъ Демидова объ образѣ жизни Донцовъ: «Жилища у Донцовъ крайне бѣдныя, одежда плохая; они не опрятны до чрезвычайности (*)..» Увѣряю тебя, что у меня не хватаетъ духу даже переписывать этотъ несправедливый и жестокообидный отзывъ; опровергать же его не стану: потому что самъ еще мало жилъ въ Ново-Черкасскѣ, а съ жизнію другихъ станицъ знакомъ еще менѣе. Но не могу не замѣтить, что я какъ сначала, такъ и теперь съ изумленіемъ смотрю на одежду казачекъ,—не плохая она, какъ сказалъ г. Демидовъ;—тутъ въ плохой одеждѣ не ходятъ,—а дорогая одежда, щеголеватая, роскошная. Длинная шуба на лисьемъ мѣху, покрытая полосатымъ шелкомъ, коцавейка, опушенная на воротникѣ и лифѣ или бобромъ или бѣлкою, повязка на головѣ, которая тоже шелковая: вотъ праздничный нарядъ простой казачки! Для Русскаго глаза, привыкшаго видѣть пестрые ситцевые платки и платья, бѣлыя безобразныя наметки, пеньковые сарафаны,- для такого глаза праздничный нарядъ простой казачки-заглядѣнье. Разумѣется, теперь уже я не удивляюсь изяществу и дороговизнѣ наряда казачекъ: къ чему человѣкъ не присматривается?!..

Черезъ городъ не протекаетъ ни одной рѣки: желанный, полный поэзіи, Донъ течетъ въ Стэромъ Черкасскѣ за двадцать слишкомъ верстъ отъ насъ; небольшія рѣчки-Тузловъ и Аксай орошаютъ Ново-Черкасскъ около подошвы холма. Ожидая пить Донскую воду и

(*) Путешествіе въ Южн.Россію и Крымъ А. Демидова. Стр. 310.

даже загадывая имѣть квартиру на берегахъ Дона, я сначала не пріятно былъ пораженъ, когда мнѣ дали напиться воды, взятой изъ колодца; за хорошую воду, которая привозится изъ рѣки и криницы, должно платить деньги. Думалъ ли ты, чтобъ въ провинціи надобно было покупать воду, какъ и въ Петербургѣ покупаютъ ее?

Въ Ново-Черкасскѣ есть двѣ прекрасныхъ улицы: Платовскій проспектъ и Московская. Платовскій проспектъ—роскошная улица; почти какъ Нева, широкъ онъ и идетъ чуть не на двѣ версты по окраинѣ холма, разрѣзывая его съ подошвы до подошвы. Почти всѣ знаменитости Ново-Черкасска расположены на Платовскомъ проспектѣ: и соборъ, и дворянское собраніе, двухъ-этажный кирпичный домъ, и гауптвахта, и присутственныя мѣста, и превосходныя каменныя лавки, и Александровскій садъ — лѣтнее всеобщее гулянье, и частные каменные видные дома съ аптеками и магазинами, и памятникъ Платову, и наконецъ базаръ—«пожирающій источникъ» продовольствія города, какъ умно выразился одинъ мой знакомый. Но не пользуется почетомъ проспектъ; онъ все таки одинокъ, какъ одинокъ уединенный памятникъ, стоящій среди его: виною одиночества проспекта—Московская улица. Она тотъ же Петербургскій Невскій проспектъ. Правда, ты не увидишь на Московской ни одного огромнаго дома, какіе красуются на Невскомъ проспектѣ и тѣхъ съ разноязычными надписями магазиновъ, которые вездѣ на Невскомъ. Но въ замѣнъ этого живое и любопытное зрѣлище ты найдешь на Московской, чуть зимняя погода подаритъ городъ яснымъ вечеромъ. Тогда вся знать Ново-Черкасска, все, что есть лучшаго, является здѣсь во всей красѣ и поражающемъ блескѣ. Почти на верстномъ протяженіи улицы, въ два ряда, не мѣшая другъ другу, ѣдутъ охотники и охотницы до катанья; коляски, кареты, щегольскія санки, закрытые и открытые экипажи: все это гремитъ и летитъ передъ твоими изумленными очами. Чуть сумерки, начинается другая, не менѣе пестрая и любопытная прогулка, или *проходка*. Экипажи изчезаютъ; аристократія уѣзжаетъ: открывается народное гулянье. Вся улица покрывается массами казачекъ, торговцевъ, казаковъ, чиновниковъ; идутъ, ходятъ, переваливаются съ боку на бокъ, шумятъ, хохочутъ: чудно! чудно!

Теперь о церквахъ. Церквей здѣсь не болѣе девяти. Ихъ архи-

тектура простая, сельская; онѣ не велики по виду. Но за то— что за величественный соборъ обѣщаетъ будущность Ново-Черкасску, — соборъ, заложенный рукою Наслѣдника Престола, а нынѣ царствующаго Государя Императора (въ 1850 году)?.. Теперь же особенно замѣчательна церковь Николаевская: въ ней иконостасъ весь подъ серебромъ.

Наконецъ сообщу тебѣ свои впечатлѣнія послѣ того, какъ я былъ въ первый разъ за обѣднею въ соборѣ. Служилъ тогда Высокопреосвященный Іоаннъ, Архіепископъ Донской и Ново-Черкасскій: пѣли пѣвчіе, раздѣлившись на два хора: собственно архіерейскіе и войсковые. Торжественность служенія архіерейскаго, тихій голосъ старца архипастыря, набожно молящійся народъ, которымъ была наполнена вся церковь, всеобщая тишина: все это глубоко тронуло меня. Не забуду долго первой обѣдни, которую я слушалъ въ Ново-Черкасскѣ. Гдѣ я ни былъ послѣ того, вездѣ расхваливалъ пѣвчихъ и ихъ согласное пѣніе... Назначеніе церковнаго пѣнія, по моему, есть «миръ». *Миръ вамъ*, говорилъ и заповѣдалъ ученикамъ своимъ говорить Спаситель, когда они войдутъ въ домъ; такъ и церковь и ея пѣніе должно умирять душу христіанина, когда онъ приходитъ въ нее для молитвы, а не приводить ее въ порывистые восторги, которые такъ обыкновенны, когда слушаешь свадебные концерты...

Особенно памятенъ будетъ мнѣ концертъ: «Единою просихъ отъ Господа, то взыщу», пѣтый въ соборѣ, гдѣ съ такимъ чувствомъ пѣлъ первый теноръ на архіерейскомъ хорѣ.... Теперь, другъ мой, я уже нахожу и недостатки въ пѣніи пѣвчихъ обоихъ хоровъ, но тогда, въ первую обѣдню, я видѣлъ одно достоинство, испытывалъ одно благочестивое наслажденіе. Послѣ моего двухнедѣльнаго пути слушаніе обѣдни въ соборѣ было истиннымъ счастіемъ и покоемъ; рѣдко человѣку посылается въ жизни подобный благочестивый праздникъ сердца, когда, сбросивъ всѣ до одной суетныя мысли о мірѣ и себѣ, живешь уже другою жизнію; кажется сей часъ бы поднялся съ земли и улетѣлъ, куда несется мысль, окрыленная молитвою и пламенѣющая огнемъ ея...

Прощай!

1856 г., Февраля 9.

ВЕСЕННІЙ РАЗЛИВЪ ДОНА.

Я тридцать верстъ проѣхалъ по берегу Дона, тридцать внизъ по самому Дону къ Азову и, признаюсь, не видѣлъ ничего величественнѣе того зрѣлища, которое представляетъ Донъ въ свой весенній разливъ.

Весною, въ концѣ Марта, на тридцать, на сорокъ и болѣе верстъ разливается онъ отъ одного края до другаго, между двухъ сплошныхъ, на подобіе стѣнъ лежащихъ, горъ; никто и ничто ему не помѣха: стоятъ деревни и станицы; Донъ течетъ черезъ нихъ и затопляетъ все отъ церкви до послѣдней избы; стоитъ городъ Старый-Черкасскъ; Донъ не щадитъ и его; плыветъ къ нему и заливаетъ старую столицу Земли Войска Донскаго. Смотря на затопленныя деревни, станицы, деревья, подумаешь, что онѣ оторваны водами Дона отъ своихъ мѣстъ и плывутъ, куда несутъ волны: ничуть не бывало. Станица спокойно живетъ на прежнемъ дѣдовскомъ мѣстѣ, ловитъ рыбу, плаваетъ на каюкахъ, (*) ходитъ или ѣздитъ въ, окруженную со всѣхъ сторонъ водою, Церковь. Разлива, повторяющагося ежегодно, никто не боится. Я слышалъ, что жители Старо—Черкасска, каждый годъ испытывающіе какое либо несчастіе въ разливъ Дона, все таки не соглашаются оставить городъ и поселиться въ Ново-Черкасскѣ или *на горахъ*, какъ обыкновенно называютъ здѣсь мѣста, не затапливаемыя Дономъ: «Нѣтъ, говорятъ Старо—Черкассцы, не пойдемъ отъ родимыхъ пепелищъ.» Прекрасная черта!...

На всемъ пространствѣ Дона ни одного Русскаго растенія: ни березы, ни ели, ни орѣшника; вездѣ верба, да камыши. Верба, разросшись въ большую рощу, вся погруженная въ воду, даетъ пріютъ птицамъ. Старыя знакомки-вороны (гдѣ ихъ нѣтъ?) царюютъ

(*) *Каюкъ*-лодка, яликъ.

въ рощѣ; навили много густыхъ гнѣздъ, «кричатъ во все воронье горло», одна кричитъ громче, другая тише, та стихаетъ, другая начинаетъ, и опять разомъ вскрикнули всѣ, стараясь перекричать другъ дружку. Такъ бываетъ въ школѣ, гдѣ сотни мальчиковъ, и учитель еще не пришелъ... суетятся, бѣгаютъ, дерутся, плачутъ, цензоръ кричитъ «тише», ученики примолкнутъ, а потомъ опять Содомъ-Гоморъ!..

Тихъ Донъ былъ ночью, когда я съ берегу глядѣлъ на его широкую равнину... Смотрите и вы!.. Вездѣ темно, только въ небѣ свѣтятся маленькія звѣзды, да еще по берегу, кое-гдѣ, вспыхиваетъ огонь, вѣроятно въ окнахъ станицы. Свѣтитъ полуполный мѣсяцъ и глядитъ на Донъ; лучи бросились въ неподвижныя воды и словно слились въ одинъ огненный столбъ, который протянулся по всей ширинѣ рѣки, чуть не до берега: будто пламенная полоса засвѣтилась въ водѣ, раздробившись на несчетные лучи. Нигдѣ на всемъ этомъ водномъ пространствѣ не слышно ни одного человѣческаго голоса: ни слова, ни звука; будто все замерло, будто человѣкъ оставилъ великое явленіе природы...

Если такъ тихъ Донъ ночью, то днемъ онъ представляетъ жизнь со всѣмъ шумомъ, пестротою и разгуломъ. Безчисленныя картины, одна другой разнообразнѣе, одна другой живописнѣе и привлекательнѣе, возстаютъ передъ вами въ весенній разливъ Дона.

Утро ясное; небо почти безоблачное; отъ лучей солнца будто серебромъ подернуты воды Дона; «искрятся, зыблются, сіяютъ» чуть подымающіяся волны; зарябилась вся равнина рѣки; вдали бѣлѣютъ полные паруса.

Вотъ вѣтеръ подулъ сильнѣе. Волны, казавшіяся издали синими, теперь посѣдѣли; мутны, словно щелокъ, сдѣлались онѣ. Въ вышинѣ длинными двумя нитями летятъ дикія утки; надъ самою водою носятся и кричатъ мартыны; недалеко, среди самаго Дона, покачивается *каюкъ*,—то спитъ рыбакъ, бросивъ надежную *кошку* (*) въ воду; везутъ въ огромномъ дубѣ соль бураго цвѣта; (она добывается изъ Маноцкихъ озеръ отъ рѣки Маныча); около затопленныхъ станицъ плыветъ *кельбухъ* (**), *рахманка* (***)

(*) *Кошка*-небольшой якорь.

(**) *Кельбухъ*-внутренность сома.

(***) *Рахманка*-внутренность рыбы вообще.

опять появляются мартыны и кучами сидятъ на не залитой проталинкѣ; не вдалекѣ отъ нихъ пара или двѣ лебедей, бѣлогрудыхъ; предъ вами идетъ «скидающійся» чебакъ, и лишь двѣ лежащія на уголъ полосы обозначаютъ его шествіе; по лѣвую сторону вашего каюка нескончаемою на подобіе лѣса полосою лежатъ камыши, одни голые камыши, гдѣ шныряютъ дикія куры, поютъ досадную, монотомную пѣсню лягушки; дальше, за камышемъ, невидно ничего: ни воды, ни земли, ни церкви, а одна безграничная даль, гдѣ уже волнуется Азовское море....

Глянешь на берегъ, тамъ бросаются въ глаза картины городской и сельской жизни: стоятъ станицы и города съ своими церквами; выходитъ до самой воды еще не начавшій зеленѣть садъ; кое-гдѣ торчатъ оштукатуренныя, покрытыя камышемъ, избенки съ голубыми ставнями; виднѣются дома на камняхъ; суетятся и шумятъ рыбаки и вы едва, едва разслышите одно слово среди ихъ говора «отваливай»; толпятся рабочіе и стучатъ топорами; наконецъ весь берегъ, гдѣ только есть жилье, занятъ *бугпами* (*), на которыхъ безъ числа виситъ *корбованная* и *салкованная* рыба (**).

Живою и шумною дѣятельностію кипятъ твердые берега Дона. Никогда такъ не *кишитъ* толпа народу, какъ въ весенній разливъ; тысячи рыбаковъ суетятся на берегу, поправляя сѣти, каюки и дубы; тысячи ѣдутъ за рыбой; тысячи вытаскиваютъ огромныя, на версту заброшенныя, волокуши; рыбы бездна приходитъ въ Донъ изъ моря и никогда не бываетъ такого удачнаго лова, какъ въ разливъ. Сколько нетерпѣнія, недоумѣній и тайной радости вы увидите въ этихъ хозяевахъ, которые, стоя на берегу, слѣдятъ за своею тонею! Сколько рабочихъ мужчинъ и женщинъ, молодицъ и дѣвушекъ, разныхъ губерній, разныхъ вѣръ, сидятъ на берегахъ Дона и занимаются приготовленіемъ рыбы! Вездѣ жизнь, приволье, раздолье...

Подходитъ вечеръ. Огненнымъ шаромъ катится солнце въ свою пучину; побагровѣло небо; замирающіе лучи еще свѣтятся и игра-

---

(*) *Бугуны*-жерди, положенныя на столбахъ.

(**) *Корбовать* значитъ рѣзать рыбу, по спинкѣ отъ головы до хвоста; *салковать*-разрѣзывать спинку и выворачивать на брюшную часть.

ютъ въ водѣ, а Донъ стихъ, замолкъ, не плеснетъ волною; рыбаки убрались домой.

Темнѣетъ... Ударили къ Дѣяніямъ: завтра Христовъ день... Святой звукъ пошелъ по водамъ Донскимъ!.. Какъ широко дышетъ ваша грудь! Какъ высоко чувствуетъ себя душа! Какъ свѣтлы ваши мысли! О, велика ты и неописуема Русская природа!

1856 г.

ДОНСКІЕ РЫБАКИ

I.

Гарно (*) живетъ Донской рыбакъ. Его видный, часто двухъ-этажный домъ, стоящій на берегу Дона, прекрасно убранъ внутри: плетеные стулья, дорогіе диваны, краснаго дерева столы, большія зеркала, портреты хозяина и хозяйки, чисто на чисто вымытые полы, часто паркѣ, *горки* (**), наконецъ превосходно отдѣланные кіоты и лампады: все это озадачитъ Русскаго новичка, особенно если подумаешь, что хозяинъ не великій человѣкъ, не чиновникъ, а простой мирный житель, рыбакъ Донской. Иной рыбакъ живетъ такъ, какъ дай Богъ жить Русскому помѣщику, имѣющему за сто душъ крестьянъ. Я знаю рыбака, котораго одинъ хуторъ стоитъ цѣлыя тысячи рублей серебромъ. На хуторѣ у него содержится табунъ лошадей, гуртъ быковъ, большія стада овецъ, безъ счету домашней птицы; на зиму готовится до трехъ сотъ стоговъ сѣна: благодать!... Сверхъ того онъ имѣетъ молотильную машину, прекрасный фруктовый садъ, глубокій прудъ съ множествомъ озерной разнаго рода рыбы, вѣтреную мельницу, значительное хлѣбопашество для продажи хлѣба за границу; лѣтомъ во время косовицы (сѣнокоса) на его поляхъ и лугахъ работаетъ до пяти тысячь человѣкъ: изумленіе!...

Каждый хозяинъ — рыбакъ имѣетъ сарай, а иной два, три и болѣе. Въ длинномъ сараѣ стоятъ *солила*, *буты*, *комяги* (***), гдѣ

(*) Т. е. отлично, богато.

(**) Шкапы съ разными фарфоровыми и хрустальными вещами, а также съ столовымъ серебрепымъ приборомъ.

(***) *Солило*—родъ четырехъ—угольнаго длиннаго короба, сдѣланнаго изъ деревянныхъ толстыхъ досокъ. Длина его около 10 аршинъ, а ширина 3 аршина. *Бута*—родъ бочки, разрѣзанной поперекъ. *Комяга*—огромное толстое дерево, выдолбленное въ срединѣ, длиною аршинъ десять.

лежатъ всѣ виды Донской рыбы: оселедцы (*), чебакъ, чехонь, сеньга, севрюга, осетры.

Я былъ разъ при разрѣзываніи севрюги: Боже мой! Сколько добра даетъ человѣку одна эта рыба! Изъ севрюги вынимаютъ молоки, хрящъ, клей, визигу, тёшку и балыкъ; ея голова составляетъ вкусное блюдо за столомъ.

Какъ хорошо лицемъ къ лицу видѣть приготовленіе такой закуски, какъ балыкъ и икра! При мнѣ натерли спинную часть осетра селитрою, дабы придать ей красный цвѣтъ; а затѣмъ накрыли ее солью, повѣсили въ балышницу (**), гдѣ, провѣтрившись, она уже явится передъ вами какъ настоящій дорогой балыкъ. Икра духомъ поспѣваетъ на закуску: если вы знаете, что поймано много икряной рыбы: стерлядь ли, осетръ ли, севрюга ли, то чрезъ часъ вы уже увидите икру на тарелкѣ и можете кушать, сколько душѣ угодно. (Икра такъ скоро приготовленная, называется свѣжею, а пробитая сквозь грохотъ (***) паюсною). Въ сараяхъ же иногда лежатъ сѣти и другія принадлежности рыбной ловли. Запахъ тутъ тяжелый, но рабочіе такъ привыкаютъ, что никто еще не страдалъ отъ воздуха, наполняющаго сараи. Рабочіе спокойно поправляютъ сѣти, носятъ рыбу, курятъ люльку; даже вы услышите здѣсь разгульную Малороссійскую пѣсню: «Журьба меня сушитъ, журьба меня крушитъ; а яжъ той журьбѣ да не подаюся; *пійду, горилки* напьюся...» Пѣсня о «журьбѣ» особенно любима здѣшними рабочими; ее поютъ и Хохлы и Русскія дѣвушки, нанимающіяся разрѣзывать рыбу. Ужи-вается же вездѣ Русскій человѣкъ; весь въ грязи: и коса дѣвичья, и руки, и носъ, и сапоги; другой бы проклялъ все и ушелъ, оставивъ и рыбу, и *салковнички* (****) и деньги: нѣтъ, онъ привыкаетъ ко всему, не мертвѣетъ, а живетъ еще большею жизнію, когда съ утра до вечера, съ малыми перерывами, поетъ свои любимыя и никогда не умирающія пѣсни.

(*) Т. е. сельди небольшія.

(**) Балышница—длинная, высокая, рѣшетчатая будка, гдѣ висятъ балыки.

(***) Грохотъ — родъ четырехъ-угольнаго рѣшета, сдѣланнаго изъ веревокъ.

(****) Салковнички— небольшіе топорики, которыми разсѣкаютъ рыбу.

Между сараями поставлены длинные бугуны, на которыхъ виситъ тысячами корбованная рыба: тарань и чебакъ. Чудный видъ издали кажетъ висящая рыба. Представте, что вы развѣсили на жердяхъ убитыхъ вами рябчиковъ; много, безъ числа, виситъ ихъ: и вы получите ясное понятіе о томъ впечатлѣніи, которое производитъ на васъ высушиваемая на бугунахъ рыба. Подъ бугунами большая тѣнь; тамъ, въ кучахъ, часто въ грязи лежитъ сейчасъ изъ дуба выгруженная рыба. Подлѣ кучь въ великомъ множествѣ валяется *аксень* (*), кельбухъ, рахманка. Надъ кучами рыбы сидитъ смотрящая на васъ изъ подъ лобья Калмычка и рѣжетъ рыбу. Сколько грязи, крови, шелухи рыбьей на ея рукахъ! Больно смотрѣть непривычному глазу на неопрятную Калмычку, растрепанную, ко всему равнодушную, словно умершую для своего дѣтища, которое здѣсь же, полуобнаженное, сидитъ въ коробкѣ, водитъ ручонками, плачетъ, плачетъ еще и засыпаетъ. Какъ убитая сидитъ Калмычка,—но она убитою кажется на видъ: посмотрите, вы постояли надъ ней пять минутъ, а она уже разрѣзала пять, если неболѣе чебаковъ, покорбовала или посалковала ихъ. Удивительно, какъ живо идетъ дѣло у дикарки! такъ и думаешь, что вотъ разрѣжетъ себѣ палецъ.

Я былъ въ Елисаветовской станицѣ, лежащей въ четырехъ верстахъ отъ Азова, и насмотрѣлся, и наслышался многаго и очень многаго. Съ зари до зари рыбаки бываютъ на Дону: хозяева поочереди закидываютъ сѣти; потому сотни людей — стоятъ на островку, или на дубахъ и ждутъ роковой очереди, когда забросятъ неводъ, — или волокушу длиною до 100 саженъ и вытянутъ осетровъ, севрюгъ, стерлядей, себѣ на радость, а хозяину на прибыль; такія же сотни уже тащатъ тоню и нагружаютъ дубы оселедцами, чехоною, чебакомъ. Надъ головами рабочихъ катится лучезарное солнце; летитъ всякая птица,—ни до чего рыбаку нѣтъ дѣла: онъ пожираетъ глазами чужія сѣти, рыбу, каюкъ, людей, даже самую воду.

Кончились очереди, пришли сумерки, рабочіе пріѣхали домой, начались за ужиномъ разсказы о счастливыхъ и несчастливыхъ уловахъ. Съ робкою, сдержанною душею, съ опущенными глазами

(*) Аксень—внутренность щуки.

слушаетъ хозяинъ разсказъ своихъ дѣтей, которые вмѣсто него ѣздили на тоню; угрюмъ старикъ, какъ начнетъ разсказывать сынъ о богатомъ уловѣ сосѣда, послѣ него бросившаго неводъ, но поймавшаго *гибель* рыбы икряной и холостой: и притихаютъ всѣ, и вздыхаютъ, и невеселы, и не скоро идетъ ужинъ; вы видите грусть вездѣ и растоскуетесь всѣмъ сердцемъ.

Но вотъ входитъ другой сынъ: онъ былъ въ особомъ паю, даетъ отчетъ, сдалъ — и прочь, какъ съ плечь, скука. Сынъ говоритъ, что онъ въ одну тоню *вытянулъ* десять тысячь чебака, нѣсколько тысячь чехони, гибель оселедцевъ, десять почти пудовыхъ севрюгъ, да два большихъ осетра.

Хозяинъ обращается къ вамъ, своему дорогому гостю, разговаривается, видимо веселѣетъ и всѣмъ становится лучше. «У насъ, говоритъ онъ, на Страстной много бываетъ рыбы, *густо* ея бываетъ... Тутъ ужъ бываетъ ея *великое напряженіе*.» И въ самомъ дѣлѣ, даже не вѣришь, до какой огромной цыфры доходятъ иногда рыбные уловы и за какой безцѣнокъ продается часто рыба въ Страстную недѣлю! Мой знакомый рыбакъ однажды разомъ поймалъ рыбы на три тысячи рублей серебромъ! Почему такъ много рыбы на Страстной недѣлѣ? «Такъ уже Богъ ее устроилъ,» отвѣчали мнѣ старики. Не могу умолчать объ одномъ забавномъ случаѣ: въ Россіи, на Деснѣ, я однажды купилъ будущую тоню за двадцать копѣекъ асигнаціями; припоминая подобныя дорогія тони и узнавъ, что на Дону тоже можно купить ихъ, я однажды и скажи хозяину о своемъ намѣреніи и о цѣнѣ, которую мысленно назначилъ за тоню. Представте, какъ осклабился рыбакъ, привыкшій говорить о сотняхъ и тысячахъ рублей! Рыбы много ловится на Страстной; она въ это время весьма дешева: на мѣстѣ лова, подъ Азовомъ, десятокъ большихъ икряныхъ стерлядей стоитъ двадцать копѣекъ серебромъ, даже въ Ново-Черкаскѣ продаютъ во время Святой стерляди не на фунты, а поштучно.

Изъ всѣхъ родовъ рыбы преимущественно интересуетъ *рыбалку* (т. е. рыбака) бѣлуга. Она рѣдко попадается, но за то иногда громадна бываетъ. Чудовище, а не рыба, слонъ, а не бѣлуга! Назадъ тому годъ, или два, поймали бѣлужищу въ 80 пудъ вѣсомъ. Колоссъ!.. Быками вытаскивали волокушу, гдѣ было это дѣтище, на двухъ саняхъ едва его могли уложить, согнувъ въ

двѣ погибели. На нее садились слово на лошадь. Потомъ продана была за 500 руб. (ас), въ Харьковѣ ее перекупили и дали 800; затѣмъ она, говорятъ, доставлена была въ Москву, гдѣ за одинъ показъ собралъ барышникъ 400 руб. Исполать тебѣ, благодатная рѣка Донъ!..

Я былъ свидѣтелемъ продажи оседлецевъ и, что успѣлъ, записалъ тамъ же, въ сараѣ. Пришли два торговца и начали съ хозяиномъ такую бесѣду.

«А. Чтожъ, потягаемся товарами?

Хозяинъ. Смотри же.

А. Ну, а что?.. А много ль денегъ?

Хоз. Чего тебѣ не жаль?

А. Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Хоз. Да не угадалъ... Либо больше, либо мньше. Вѣдь камыши густы сначала, а потомъ рѣдки.

А. Сколько же?

Хоз. Что? сули.

А. Да шестьдесятъ, да еще пять.

В. Да за чѣмъ же пятокъ прибавилъ. Ужъ ровно давай.

Хоз. Да соль еще прибавь.

А. Да мы оседлецы покупаемъ, а онъ соль продаетъ.

(Молчаніе)

Хозяинъ. Невеселые купцы.

А. За сколько же отдашь?

Хозяинъ. Да прибавка пустая: пять мало.

В. Вотъ зачѣмъ разомъ сказалъ «пять,» теперь бы этотъ пятокъ прибавилъ.

А. Да... Бери же, хозяинъ, шестьдесятъ пять, вотъ задатокъ.

Хоз. Нѣтъ, дешевле соли даете. На столько соли пошло. Если такая цѣна, то его рода (т. е. оседлецевъ) лучше и не ловить.

А. Рѣшите.

Хоз. Нѣтъ, такъ не будетъ. Первенькій оседлецъ, жирненькій, славный... Прежде по сту цѣлковыхъ продавалъ.

А. (Послѣ молчанія) Соль давно рубль, два рубля ходитъ за пудъ.

(Молчаніе)

Хоз. Пойдемъ-те-ка выпьемъ по стакану.

В. Чтожъ, продавецъ, *озлобляешься*, не зовешь и пиво пить.

Хоз. Ну, чтожъ? идите!!.»

Пошли въ землянку. Тамъ заговорили совсѣмъ о другомъ. Выпивъ все пиво, повели рѣчь рѣшительнѣе.

«А. Что же—о товарѣ, дѣдушка?

Хоз. Да прибавляйте.

А. Двѣсти тридцать асигнаціями?

Хоз. Давай сто рублей серебромъ. Какъ вы дешевите чужой товаръ.

А. Ей Богу, нѣтъ.

В. Да согласись, хозяинъ!

Хоз. Да ты таки *повертай* (т. е. сбивай) на мою руку.

А. Изволь, возьми сорокъ?

Хоз. Какъ? изъ шестидесяти сдѣлалъ сорокъ?

А. Нѣтъ, нѣтъ. Двѣсти сорокъ рублей, я хотѣлъ сказать.

Хоз. Хотѣлось-бы, чтобъ на триста рублей прибавилъ. Набавь ты (хозяинъ обратился къ другому торговцу), —или ты у себя на умѣ. Имя твое какъ?

А. Ѳома Алексѣевичъ.

Хоз. То-то у насъ ругаютъ другъ друга: «ахъ, ты Ѳома! Ужъ правда... Ѳома.

А. Такъ рѣшите.

Хоз. Мало

В. Отдайте. Кончите.

Хоз. Я тебѣ сказалъ, что ты вернешь на лѣво.

В. Богъ тебѣ поверстаетъ (т. е. поможетъ) «Господь не безъ милости!.»

Разговоръ потомъ шелъ о другомъ: о друзьяхъ, цибулѣ, погодѣ. Хозяинъ вышелъ изъ сарая на берегъ, куда приставали его люди. Торговцы что-то межъ собою говорили и, какъ казалось, разсчитывали по рукамъ.

Думая, что уже все кончилось, я сталъ слушать пѣсни, которыя пѣли Русскія дѣвушки, корбовавшія и салковавшія рыбу. Пока не увидѣли, что я слушаю, онѣ безъ умолку пѣли, но лишь увидѣли, перестали пѣть. Я просилъ продолжать — онѣ молчали.

На усиленную мою просьбу спѣть любимую ихъ пѣсню, дѣвушки запѣли: «Журьба меня сушитъ....»

Между тѣмъ разговоръ опять начался.

«А. Богъ съ нимъ. Не хочетъ продать.

Хоз. Да Богъ и съ вами... Вѣдь четыре посуды покупаете.

В. Посуда какая? Это короста, а не посуда.

А. Пойдемъ. Простите, господинъ!

Хоз. Прощайте, Алексѣевичъ! Давай двѣсти семьдесятъ!.. Я никогда не продаю, чтобъ у человѣка не было прибыли; я всегда людямъ приказывалъ, чтобъ безъ всякаго фальшу и солили и готовили оселедцевъ... Лови, лови, да почти *дурно* и отдай. Пусть лучше двѣ зимы вылежитъ дома.»

Не сошлись въ цѣнѣ. Торговцы ушли, а хозяинъ долго глядѣлъ, не вернутся ли они; ибо ясно видѣлъ, что давали безъобидную цѣну.

Разговоръ, приведенный нами, кажется, мимоходомъ показываетъ образъ жизни рыбака. Но для болѣе яснаго ознакомленія съ нимъ, мы добавимъ нѣсколько чертъ, касающихся внутренней, семейной жизни Донскаго рыбака. Патріархальность, набожность, богатство и строгая нравственность: вотъ тѣ черты, которыя намъ удалось подмѣтить въ немъ. Какъ патріархальный человѣкъ, онъ живетъ просто: при васъ надѣнетъ халатъ, пойдетъ даже босой по гладковычищенному полу, къ дѣлу крикнетъ на хозяйку, сына, хоть бы тутъ самъ царь сидѣлъ. Рыбакъ любитъ читать старыя наши книги: Четьи-Минѣи, Патерики, Прологи. Его столъ, что подъ образами, служитъ яснымъ доказательствомъ простоты хозяина. На столѣ я нашелъ: Псалтырь, щеты, тетради о приходѣ и расходѣ рыбы, рѣчи христолюбимому воинству Донскому Игнатія, архіепископа Донскаго, азбуку, молитвословъ, чернилицу и Кіевскій Синопсисъ, —гдѣ доказывается, что Русскіе такъ названы отъ «россѣянія» по многимъ странамъ племени своего. Не думайте, чтобы даромъ лежали указанныя книги на столѣ: рыбакъ ихъ давно прочиталъ и знаетъ твердо. Я сдавалъ своего роду экзаменъ рыбаку, когда онъ спросилъ меня: «а почему Русскіе называются Русскими? Кто прародитель Славянороссійскаго народу?» Я счастливъ былъ, что догадался еще прежде вопроса прочесть отвѣтъ въ Кіевскомъ Синопсисѣ. Другой рыбакъ спрашивалъ о Троянской войнѣ; я началъ была говорить о похи-

щеніи Парисомъ Елены: нѣтъ, не тутъ-то было! Рыбакъ по своему объяснилъ всю пресловутую Троянскую войну на основаніи какой-то книги. Простота рыбака видна въ каждомъ его движеніи и въ каждой рѣчи. Спросите рыбака о Платовѣ, онъ не разскажетъ вамъ о боевой жизни знаменитаго атамана: онъ вспомнитъ только, какую рыбу любилъ ѣсть герой Войска Донскаго. «Бывало пріѣдетъ въ нашу станицу и вдругъ давай ему *сазанины*»: вотъ что прежде всего скажетъ вамъ о Платовѣ Донской рыбакъ!

Рыбаки — хозяева отличаются опрятностью въ домахъ и роскошью въ одеждѣ: въ праздничные дни жена и дочь идутъ въ церковь въ лисьихъ шубахъ съ опушкою изъ выдры, покрытыхъ шелковою матеріею; а отецъ и сынъ въ крытыхъ тонкимъ сукномъ лисьихъ и енотовыхъ шубахъ. Чай, кофе, балыкъ, икра составляютъ необходимую ежедневную потребность.

Какъ набожный человѣкъ, Донской рыбакъ строго блюдетъ праздники: люди тогда не работаютъ; дѣти не смѣютъ и куска хлѣба взять въ ротъ до обѣдни. Не быть въ церкви считается за тяжкій грѣхъ. Только въ большой разливъ Дона по станицѣ или въ большую бурю бываетъ не тѣсно въ просторной, богато-убранной церкви. Сами жители наперерывъ исправляютъ въ церкви обязанность дьячковъ, пономарей; постоянно составляютъ изъ среды своей хоры пѣвчихъ. Посты сохраняются рыбакомъ чисто-аскетически. Сказано въ Уставѣ: «до захода солнца не ѣсть,» и исполняется законъ свято. Мнѣ разсказывалъ одинъ сынъ рыбака, что онъ, истомившись на великій сочельникъ, украдкой взялъ бубликъ и не смѣлъ съѣсть дома, хотя зналъ, что отца нѣтъ въ домѣ: онъ ушелъ въ камыши, на ту сторону замерзшаго Дона и въ чащѣ ихъ съѣлъ запрещенный плодъ... На Страстной недѣлѣ въ пятницу, въ субботу, до вечерни не дается даже дѣтямъ ни чаю, ни булки.

Идя въ церковь, рыбакъ несетъ цѣлую связку свѣчь: я видѣлъ, какъ одинъ рыбакъ ставилъ свѣчи предъ всѣми иконами. Страстной четвергъ вѣчно останется въ моей памяти. Было темнымъ— темно, когда мы выходили изъ церкви, по окончаніи Страстей. Всѣ шли съ зажженными свѣчами. Какъ бережно, едва ступая, несъ мой рыбакъ спасительный свѣтъ Срастной свѣчи въ свой

домъ, построенный на яру (*), надъ Дономъ, и съ какою набожностію онъ зажегъ всѣ свѣчи и лампады у иконъ!.. Я не знаю, что знаменуетъ этотъ обрядъ, не виданный мною нигдѣ. То ли онъ значитъ, что въ глубинѣ мрака и вещественнаго и духовнаго одинъ и долженъ быть свѣтъ для человѣка, свѣтъ вѣры? Или этотъ свѣтъ показываетъ, что въ дни всеобщаго ослѣпленія Іудеевъ, ополчившихся на невиннаго Іисуса, одинъ Спаситель былъ свѣтомъ во тмѣ, которая не могла Его объять? Какъ бы то ни было, но нѣтъ сладостнѣе для сердца, святѣе для души, величественнѣе для глаза того зрѣлища, которое представляетъ народъ, идущій изъ церкви ночью, съ зажженными свѣчами. Темно всюду; на лѣво отъ васъ обрывъ, гдѣ течетъ спокойный Донъ и—свѣтъ отъ вашей свѣчи падаетъ на его замолкшія воды...

II.

У рыбака занимаются ловлею и приготовленіемъ рыбы преимущественно Калмыки и Малороссы, (которые болѣе извѣстны здѣсь подъ именемъ: «Хохлы».) Скажу, что я замѣтилъ о ихъ жизни, которую видѣлъ лицемъ къ лицу.

Калмыки, или лучше Калмычки, приходятъ къ рыбаку изъ ближайшихъ степей. У рыбака Калмыки живутъ въ кибиткахъ, поставленныхъ на берегу Дона. Кибитка, сдѣланная изъ чакана (**), по виду похожа на толстый снопъ ржи и сверху обтянута войлокомъ. Кибитка внутри весьма не убрана; опрятность—слово незнакомое Калмычкѣ, хозяйкѣ кибитки; чувствованія непріятныя, даже болѣзненныя пробуждаются въ васъ, когда входите въ самую кибитку.

(*) Яръ—большой обрывъ берега.

(**) *Чаканъ*—родъ куги, растущей въ болотныхъ мѣстахъ. Сердцевину чакана, когда онъ молодъ, ѣдятъ.

Постели лежатъ разбросанныя; подлѣ куска хлѣба валяется сапогъ, люлька, безъ которой Калмычка, какъ кажется, и жить не можетъ, ибо почти постоянно куритъ; дѣти и большія и малыя лежатъ непричесанныя; при младенцѣ нѣтъ нѣжнаго материнскаго глаза и ласкающей руки: онъ покрытъ тряпкою и спитъ; заплачетъ—не вдругъ откликнутся на его крикъ: ибо мать на работѣ... Широкое лице Калмычки, дикіе и потупленные глаза, сильная задумчивость, неопрятность ясно говорятъ вамъ, что это дочь ни чѣмъ не стѣсняемыхъ и никого не стѣсняющихъ степей. Какъ тамъ, среди простора и подъ открытымъ небомъ, жилъ Калмыкъ, такъ живетъ онъ среди рыбаковъ, подъ сараемъ, на берегу Дона. Вѣрный своему природному чувству, Калмыкъ не соглашается, даже во время зимы, перейти къ хозяину жить въ его избѣ. Мнѣ разсказывали, что даже пяти—минутное пребываніе Калмыка въ Русской горницѣ тяжело для него; сильный потъ катится тогда по лицу дикаря, привыкшаго жить подъ открытымъ небомъ.

Живя между Русскими, нѣкоторые Калмыки прекрасно говорятъ по Русски. (*)

Трудолюбивая Калмычка съ ранняго утра до поздняго вечера неутомимо работаетъ надъ рыбою съ своими дѣтями. Я уже говорилъ, какъ живо у ней идетъ работа; дѣло кипитъ въ рукахъ дикарки—удивительное явленіе для несовсѣмъ поворотливой Русской руки, такъ неохотно работающей на чужаго хозяина, на его счетъ и прибыль. Тысячу штукъ рыбы она приготовитъ въ день. Салкуя и корбуя рыбу, Калмычка тѣмъ приноситъ большую услугу хозяину рыбнаго завода. Малороссы почти и не знаютъ этого дѣла: они день и ночь на рѣкѣ; ихъ дѣло поймать, привесть, выгрузитъ рыбу; дѣло Калмычки очистить ее.

Перехожу къ рабочимъ *Малороссамъ*. Малороссы — давнишніе сотрудники Донскаго рыбака въ его промыслахъ. Они собрались на Донъ изъ разныхъ губерній: Харьковской, Черниговской, Кіевской и Черноморья, Полтавской и Екатеринославской. По сороку, а иногда болѣе, Малороссовъ держитъ у себя каждый хозяинъ рыбнаго завода. Въ своихъ работахъ они раздѣляются на два разря-

---

(*) Въ Гимназіи Ново-Черкасской учится одинъ Калмыкъ; онъ занимается очень хорошо, даже законъ Божій проходитъ и говоритъ по—Русски, какъ Русскій. Въ Войсковыхъ Присутственныхъ мѣстахъ служитъ много Калмыкъ писарями.

да: на неводчиковъ и рядовыхъ; неводчикъ, начальникъ рядовыхъ; онъ прямо получаетъ приказаніе отъ хозяина и наблюдаетъ надъ рабочими; послѣ онъ же отдаетъ отчетъ хозяину въ дневномъ уловѣ и во всѣхъ другихъ работахъ.

Когда рабочіе плывутъ на тоню, неводчикъ обыкновенно стоитъ на кормѣ дуба или каюка. Какъ начальникъ, неводчикъ получаетъ и больше жалованья отъ хозяина: два пая даетъ неводчику хозяинъ. Неводчикъ получаетъ одну часть, какъ рабочій, а другую отъ хозяина, изъ его прибыли, какъ начальникъ.

Нужно впрочемъ замѣтить, что не вездѣ бываютъ неводчики; гдѣ у хозяина есть взрослые сыновья, неводчиковъ нѣтъ. Сыновья правятъ всѣми работами. Я знаю рыбака, котораго два сына превосходно ведутъ рыбные промыслы. Чуть свѣтъ, они уже на Дону съ рабочими.

Малороссы, какъ и Калмыки, весьма дѣятельны; но всё чего—то недостаетъ въ нихъ. Глядя на ихъ работы, такъ и видишь необходимость внѣшняго побужденія. Обыкновенно разсерженный хозяинъ называетъ хохловъ «Махометы», когда замѣчаетъ нечестность дѣла, грубость или ослушаніе. Рабочіе хохлы живутъ въ особенно устроенныхъ землянкахъ, гдѣ полъ земляной и печка среди сѣней. Землянка—занимательный уголъ: войдите днемъ, въ рабочее время, вы никого тамъ не увидите, кромѣ больнаго и разбросанной одежды вдоль длинныхъ лавокъ. Ввечеру — народу и шуму вдоволь; разговоровъ-тьма. Въ праздники, особенно во время Святой Недѣли, когда я жилъ среди рыбаковъ, кутежъ у нихъ страшный. Водка, игра въ карты на деньги, разсказы, смѣхъ, пѣсни во весь голосъ, брань, примиреніе, недовольство хозяиномъ: все это такъ искренно, отъ души, что вы долго не оторветесь отъ веселаго разгула, и по неволѣ припомните стихи графа Ал. Толстаго:

«Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча!

Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль стоять, такъ ужъ за дѣло,

Коль простить, такъ всей душей,
Коли пиръ, такъ *пиръ горой.*»

Далеко за полночь идетъ пиръ горой; тутъ ужъ никакія мольбы и увѣщанія не помогутъ.

Характеръ Малороссовъ—рыбаковъ—характеръ всей Малороссіи, улыбающійся, насмѣшливый. Малороссы «поющее и пляшущее племя,» сказалъ Пушкинъ (*). Какъ весельчакъ, хохолъ вдругъ задѣнетъ новичка Русскаго; вдругъ посмѣется, подмѣтя его незнанье или неумѣнье. Живо и теперь помню, какъ надо мной издѣвался хохолъ, когда я ѣхалъ съ нимъ на каюкѣ. Какъ Русскій, недавно прибывшій на Донъ, я многаго не понималъ здѣсь; чтобы записывать все новое и любопытное для меня, я имѣлъ при себѣ листъ бумаги и карандашъ. Хохолъ подмѣтилъ это и началъ трунить. На Дону сидѣли дикія утки. «Что такое?» спросилъ я.— «*Сагайдаки,*» отвѣчалъ серьйозный хохолъ и мигнулъ своему товарищу... Ѣхали мы мимо барки, затопленной по случаю военныхъ обстоятельствъ; отъ напора воды она скрыпѣла. «Что такое?»—«Это, баринъ, *домовой играетъ*», сказалъ хохолъ и захохоталъ, что есть мочи... Наѣхали на водоворотъ. «Что такое?» Это *черти скубутся*», отвѣчалъ тотъ же хохолъ.

Веселость характера отражается на всей жизни Малоросса—рабочаго. Для него, словно, нѣтъ въ жизни печали. Я встрѣчалъ Малороссовъ, которые по двадцати лѣтъ живутъ у одного и того же хозяина; при нихъ никого—ни жены, ни дѣтей. Оторвался отъ родины и живетъ припѣваючи на Дону. Мысль о семейной жизни, какъ будто, не идетъ ему въ душу; онъ не женатымъ рыболовомъ вѣкъ проходитъ. Такъ Малороссъ любитъ Донъ и свою рыбную ловлю; такъ онъ любитъ жизнь въ кругу товарищей, среди постояннаго простора.

Живя не на родинѣ, Малороссъ любитъ ее: это видно изъ того, что онъ постоянно и со всѣми говоритъ по—Малороссійски, какъ онъ говорилъ съ дѣтства; носитъ одежду Малороссійскую; обычаи исполняетъ Малороссійскіе; наконецъ пѣсни поетъ тоже Малороссійскія.—

Я собралъ небольшое число ихъ; здѣсь сообщу одну, особенно любимую и ежедневную пѣсню о «Журьбѣ».

(*) Изд. Анненкова. 1—416.

«Журьба меня сушитъ,
Журьба меня крушитъ,
Я жъ журьбы той да не пидаюся,
Пійду съ горя *горилки* напьюся.
Шинкарочка мыла,
Усыпь меду и вина,
Горилки пилвидра,
Бири на заставу
Коня воронаго,
Коня воронаго
Меня молодаго.
«Не велѣла маты
Заставушки браты,
Повелѣла маты
Тебя распытаты:
Колы ты женатый,
Такъ ѣзжай до дому,
Колы не женатый,
Такъ ночуй зо мною.»
—Есть у меня жинка,
Да диточикъ двое—
Чернавы обои,
Да не пригортаютъ
Серденько мое.»

1856 г. Мая 22.

КАНУНЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА У ДОНСКАГО РЫБАКА.

Въ два часа по полудни, наканунѣ Рождества Христова прошлаго 1856 года, стоялъ я съ однимъ хозяиномъ рыбнаго завода на берегу Дона, верстахъ въ 12 отъ Азова. Все бывшее у меня теперь передъ глазами ясно показывало, что завтра не Рождество Христово, а великій день Пасхи, и сегодня не коляда, когда дрожишь отъ холода, а суббота Страстной недѣли, когда такъ тепло въ природѣ. Картины, которыя я видѣлъ, были весеннія картины: стлались обнаженныя равнины вялаго камыша; широко среди степи лился Донъ; плавали по немъ стаи мартыновъ, семьи утокъ и одинокіе ныркн; на дубахъ и каюкахъ ѣхали за тонею рыбаки; небо почти голубое; въ воздухѣ теплота; на поляхъ ни снѣжинки; на улицѣ грязь по колѣно,—весна, весна!..

Въ сосѣдней станицѣ заблаговѣстили, и быстро понеслась благодатная вѣсть по волнамъ Дона....

Съ грустію продолжалъ я смотрѣть на весеннюю, несвоевременную природу; мой рыбакъ скучалъ, тосковалъ, разсказывая, какіе большіе убытки онъ терпитъ изъ-за непогоды; онъ указывалъ мнѣ на приготовленія къ зимней рыбной ловлѣ, стоявшія среди завода безъ всякаго употребленія, и на садки въ Дону, заставлявшіе хозяина ежеминутно опасаться, что рыба погибнетъ. Передамъ читателямъ со словъ рыбака,—что такое зимніе снаряды для ловли рыбы, что надѣлала нынѣшняя зима въ Донскомъ рыбномъ промыслѣ и что такое садки на Дону?

Зимою Донской рыбакъ разомъ ловитъ въ десяти мѣстахъ; ѣздитъ на Азовское море, строитъ, какъ Калмыкъ, кибитки и живетъ съ своими рабочими, сколько захочетъ, вдали отъ своей станицы, среди замерзшаго моря.

Чудная и веселая, говорятъ, бываетъ тамъ жизнь! Случаются несчастія, растаетъ море и кригою унесетъ нѣсколько кибитокъ съ людьми и рыбою: но это бываетъ рѣдко. Чаще случается, что пропадаетъ народъ: вьюга замететъ его. Все это можетъ постигнуть рыбака; однакожъ онъ скорѣе и вѣрнѣе разсчитываетъ на золотое счастіе и дорогую прибыль, когда станетъ Донъ и замерзнетъ море, нежели на лихую бѣду и непрошеную убыль (*). Поэтому рыбакъ ждетъ Рождества, выставляетъ заранѣе среди завода все, необходимое до зимней рыбной ловли. Приготовлены у него сани; стоятъ *котели*, *вентера*, лежатъ во множествѣ *сежи*. Какъ больно хозяину видѣть, что его снаряды уже половину зимы пробыли на заводѣ даромъ! Какъ радъ онъ бывалъ, когда вбивались огромные колья въ ледъ до дна Дона, ставились подо льдомъ вентера, котели; толпились около сѣтей рабочіе, на сежахъ горѣли ночью огни и освѣщалось все на Дону, какъ во время иллюминаціи! Это бывало, а теперь нѣтъ, какъ нѣтъ!.. На вентера, котели, сежи и сѣти падаетъ дождь; хозяинъ, вмѣсто многихъ, ловитъ въ одномъ мѣстѣ. Скучно безъ зимы!.. рыба нейдетъ; а если и идетъ, то что изъ нея! никто ее не ѣстъ и не *кушаетъ*: рыба *квелая*, никуда почти негодная. Хозяинъ терпитъ ежедневные убытки. Когда бывали морозы, рыбу прямо отправляли въ Харьковъ и *скрозь*, а теперь надо солить *въ корень*, чтобы не испортилась. Рабочіе жалуются: «сапоги истопчешь, коли зимы нѣтъ», говорятъ они.

Дѣйствительно, нынѣшняя зима памятна будетъ долго у Донскихъ рыбаковъ; убытки и потери чувствительныя понесъ почти каждый хозяинъ.

Разскажу бывшій при мнѣ несчастный случай. Мой знакомый рыбакъ поймалъ большую бѣлугу, пудовъ въ 10 вѣсомъ. Радъ, радъ былъ онъ!... Надѣялся сбыть ее за золотую цѣну. Какъ и водится, пустилъ гостью въ садокъ, думая при наступающихъ морозахъ отправить ее въ Ростовъ. Что же? Чрезъ три дня бѣлуга *уснула*... Надобно было видѣть смущеніе и волненіе хозяина, когда ему сказали о случившемся несчастіи... будто сына потерялъ онъ!. Изъ мертвой вынули икру; самую бѣлугу положили въ дубъ и отвезли въ Ростовъ для продажи, гдѣ приказано было отдать ее

(*) Зимою 1858 года наканунѣ, кажется, новаго года была страшная буря на Азовскомъ морѣ; воды нанесло болѣе сажени и погибло 300 человѣкъ рыбаковъ. Объ этомъ см. Азовскія письма Нестора Кукольника С. П. Б. Вѣд. 1859 г.

почти за безцѣнокъ... Виною такому горю была погода. Будь морозъ, бѣлуга въ садку замерзла бы и *мерзлякомъ* (т. е. замороженною) доставлена была бы въ Россію... Но пролитой воды не подымешь.

Рыбные садки на Дону довольно просты по виду и устройству. Садокъ есть не иное что, какъ длинный, но не широкій, четыреугольникъ, сколоченный изъ досокъ; онъ весь лежитъ въ водѣ, которая льется черезъ его края. На зиму сажаютъ въ садокъ рыбу съ Іюня мѣсяца; едва наступятъ морозы, какъ пріѣзжаютъ купцы и замороженную покупаютъ рыбу: такъ она доставляется въ Россію.

Садки бываютъ маленькіе и большіе: маленькіе для хозяина, а большіе для купцовъ. Когда случится дорогой гость, хозяинъ велитъ изъ маленькаго садка поймать стерлядь и въ минуту поспѣетъ лакомое блюдо. Чудная уха стерляжья на Дону, уха изъ свѣжей и живой рыбы!

Садки лежатъ поодаль отъ берега. Въ нихъ содержится очень много рыбы. Слѣдующій случай лучше всего познакомитъ читателя съ этимъ дѣломъ. У моего рыбака, съ которымъ я стоялъ на берегу Дона, въ одну ночь украли изъ садка рыбы на 500 рублей сер. Судите, сколько было добра тамъ!.. Теперь у него въ садкѣ восемьдесятъ севрюгъ, 10 осетровъ, 8 бѣлугъ отъ 4 до 10 пудовъ, а всей рыбы въ садкѣ съ сулою и чебакомъ на четыре тысячи рублей сер. Прошу замѣтить, что я говорю объ одномъ извѣстномъ мнѣ рыбакѣ; у другихъ хозяевъ бываетъ больше и меньше.

Разсказывали мнѣ про образъ жизни рыбы въ садкахъ. Незавидная доля суждена ей! Рыба въ садкахъ худастъ; выходится за лѣто такъ, что не похожа дѣлается ни на что: все тѣло почти пропадаетъ, остается только одна голова. Такъ вся и истаетъ. Одинъ хозяинъ завода наблюдалъ надъ стерлядью; еще лѣтомъ онъ сдѣлалъ на ея спинѣ царапину и оставилъ увѣченную ходить до зимы. Что же? зимою едва могъ онъ узнать свою знакомку. «Разумѣется, замѣтилъ мой рыбакъ, въ неволѣ ходитъ и худаетъ. Въ рѣкѣ она (т. е. рыба) *сытость* находитъ себѣ, а въ садкахъ ничего, кромѣ воды. Совсѣмъ не тотъ вкусъ у нея; вкусъ смѣняется; свѣженькую если поймаешь, зарѣжешь и сваришь, совсѣмъ не то»...

Садки также противны рыбѣ, какъ клѣтка птицѣ и тюрьма человѣку. Рыба напрягаетъ всѣ усилія выпрянуть (выскочить) изъ садка. Сама бѣлуга, эта большая и важная рыба, не стыдится поднять голову и ртомъ извѣдать, какъ крѣпка сѣтка, прикрывающая садокъ. Что касается сазана, то о немъ рыбаки разсказываютъ чудеса. Это настоящій революціонеръ, либералъ страшный; онъ не любитъ сидѣть въ садкѣ, какъ шаловливый и бойкій ученикъ на скамьѣ. Вообразите,—сазанъ постоянно рвется изъ садка; одинъ подыметъ морду и ударитъ въ сѣтку, потомъ другой, потомъ третій, далѣе всѣ сазаны: чистѣйшій заговоръ! И что же? Если одному удастся выскочить, то и всѣ уходятъ. Изъ всей рыбы, содержимой въ садкахъ, только стерлядь смирна, кротка и терпѣлива. Посадятъ ее, монахиню, и пребываетъ она въ молчаніи невозмутимомъ; опустится ко дну и никогда не помышляетъ объ освобожденіи изъ плѣна (**)...

И долго, долго мы стояли съ рыбакомъ на берегу Дона; онъ скучалъ, не видя зимы и терпя убытки, а я грустилъ, глядя на него. Не веселъ былъ канунъ Рождества Христова у Донскаго рыбака!..

1857. г.

(**) О цѣнѣ на рыбу см. «Замѣтки о Донѣ» И. Л. Моск. Вѣдом. 1858 № 48. Здѣсь напечатаны три статейки (№ 44, 47 и 48), исполненныя довольно грубыхъ ошибокъ. Такъ напр. г. И. Л. говоритъ (со словъ Тенгоборскаго), что «на Дону разводится 15-20 сортовъ винограда..., но казаки этихъ тонкихъ различій не знаютъ, а просто различаютъ только *винный черный* и *винный бѣлый, пухляковскій* (стр. 199 № 48)». Удивительное заблужденіе!..

ДОНСКІЯ СТЕПИ.

Степь! Что такое степь, и притомъ степь Донская, лѣтомъ, въ іюльскіе, безпрерывные жары? Это—почти несносный путь по огромнымъ, перерѣзаннымъ балками, ярами, пространствамъ, безлюднымъ, пустыннымъ, безлѣснымъ, сухимъ и усѣяннымъ изчахшими травами. Среди голубаго, не отемненнаго даже однимъ облачкомъ, неба катится пламенное солнце и повыжгло всю траву на степи, беззащитную траву, на которую не падаетъ тѣнь отъ лѣса, или рощи, или придорожныхъ березъ: ибо ничего подобнаго нѣтъ на Донскихъ степяхъ. Цѣлыя сотни верстъ ѣдешь и не видишь зерноваго хлѣба. «Гдѣ у васъ сѣютъ хлѣбъ?» спросилъ я ямщика. «Тутъ его нѣту,» отвѣчалъ ямщикъ. Бывало въ Россіи, ѣдешь по проселку, среди ржи и ячменя, какъ среди лѣса; на повозку гнется спѣлый колосъ. Здѣсь же я проѣхалъ по степямъ почти четыреста верстъ и въ глаза не видалъ ни одного колоса ни ржи, ни ячменя. Сѣется и тутъ хлѣбъ, но вдали отъ большихъ дорогъ. Тяжело! На шестидесяти и болѣе верстахъ часто не видишь ни одного признака жизни. Изъ сожженной земли выползаютъ только блѣдная полынь, да вѣчнозеленыя малаканки (или молочай). Какой нибудь шалашъ *бакчевника* (*) стоитъ вдали; но и этотъ единственный признакъ жизни скрытъ отъ васъ густою пылью, въ тучѣ которой бѣжитъ почтовая тройка. Потъ катится по лицу унылаго ямщика, непріятно звенитъ колокольчикъ. Горишь, загораешь, глотаешь пыль, мучишься жаждою, а прохлады нѣтъ нигдѣ... Невыносимо! Въ Россіи, бывало, если уже нѣтъ лѣсу, хлѣбныхъ полей, такъ все таки есть гдѣ укрыться отъ полуденнаго солнца,—есть березы, которыя тамъ иногда бываютъ такъ велики, такъ кудрявы и такъ многотѣнисты

(*) Бакчевникъ тотъ, кто стережетъ бакчу. См. ниже. Стр. 39.

по большимъ дорогамъ. Сто разъ спасибо тому, кто велѣлъ посадить при большихъ дорогахъ березы. Не велика, кажется, выдумка, а какъ она много значитъ въ дорогѣ! Что если бы по Донскимъ степямъ, хоть на почтовыхъ трактахъ, стояла верба, или тополь, котрые здѣсь растутъ? О, это было бы благодѣяніе для проѣзжаго и пѣшехода! Вмѣсто вербы или тополя здѣсь торчатъ туры, сдѣланные изъ талóвъ (*), плетеные, круглые, въ срединѣ наполненные землею.... Вмѣсто ржи, ячменя, которые на Руси занимаютъ цѣлыя сотни верстъ, здѣсь разстилются на огромныхъ пространствахъ колючки, ямурка, полынь и молочай,— травы дикія, для Русскаго незнакомыя, или знакомыя лишь по описанію. Я видѣлъ множество травы, стоговъ сѣна, много цвѣтковъ: но все это повысохло, посгорѣло, позачахло. Степи Донскія —то же сухое море...

Неужели, скажете вы, въ Донскихъ степяхъ только и жжетъ солнце, а дождей нѣтъ? Не ошибетесь. Часто лѣто проходитъ, а иныя полосы степныя и дождинки съ неба не увидятъ. Засуха бываетъ ужасная: дождя иногда ни капли не падаетъ отъ самой Пасхи до августа. Въ отношеніи къ дождю, степи Донскія изумительны: разомъ цѣлое круглое лѣто нѣтъ дождя, и разомъ опустошительные потоки его льются неудержимо.... Сколько гибели иногда несетъ дождь съ собою ни чѣмъ не защищеннымъ степямъ! Не изъ ведра, а изъ цѣлыхъ хлябій бѣжитъ онъ съ неба и съ горъ по степямъ: уноситъ съ собою сотни стоговъ сѣна; мчитъ лошадь семь и восемь верстъ по своей дождевой, обратившейся въ рѣку, водѣ; размываетъ и разрушаетъ людскія хаты; словомъ, бѣдствіе страшное дождь въ степи, если онъ долго нейдетъ. Да если и не бываетъ подобнаго ужаснаго дождя, все таки грустно на степи, когда идетъ дождь. Какъ досадно, когда онъ захватитъ васъ вдали отъ станціи! Грязь по дорогѣ дѣлается въ одно мгновеніе; едва можетъ тащить тройка почтовую повозку на какомъ-нибудь не большомъ косогорѣ; унылою дѣлается вся степь. Измокли овцы и уже не кричатъ; въ посинѣломъ бурьянѣ лежатъ замытые дождемъ быки. Бакчевникъ сѣлъ въ шалашъ и сидитъ тамъ, какъ заяцъ подъ лопухами: берите, сколько хотите, арбузовъ, тыквъ и дынь, если надѣетесь не уто-

(*) Талы—растеніе, похожее на камышъ. Изъ нихъ дѣлаютъ повозки, плетни и пр.

нуть въ грязи. Схоронилась всякая птица, только одинъ отвага-грачь съ шумною толпою грачей разлетѣлся почти на версту среди плавающей въ грязи степи. Да мало того что сѣлъ на степь, онъ еще и запѣлъ.

Еще разъ скажу—грустно и мучительно ѣхать по Донскимъ степямъ... Смотрите на этотъ курганъ, что высится надъ яромъ. Курганъ изъ солонца: весь голый и обнаженный. Коршунъ, постоянный житель степей, усѣлся и чинно сидитъ на немъ. Кругомъ кургана на десятки верстъ стелется степная равнина съ изсохлою бѣлою полынью. Подлѣ кургана находится кладбище. На кладбищѣ ни деревца, ни цвѣтка, ни кустика, ни склепа, ни—даже креста. Тяжело, кажется, и мертвецу въ степи! Тѣни нѣтъ и для его могилы.... Чрезъ кладбище идетъ дорога; по едва поднятымъ могиламъ торчатъ небольшія колья съ маленькими перекладинками: это степные мавзолеи! Кое-гдѣ лежатъ два, три камня на землѣ. Если бы мнѣ не сказали, что тутъ кладбище, я бы и не перекрестился, стоя на немъ. Даже полыни нѣтъ на могилахъ: онѣ всѣ истоптаны степнымъ скотомъ. Впрочемъ не судите, что такъ дики и голы кладбища на степяхъ... Гдѣ же взять лѣсу? На Дону онъ чрезвычайно дорогъ и почти не растетъ. Хорошо еще, что есть дерево у степнаго казака для жилья живому человѣку, да еще дерево для *домовины* (*) умершему... А надъ могилою ляжетъ тѣнь тогда, когда облака пройдутъ по раскаленному небу...

Да, тяжелъ путь по Донскимъ степямъ! Ѣдешь пятнадцать и двадцать верстъ, а воды глотка не найдешь. Покажется и вода; вотъ вдали зыблется бѣлая и обнявшая весь горизонтъ полоса; прозрачна она, какъ струи воды, бѣжитъ и рѣетъ вверху земли: рѣка, рѣка, думаешь въ радости. Подъѣзжаете-рѣки нѣтъ, она ушла далѣе, и прежде, и послѣ и кругомъ васъ отдастъ та же свѣтлая мгла. Это-*марево* (миражъ). Какъ полдень, такъ оно будто въ утоленіе взора является на степи и обольщаетъ путешественника. Народъ очень наглядно выражается объ этомъ восхитительно-обманчивомъ маревѣ: «полдень бѣгаетъ», говоритъ онъ.

(*) *Домовина* — гробъ.

Не только безлѣсность, безлюдность, засуха и безводіе составляютъ тягости и печали степей; есть и другія бѣды, которыя находятся въ степи и дѣлаютъ ее страшною. Бѣды эти: ураганы, суслики и саранча.

Я видѣлъ ураганъ въ Донской степи. Поразительное зрѣлище! Поднялась въ пасмурный день черная, пречерная пыль вдали; стало темно; зашатались верба и груша; сѣли птицы безмолвно на землю; лошадь притаилась у забора; вода въ рѣкѣ цѣлыми потоками рвалась на берегъ и грызла, какъ остервенѣлая, траву; посинѣла вся рѣка и почернѣла; стаями начали метаться ласточки *въ оливадѣ* (*); шумъ сдѣлался похожій на шумъ мельницы, гдѣ кружится десять камней. Ураганъ причиняетъ большія несчастія: срываетъ кресты съ церквей, съ домовъ жестяныя крыши, разрушаетъ мельницы, разноситъ цѣлые стога.

Суслики, или овражки, небольшое животное, пепельнаго цвѣта, не вредное и вредное. Не вредно оно, ибо имъ часто тѣшатся степные мальчики. Весною, когда таетъ снѣгъ, сусликовъ множество ловятъ ребятишки. Поймаютъ шалуны суслика, возмутъ его за головку, надѣнутъ ярмо, какъ на быка,—онъ и идетъ, «какъ волы». Сколько смѣху при этомъ бываетъ! Суслика впрочемъ трудно ловить; едва завидитъ онъ человѣка, вдругъ побѣжитъ къ своей *нурькѣ* (**) и, поднявшись *на дыбочки*, слушаетъ. Вы подходите, а онъ «*чикъ*» въ нурьку, и слѣдъ простылъ. Одно есть средство выгнать его изъ норы,—лить въ нее воду: сусликъ выплываетъ. Сусликъ строитъ себѣ весьма удобное помѣщеніе; въ одной норѣ три отдѣленьица: одно для зимы, другое для лѣта, а третье для корму. Какъ видите, умненькое и не вредное животное. Но это на первый взглядъ. Сусликъ вредъ большой дѣлаетъ на степи. «Отъ него, говорилъ мнѣ мальчикъ, ничего не заведешь, ничего не схоронишь, все ѣстъ»... Мальчикъ не преувеличилъ. Разсказываютъ, что сусликъ ѣстъ на степяхъ хлѣбъ; иногда на тридцать и на сорокъ верстъ располагается онъ; строитъ норки и начинаетъ истреблять посѣянное. Онъ любитъ еще не начавшій зеленѣть хлѣбъ, такъ все *и подкоситъ*. Въ одной станицѣ отка-

(*) Мѣсто въ саду, гдѣ много находится вербы и другихъ растеній.

(**) Пишу по мѣстному говору. *Нурька* т. е. норка.

зались даже отъ пашни. Говорятъ, что въ старину меньше было на степяхъ сусликовъ. Тогда каждый хозяинъ обязанъ былъ на свой пай въ полѣ убить сто сусликовъ. Теперь этого не дѣлаютъ, за то и развелись же суслики на Донскихъ степяхъ. Есть горы, гдѣ онѣ, какъ рой, кипятъ: (выражаюсь словами мальчика, гулявшаго со мной по степи).

Но гроза и язва Донскихъ степей есть саранча. Большія опустошенія на нихъ производитъ это насѣкомое. Какъ туча, идетъ саранча: дѣлается среди бѣлаго дня темно. Несясь, она трещитъ, бьетъ, *шуршитъ*. Гибель всему, на чемъ она сядетъ! Образовавъ цѣлые курганы изъ себя, саранча идетъ по землѣ и подобно волнѣ переваливается, все истребляя. Ѣдъ бросьте-выпьетъ; шапку киньте-*общекочетъ*; не только хлѣбъ, но и траву она пожираетъ, а преимущественно любитъ камышъ и кугу. Степняки очень хорошо изучили ея жизнь. На крылышкѣ насѣкомаго есть маленькія линійки; народъ изъ этого заключаетъ, что саранчѣ уже Богомъ назначено куда летѣть. Истребивъ все на полѣ, она оставляетъ здѣсь сѣмена свои и на слѣдующее лѣто является новая саранча. Какъ человѣкъ, она имѣетъ роздыхъ и ночлегъ. Когда измучится летѣть, то идетъ пѣшая; тогда нѣтъ силъ избавиться отъ бѣдствія. Когда летитъ, то еще можно прогнать ее хлопаньемъ, стукомъ, крикомъ; пѣшую же нѣтъ силъ остановить. Жгли ее соломою, топтали лошадьми,—ничто не помогло: саранча еще болѣе и болѣе увеличивалась. «Знать не велѣно ее губить, это Господне наказаніе», говорятъ старые казаки. Замѣчателенъ инстинктъ у этого насѣкомаго: увидя, что человѣкъ стучитъ, кричитъ, оно подается въ сторону и не сядетъ тамъ, гдѣ стоитъ бдящій. «Саранча-все равно, что воръ», говорятъ старики: «увидитъ, убѣжитъ.»

Но не все же такъ бываетъ страшна степь, какъ я сказалъ; не всегда же палитъ пламенемъ солнце; не вездѣ живутъ животныя-истребители; не все полынь и ковыль растутъ на ней.

Есть въ степяхъ предметы, которыми отъ всего сердца насладишься. Есть травы и растенія, которыя весьма полезны для жизни человѣка и родятся въ изобиліи въ здѣшнихъ степяхъ. Такъ чернобыломъ и курою степняки топятъ избы; полынкомъ и желѣзнякомъ настаиваютъ водку; щавель, катранъ, чаканъ, дубецъ употребляютъ въ пищу; изъ сибирька дѣлаютъ вѣники; дурманъ, буркунъ, ромашка, чистякъ, коровят-

никъ, бабошникъ, пуговникъ, мята, полынь, шалфей, молочай, филошникъ и множество другихъ растеній и травъ служатъ спасительнымъ средствомъ отъ разнаго рода болѣзней. Иныя травы, если не доставляютъ насущной матеріальной пользы, то хороши по виду и запаху: петровъ ботыхъ прелесть что за цвѣточекъ! Голубенькій, чудесный: такъ бы и не оторвалъ глазъ отъ него. На лужаечкѣ зеленѣетъ гусеница: но неволѣ залюбуешься ею среди высохшей побѣлѣвшей полыни (*). Прекрасный и далеко несущійся чудесный запахъ издаютъ: чиборъ, прежде всякой травы показывающійся весною,—Богородицына травка, дикая рожа, горошскъ, мята, ромашка. Растетъ много ягодъ, между которыми особенно вкусны живика и тернъ. Живика похожа на малину, но только чернаго цвѣта. Но что за зрѣлище представляетъ тернъ! Какъ смарода черная, виситъ онъ на густыхъ и огромныхъ кустахъ; сколько гомону, шуму, бываетъ въ степи, когда назначатъ день для собиранія ягодъ терна! Вся станица со стариками и малолѣтками идетъ рвать тернъ; другъ передъ другомъ спѣшатъ: какъ оживаетъ тогда пустынная степь! Какъ гуляютъ тогда казаки станичные!

А бакча? Чего стоитъ одна бакча? Бакча краса степей. Велико иногда бываетъ то пространство, на которомъ лежитъ бакча. Нѣсколько десятинъ занимаетъ она, Бакча—мѣсто среди степей, гдѣ сѣютъ арбузы, дыни, тыквы, початки (или кукуруза), подсолнухи, морковь, горчицу, макъ. Чудно смотрѣть на бакчу, когда она вся уже созрѣла! арбузами, дынями и тыквами, какъ градомъ усыпана. Арбузы здѣсь ничемъ. Ихъ покупаютъ сотнями и возами; въ урожайное время за полтинникъ берутъ цѣлый возъ арбузовъ.— Въ степи, во время дороги, арбузъ такой лакомый и сладкій ку-

(*) Донской край—самый малоизвѣстный край по своей флорѣ. Мы видѣли множество травъ и не знали соотвѣтственнаго имъ Русскаго названія. Привелемъ нѣкоторыя: колокольчики, пырей, душица, спаришь, ливанда, растрѣлъ, деревей, грицики, пѣтушьи гребешки, перелетъ, кочетки, колачики, козельки, полынь бѣлая, запчатая и пр. и пр. и пр. Для ботаника—поле еще не начатое. Мнѣ разсказывалъ Донской помѣщикъ, В. И. Чиковъ (въ Потемкинской станицѣ), что въ Варшавѣ ему показана была отъ лихорадки трава, которую одинъ докторъ полагалъ найти въ Америкѣ. В. И. Чиковъ нашелъ ее около своей станицы и теперь лѣчитъ ею казаковъ. Какъ называется трава,—ни онъ, ни я не знаемъ.

сокъ, что червонецъ далъ бы, только принеси и дай напитаться его влажною внутренностію.... А не то прыгнулъ изъ повозки, тутъ же далъ шага два, да и взялъ съ бакчи арбузъ: поѣзжай и ѣшь, пока не догналъ бакчевникъ.

Есть множество птицъ и животныхъ дикихъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ рѣдкость, роскошь стола и заняли бы всю охотническую братію, а здѣсь, въ степяхъ, онѣ живутъ въ великомъ множествѣ, появляются за столомъ простаго даже казака и не слишкомъ прельщаютъ охотниковъ. Много бьютъ въ степяхъ стрепетовъ; сотнями ловятъ куропатокъ; стаями летаютъ дрофы, или дудаки; милліонами водятся дикія утки; попадаются дикія козы; атарами, какъ вихорь, носятся сайгаки, или сайги. Это животное степное такъ замѣчательно, что о немъ необходимо сказать нѣсколько словъ. Онѣ необычайно быстры на бѣгу и дѣлаютъ прыжки огромные. Собака не можетъ поймать сайгака. Для отдыха сайгаки избираютъ впадину, «кобицу», и одинъ стоитъ непременно на часахъ, когда всѣ спятъ. Если на лежащаго сайгака нападутъ мухи, то онъ вдругъ, вскочивъ, сдѣлаетъ кругъ верстъ въ пять. Охота за нимъ весьма трудна; сажень триста иногда охотникъ долженъ ползкомъ подходить, дабы не услышалъ чуткій сайгакъ. Въ одномъ случаѣ сайгакъ не спасется,—это тогда, когда переправляется черезъ рѣку; тутъ хоть рѣжь его, назадъ не пойдетъ. Сайгака можно сдѣлать ручнымъ.

Хороши и заманчивы степныя дикія животныя, но еще лучше степныя домашнія животныя на Дону. Тутъ-то вся жизнь, слава и богатство Донскихъ степей. Взгляните утромъ, въ полдень, или вечеромъ въ степь Донскую, васъ вездѣ поразитъ ея благодать. Худой, худой помѣщикъ не имѣетъ на степи трехъ сотъ быковъ, столько же лошадей, тысячи овецъ; есть помѣщики, которые до шестидесяти пяти тысячь содержатъ овецъ, до пяти и болѣе тысячь лошадей, быковъ, и безъ счету домашней птицы. Всѣ гурты и табуны скота день и ночь ходятъ въ степи, лѣто и зиму живутъ въ степи на подножномъ корму. Отсюда отправляютъ скотъ въ Россію, отсюда доставляютъ лошадей для большей части войска Русскаго. Отлично, отлично въ Донской степи!..

Посмотрите въ заключеніе всего на хуторъ Донской и оставьте всякую мысль о безлюдности степи.

Около большаго става стоитъ съ чердакомъ домъ; передъ бал-

кономъ оливадъ, гдѣ и вербы, и цвѣтовъ, и плодовыхъ деревъ много, весьма много. Какъ хорошо и сладко, послѣ труднаго пути по Донскимъ степямъ, взойти на балконъ хутора ночью; кругомъ темно на землѣ, а небо все искрится звѣздами; стоятъ, какъ убитыя, въ оливадѣ деревья; тысяча тысячь сверчковъ въ травѣ, на цвѣтахъ, на деревьяхъ заливаются неумолчною пѣснію. Слушая, подумаешь, что весь оливадъ усѣянъ ими. Поютъ, трещатъ, звенятъ и все въ одинъ тонъ, ладъ, ноту, безъ перерыву. Славно почевать на хуторѣ! Хорошо дышать свѣжимъ воздухомъ съ оливада, пить свѣжую воду, ѣсть свѣжую рыбу, свѣжіе арбузы, и за все, за все, за жаркое солнце и пыль, за безлюдность степи и жажду,—за все возблагодарить Бога хотя однимъ земнымъ поклономъ.... Затѣмъ рухнешься какъ снопъ на постель,—а надъ тобою все еще мерцаютъ, какъ очи Бога, маленькія звѣзды. Сладко тогда въ спокойствіи духа смотрѣть на небо съ постлайной на балконѣ постели и засыпать въ виду не дремлющихъ звѣздъ....

1856 г. Авг. 17.

Письмо

Директора Земледѣльческой Школы г. Анненкова къ Автору.

Милостивый Государь!

Прочитавъ въ 109 № Московскихъ Вѣдомостей сего года прекрасную статью Вашу о Донскихъ степяхъ, я не могъ наравнѣ съ другими не отдать полной справедливости ея занимательности, живости изложенія и высокаго литературнаго достоинства. Но кромѣ интереса общаго, я въ ней нашелъ еще частный, относящійся собственно до моихъ занятій. Вы упоминаете о многихъ растеніяхъ, какъ то: колючка, ямурка, различныя полыни, пуговникъ, кура, асотъ, сибирекъ, гусеница, малаканка, дикая рожа, живика, трава, употребляемая отъ лихорадки и многихъ другихъ.

Я съ давнихъ поръ занимаюсь собираніемъ Русскихъ мѣстныхъ названій растеній (*) и уже собралъ ихъ весьма значительное количество, но приводимыя Вами названія такъ новы, такъ характеристичны, составляютъ такое прекрасное пріобрѣтеніе для науки, что даютъ мнѣ смѣлость обратиться къ Вамъ съ моей покорнѣйшей просьбою сообщить мнѣ и другія, извѣстныя Вамъ, названія различныхъ растеній Вашего края и вмѣстѣ съ тѣмъ для опредѣленія ихъ Латинскаго названія прислать по засушенному образцу каждой изъ травъ съ цвѣтами и плодами и, если возможно, сѣмена ихъ для разведенія въ саду ботаническомъ, съ цѣлію точнѣйшаго съ ними ознакомленія.

Извините меня, что я, не имѣя чести знать Васъ лично, рѣшаюсь безпокоить Васъ моей просьбой, но встрѣчая въ Васъ человѣка, столь коротко знакомаго съ обитаемой Вами мѣстностію, мнѣ казалось извинительной моя нескромность, дѣлаемая во имя науки и общей пользы, и даже было бы грѣшно не воспользоваться Вашими свѣдѣніями.

(*) Г. Анненковъ издалъ книгу о Русскихъ простонародныхъ названіяхъ растеній. *Авт.*

Я почту долгомъ отдать публичную благодарность Вамъ за Ваши свѣдѣнія и указать на ихъ источникъ и кромѣ того счелъ себя бы совершенно счастливымъ, если бы могъ надѣяться на образованіе постоянныхъ сношеній между нами для разъясненія многихъ интересныхъ вопросовъ, относящихся къ изслѣдованію еще малоизвѣстныхъ естественныхъ произведеній Вашего края.

Смѣю надѣяться, что Вы меня почтите отвѣтомъ и согласіемъ на исполненіе моихъ просьбъ.

Прошу принять увѣреніе въ истинномъ моемъ уваженіи и преданности.

И. Анненковъ.

Москва.
1856 года 20 Сент.

На такое лестное приглашеніе г. Директора Анненкова мы долго не отзывались. Послать голый отвѣтъ съ увѣреніемъ, что принимаемъ съ готовностью вызовъ, мы стыдились; сдѣлать же хотя что-нибудь на дѣлѣ не могли. По степямъ Донскимъ въ лѣтнее время мы проѣзжали только разъ и то по случаю: насъ пригласили! Встрѣчаясь съ незнакомыми предметами, мы тотъ часъ спрашивали имъ названіе и записывали на мѣстѣ же. Очевидно, что могли впасть въ грубую ошибку; понимая это очень хорошо, никакъ не могли отважиться написать г. Директору хотя что-нибудь...

Повторяемъ слова г. Директора, что край Донской малоизвѣстный край. Для Русскаго здѣсь на каждомъ шагу новость, особенно на степи. Огромное пространство занимаетъ Земля Войска Донскаго; на ней много произведеній, вовсе не отмѣченныхъ наукою. Тутъ

необходимъ глазъ и умъ спеціалиста, дабы сказать что-нибудь положительное. Наше же поверхностное и мимолетное наблюденіе только можетъ пробудить опытнаго человѣка къ изслѣдованію малоизвѣстнаго края, а отнюдь не быть руководствомъ при изученіи его.

Вотъ почему мы не рѣшались долго отвѣчать г. Директору Анненкову: теперь же послали, что могли.

1859 г. Авг. 2.

ЛУГОВАЯ СТОРОНА ДОНА И ВЕСНА ВЪ СТЕПИ.

Проѣхавъ пустыя, сожженныя солнцемъ, мертвыя Донскія степи, наконецъ видишь жизнь во всей красѣ и разнообразіи: вдругъ повѣетъ на васъ прохладою, свѣжимъ воздухомъ, поразитъ зеленью,— это тѣ мѣста, гдѣ текутъ рѣки и преимущественно Донъ и Донецъ. Какъ хорошо и пріятно, сладко и радостно видѣть эти рѣки среди безводныхъ Донскихъ степей! Ѣдешь и не замѣчаешь, что откроется за горою, думая, что далѣе опять будутъ волнообразныя пространства съ посѣдѣлою полынью, зеленымъ молочаемъ и другими изсохшими травами. Но великъ, разнообразенъ и прекрасенъ Божій міръ! И среди степей природа «добра зѣло»... Съ послѣдней горы въ одно мгновеніе открываются зеленыя, ровныя и впадистыя пространства, гдѣ не вдалекѣ другъ отъ друга текутъ Донецъ и Донъ... Вдали широкою бѣлою лентою идетъ Донъ, ближе, мутною и ярами испещренною полосою, Донецъ, съ каймою песку по берегамъ своимъ. Великъ лугъ, гдѣ текутъ эти двѣ рѣки; необычайно обширна луговая сторона Донца и Дона, когда станешь обозрѣвать ее во всю длину, ширину и изчезающую даль. Однимъ огромнымъ и роскошнымъ садомъ съ плодовыми деревьями, цвѣтниками и травами, кажется вамъ неоцѣненная, золотая луговая сторона... Со всѣхъ сторонъ пространствами, идущими въ видѣ горъ, гребней, уступовъ и яровъ, какъ сплошною стѣною обнесена она; заглядишься на ея яркую зелень, особенно послѣ степной дороги. Горы, которыми окружена луговая сторона, заботливо защищаютъ ее отъ степныхъ урагановъ; Донецъ и Донъ даютъ ей ежемитную благодатную прохладу, свѣжесть и жизнь, а весною съ избыткомъ и до пресыщенія напаяютъ, когда зальютъ ее всю, совершенно всю, отъ одной горы до другой, на сорокъ и болѣе

верстъ въ ширину. Тутъ уже (на луговой сторонѣ Донца и Дона) растетъ и лѣсъ. Карагычь (или караичь), верба, тополь, вязъ, осина, ольха, терны, тала, куга, тавлага, бурьянъ и всякая трава: вотъ что зеленѣетъ на луговой сторонѣ. Гдѣ нѣтъ дерева тополеваго и вербоваго; гдѣ не кустятся талы, терны, тавлага, вязъ, тамъ растилается лугъ; травы на немъ всякой наросло и накошено; копнами и стогами сѣна, какъ крапинами, испещренъ онъ. Прямо, по всему лугу, на привольѣ, ходятъ, гдѣ угодно: кони, быки, телята. Много, безъ числа много, тутъ рабочихъ людей, косятъ и мужчины и женщины. На пескѣ, который широкими полосами стелется особенно около Дона, стоитъ *карша* (*); по самой рѣкѣ идутъ барки, плоты съ лѣсомъ, слышенъ крикъ мужика: жизнь, жизнь!... Проѣзжающему и пѣшеходу любо ѣхать по луговой сторонѣ; дорога часто лежитъ среди рядовъ вербы и тополей, какъ между аллей; тѣнь, забытое вами явленіе, отрадное въ дорогѣ, здѣсь уже покроетъ васъ, вашу повозку и лошадей. «Прекрасно», скажетъ вамъ Донецъ; «тутъ огромный лѣсъ», повторитъ онъ нѣсколько разъ. Но вы, если Русскій, только покачаете головой, проѣзжая такъ называемый огромный лѣсъ около Дона и Донца. Что это за лѣсъ? Жалкое и ничтожное подобіе Русскихъ лѣсовъ, гдѣ, если захочешь посмотрѣть на верхушки, такъ едва удержишь на головѣ фуражку; ночь среди бѣлаго дня лежитъ въ Русскихъ лѣсахъ; день среди ночи, если свѣтитъ луна, бѣлѣетъ въ лѣсахъ Донскихъ. Переѣзжалъ я Русскіе лѣса: страшны они днемъ,—еще страшнѣе ночью. Собирая въ нихъ малину, я всегда боялся медвѣдя; ходя за грыбами, я часто не зналъ куда выйти, хотя въ пяти шагахъ, помню, слышалъ голосъ сестры,—куда не посмотришь, вездѣ чаща! Лѣсъ же Донской, (видѣнный мною), кустарникъ, не больше! Прежде, говорятъ, огромный тополевой лѣсъ росъ по берегамъ Дона; воронъ не долеталъ до его вершины. Теперь такой лѣсъ почти извелся; въ нѣкоторыхъ юртахъ можно еще видѣть большой тополь; кое-гдѣ есть темныя рощи; найдете и дубъ шириною въ три обхвата: но все это такая рѣдкость, о которой только вспоминаютъ и говорятъ. Строеваго лѣсу мало, а въ иныхъ *лѣсахъ* его и вовсе нѣтъ: колъ, крюкъ, слегу еще можно добыть.

(*) *Карша* — дерево, вырванное съ корнемъ, унесенное въ разливъ водою и теперь стоящее на пескѣ.

Лѣтомъ Донскія рѣки почти не значительны; здѣсь уже мы не имѣемъ въ виду самаго Дона, который и лѣтомъ и осенью всегда бываетъ широкъ, неизсякаемъ, глубокъ, величавъ, убранъ виноградными, иногда роскошными садами, осыпанъ широкими нивами песку, рыбенъ, люденъ,—не имѣемъ въ виду и Донца, славной рѣки, усаженной, подобно Дону, виноградниками, идущей среди весьма крутыхъ береговъ,—ни Хопра, ни Медвѣдицы, ни Бузулука,–весьма большихъ рѣкъ: не эти рѣки имѣемъ въ виду, а другія, черезъ которыя проѣзжали мы въ жаркіе дни нынѣшняго сухаго лѣта. Назову хоть рѣку Аксай (*). Аксай, раздѣляющійся на нѣсколько вѣтвей, приносящій большія выгоды хуторамъ своими ставами и мельницами, иногда до того бываетъ узокъ и мелокъ, что человѣкъ свободно можетъ перешагнуть чрезъ него, гусь перейти. Иныя рѣки даже вовсе пересыхаютъ. Я видѣлъ одну изъ подобныхъ, хотя не помню ея названія. Русло рѣки теперь все занесено глубокимъ пескомъ. Но какъ хорошъ долженъ быть видъ ея весной! Она идетъ сквозь чащу вербы, тополя, таловъ, терновъ; въ настоящее же время тутъ, какъ я сказалъ, лежитъ широкая линія песку. Таковы–то рѣки и рѣчки Донскія въ знойное лѣто!

А посмотрите на нихъ весною! Окиньте взоромъ то, на сотни верстъ стелющееся, пространство, ровное, впадистое, низменное, по которому идутъ и плывутъ полыя Донскія воды! Всѣ до одной рѣки и ручьи сдѣлаются неудержимыми потоками; изъ рѣченки выростетъ широкая рѣка, подымется Донъ, заиграетъ въ одно время съ нимъ вся семья рѣкъ его, пойдутъ разомъ всѣ, затопятъ луга безконечные, нальютъ до верхушекъ балки глубокія, нахлынутъ въ ставы и озера многочисленныя, все встанетъ, все забушуетъ: на землѣ Войска Донскаго образуется необъятное море, гдѣ вода растелется и станетъ посредѣ горъ!.... Аксай тогда рѣка *грозная*: такъ говорятъ старожилы. Водою она бываетъ переполнена до нельзя; цѣлый мѣсяцъ играетъ грозная; бѣда тогда хозяину мельницы! На тридцать саженъ земли отбиваетъ разомъ вода отъ берега. Жаль бѣдняка хозяина! Онъ строитъ плотину

(*) Разумѣется не тотъ Аксай, который течетъ около Ново-Черкасска. На картѣ Земли Войска Донскаго показано, и въ самомъ дѣлѣ есть, *три* Аксая, Аксай, о которомъ здѣсь говорится, течетъ подлѣ Потемкинской станицы,

цѣлый мѣсяцъ, а она только поработала ему три дня. Гдѣ же мельница? Безпокойный Аксай или прорвалъ ее, или совсѣмъ снесъ. Впрочемъ весною Аксай вовсе не виноватъ въ разрушительныхъ своихъ дѣйствіяхъ; онъ долго, когда уже грѣетъ весеннее солнце, спокойно лежитъ подъ тающимъ льдомъ; его будятъ и проснется грозный. Поднявшійся Донъ, увлекши за собою другія рѣки, подплываетъ къ Аксаю: ломается и трещитъ тогда ледъ на спокойно лежащей рѣкѣ; рвутся всѣ ея плотины: дома не усидитъ хуторянка; словно городъ берутъ, кажется ей, и все это дѣлается въ виду ея, предъ ея глазами, часто предъ ея балкономъ. Трепещетъ бѣдная хуторянка!

За то же и радуются жители станицъ, дождавшись ненаглядныхъ весеннихъ дней послѣ разлива! Закипаетъ тогда степь дѣятельностію и шумною жизнію. Все неоглядное поднебесье огласится разнаго роду птицами; не стаями, а тучами несутся онѣ во всѣхъ концахъ и мѣстахъ степи Донской; летятъ предлинными и невиданными на Руси вереницами журавли и лебеди; являются казарги, красноголовыя гагары, стрепета, чибеса и др. Какъ роскошна, жива, пестра степь, омытая рѣками! Все, какъ зеленымъ ковромъ, застелется зеленью; въѣдешь въ степь, все равно что въ цвѣтникъ...

ДОНСКІЯ СТАНИЦЫ И ВСТРѢЧА КАЗАКОВЪ ИЗЪ ПОХОДА.

Лѣтомъ скучны Донскія станицы. Тоска смертельная невольно заляжетъ въ душу, когда посмотришь, какъ пусты всѣ улицы отъ утра до вечера. Палитъ солнце; несется пыль; затворены окна во всѣхъ домахъ: сонъ обломова! На открытомъ воздухѣ жарко и пыльно; въ комнатѣ сидѣть скучно, потому что темно и спать ежеминутно хочется. Встаютъ всѣ—и аристократы и плебеи чуть заря; въ семь часовъ ужъ готовъ чай, на который нѣтъ аппетита. Чрезъ силу выпилъ стаканъ чаю,—глянешь: солнце начало жечь въ окна, ихъ заложатъ,—дѣваться некуда. Обѣдаютъ рано, ужинаютъ еще раньше. Вечеромъ хоть бы пѣсню кто пропѣлъ: никто. Пѣсенники казаки на службѣ, въ походѣ, пѣсенницы казачки въ степи, на покосѣ. Придетъ праздникъ, думаешь, вотъ развернется станица: ничуть не бывало! Обѣдня отойдетъ рано, за тѣмъ послѣдуетъ ранній же обѣдъ, потомъ сонъ и еще сонъ. Около кабака только соберутся кучки станичниковъ, но и тутъ скука. Въ вечеру опять никого на улицахъ: кто убрался на покосъ, кто ушелъ спать.

Что касается лично до меня, то я иногда находилъ, чѣмъ разсѣевать скуку; я говорилъ съ стариками казаками о дѣдовской прежней казачьей жизни, о теперешнемъ бытѣ казаковъ; особенно я благодаренъ одному станичному атаману (*), который познакомилъ меня съ нѣкоторыми помѣщиками Донскими. Не будетъ, думаю, лишнимъ, если здѣсь вспомню кое-что изъ разговоровъ съ стариками и атаманомъ.

(*) Г. Чикову. Онъ живетъ въ Потемкинской станицѣ.

Я нѣсколько дней жилъ въ той станицѣ, откуда вышелъ извѣстный бунтовщикъ Екатерининскихъ временъ, Пугачевъ. Станица лежитъ надъ самымъ Дономъ; прежде (**) она была по ту сторону Дона, среди лѣса, и называлась Зимовейскою (нынѣ зовется Потемкинскою, отъ Потемкина). Мѣсто, гдѣ стоялъ домикъ Пугачева, теперь заросло травою. И доселѣ еще жива старушка, которая помнитъ Пугачева; она, будучи дѣвочкой, съ нимъ играла. Говорятъ, что будущій мятежникъ уже съ малолѣтства показывалъ свой крутой нравъ, былъ въ не повиновеніи отцу и матери, все любилъ командовать (говоримъ словами разскащиковъ); потомъ, когда ушелъ съ Дону, появились у него *думчіе* т. е. совѣтники, которые руководили имъ... Странно, что и теперь, среди тамошнихъ жителей, мнѣ случалось слышать неосновательные разсказы. Какъ будто не хочется народу сознаться въ своемъ заблужденіи, онъ лучше позволитъ себѣ небывалыя выдумки. Потому и говоритъ, что не Пугачевъ былъ главный, что не можетъ быть, чтобы простой казакъ надѣлалъ такихъ *дѣловъ*... Старыя и перестарыя пѣсни!.. Вообще замѣтно, что станичники боятся разговориться о Пугачевѣ: «онъ порокъ на насъ наложилъ», говорятъ они, «даже сердимся, когда о немъ вспоминаетъ кто. Его племя, потомки, этого не любятъ... Скажите имъ: «Пугачь—бѣда какъ разсердятся...» Одинъ старикъ было разговорился, но потомъ вдругъ взглянулъ въ окно, и пошелъ толковать мнѣ о быкахъ, которыхъ гнали на ярмарку. На хуторѣ, въ пяти верстахъ отъ названной станицы, встрѣтилъ я мальчика; началъ выпытывать, не скажетъ ли онъ чего о Пугачевѣ: нѣтъ, не проведешь казаченка! «Люди разсказываютъ, а я не знаю»,—вотъ отвѣтъ его.

Мы выше сказали, что скучно въ станицахъ лѣтомъ, но не всегда,—бываютъ веселые и разгульные дни въ нихъ; это встрѣча казаковъ изъ похода. Я разскажу объ одной изъ нихъ.

На Дону часто снаряжаются на войну иначе, нежели въ Россіи; такъ въ минувшую компанію пришло предписаніе быть го-

---

(**) Пушкинъ говоритъ: «Начальство отъ имени всѣхъ Зимовейскихъ казаковъ просило дозволенія перенести ихъ станицу на другое мѣсто... Государыня не согласилась...» Истор. Пугачевскаго бунта. М. 1834. стр. 75. Какъ поэтъ понималъ свое слово «не согласилась», незнаемъ, но только Потемкинская станица, прежняя Зимовейская, теперь стоитъ на другомъ мѣстѣ, по ту сторону Дона.

говыми къ походу въ 24 часа и всѣ собрались въ 24 часа. Всѣ, рѣшительно всѣ, даже старики приготовились.

«Или мы ихъ не видѣли?!.. Вотъ... наши домы хотятъ сжечь», твердили старые казаки, снаряжаясь въ дорогу...

Прошли роковые 24 часа; занялась заря; выступили.... Опустѣла Потемкинская станица, (о ней я только и говорю).... Остались однѣ женщины съ малыми дѣтьми; цѣлыми полками возвращались онѣ отъ береговъ Дона, гдѣ простились съ своими мужьями, отцами и дѣдами. Печаль и слезы были неутѣшныя; среди толпы женщинъ иногда двигался столѣтній старикъ, утѣшалъ казачекъ, говорилъ: «все, дастъ Богъ, пройдетъ». Но что значилъ его успокоительный голосъ? Кто слушалъ старика?

Пусто и грустно стало въ станицѣ...

Впрочемъ вскорѣ получили утѣшеніе. Предписано было возвратиться старымъ казакамъ еще съ дороги. Слава Богу!

Миновалось военное время; стали возвращаться всѣ молодые казаки домой.

Вотъ эту-то встрѣчу я и опишу, какъ видѣлъ.

Еще за нѣсколько дней было извѣстно о приходѣ казаковъ на родину. Въ назначенный для встрѣчи день, послѣ обѣдни, вынесли изъ станичнаго правленія два знамени; со своею насѣкою шелъ станичный атаманъ. Всѣ направились къ Дону.

На самомъ берегу рѣки уже собралось множество народа: матери держали за руки своихъ малолѣтнихъ дѣтей; казачки старушки и *молодайки* стояли унылыя, иныя въ слезахъ; кто утирался платкомъ, кто рукою... Всѣ, полные нетерпѣливаго ожиданія, смотрѣли на другую сторону Дона, на лѣсъ, откуда прибывшіе казаки должны были итти.

Надъ самою дорогою къ парому стояли два казака съ знаменами. Было утро. Какое-то волненіе наполняло душу каждаго, не исключая этого ребенка, который сидѣлъ на обрывѣ рѣки, дожидаясь отца. Грустно становилось; билось сердце во мнѣ; изъ за чего? Богъ одинъ зналъ...

И вотъ наконецъ изъ лѣсу, среди верхушекъ тополя, заблистала хоругвь; раздался сильный выстрѣлъ, и дымъ осѣнилъ священное изображеніе...

Картины смѣнялись одна другою: по обѣимъ сторонамъ Дона онѣ были различны и одинаково трогательны,

— Съ радостію, говорилъ одинъ казакъ другому.

— Съ какою? Я еще ничего не вижу, отвѣчалъ тотъ.

— Да внукъ же твой идетъ....

— Да гдѣ же, гдѣ же?

Между тѣмъ на той сторонѣ сошли съ коней, поставили хоругвь на паромъ. Паромъ двинулся.

На нашей сторонѣ почти всѣ смолкли. Двѣ или три старыя казачки еще кое-что говорили.

— Идутъ-плачемъ, и пришли-плачемъ, шептала женщина, утирая платкомъ слезы.

— Кто бы думалъ, что они къ намъ возвратятся, сказала другая.

Казаки съ парома сдѣлали залпъ

— Все *полыхаютъ бользные* (*)... Ужъ на что не сраженіе было, говорила еще одна старуха.

— Господи!-радость то какая, шептала кто-то изъ женщинъ.

Паромъ приближался: на немъ стояли казаки, четыре года не бывшіе на родинѣ; всѣ наперерывъ скорѣе хотѣли видѣть другъ друга. Одинъ усачь-казакъ угрюмо посматривалъ съ парома на берегъ, и взоръ его искалъ кого-то среди толпы. Мнѣ было жаль его. Одиночество и горькое сиротство такъ и отпечатлѣлось на всемъ его лицѣ.

— А вотъ стоитъ *онъ*, сказала казачка. Вотъ самъ выглядаетъ, да онъ, онъ... да вотъ онъ...

Паромъ причалилъ. Хоругвь поставили на землю: всѣ закрестились.

Казаки выходили съ своими лошадьми. Урядникъ выступилъ впередъ и донесъ станичному атаману о благополучіи команды.

Казакъ, несшій хоругвь, преклонилъ ее къ знаменамъ, другіе ударили залпъ.

Всѣ крестились и цѣловались... Тогда происходило трогательнѣйшее свиданіе.

Я видѣлъ, какъ одинъ казакъ здѣсь же, среди взволновавшейся толпы, повалился въ ноги къ матери, а сынокъ его сильно вскрикнулъ, не узнавъ отца...

— Сынъ ты мой, *бользненькій*, заговорила рыдавшая мать.

(*) Болѣзные т. е милые, дорогіе.

— А бачька гдѣ? спросилъ облившійся слезами казакъ.

Больше ничего я не могъ разслышать.

Кто плакалъ молча, кто хлипалъ, кто сквозь слезы смѣялся. Тутъ я обнялъ бы одного молодаго казака, который, идя бодро съ своимъ пріятелемъ, говорилъ, махая рукою: «Слава Богу, что все прошло... Зачѣмъ плакать! Слава Богу!...» А у самаго съ радости глаза были полны слезъ: подлѣ него, съ другой стороны, шла жена его.

Во время встрѣчи всѣ бываютъ первѣйшими друзьями, забываютъ кровныя обиды. Отецъ не помнитъ ослушанія и грубости сына, мужъ прощаетъ невѣрность жены. «Ну, колибъ ты не молода была, врагъ тебя бы не попуталъ. Богъ съ тобой, иди», сказалъ казакъ женѣ и махнулъ рукой.

Послѣ молебна въ церкви, и гости и станичники пошли въ станичное правленіе поздравлять другъ друга съ радостію и откушать хлѣба соли.

Развеселились и разговорились. Старики сидѣли за столомъ. Молодые стояли и ходили среди комнаты. Раздались пѣсни....

— Ну что, спросилъ я, спѣшили домой?

— Просто рвались, отвѣчалъ мнѣ казакъ. Такъ и полетѣлъ бы... Трое сутокъ уже не спимъ... Кони не ѣдятъ который день.

Все было весело. Только грустно и больно было слушать, какъ одинъ казакъ разсказывалъ мнѣ про свое неутѣшное горе.

— Да, ваше благородіе, поневолѣ загорюешь, какъ вспомнишь.. Одинъ былъ сынъ, да и тотъ на дорогѣ умеръ... Ужъ пусть бы тамъ, на сраженьи... А то шелъ домой... Коня его привели, а самаго нѣту... Мать такъ и обмираетъ... Увидитъ коня, и обомретъ... Лучшебъ ужъ коня не приводили... Первый казакъ былъ въ полку; первый конь во всемъ полку у Сазонова (полковника).

У другаго старика четыре сына было на службѣ, изъ нихъ одинъ убитъ, другіе два въ лазаретѣ остались, послѣдній пришелъ.

— Господь хоть одного возвратилъ, заключилъ старый служака.

Проснется на минуту станица во время подобныхъ рѣдкихъ встрѣчъ; развяжется она еще во время ярморокъ, которыя здѣсь бываютъ такъ шумны и многолюдны, потомъ опять заснетъ, загоритъ отъ солнца, запылится, зачахнетъ, опустѣетъ и покроется страшною скукою.

1856. г.

ОХОТА ВЪ ДОНСКИХЪ СТЕПЯХЪ.

Предувѣдомляю напередъ, что далеко не могу высказать всего объ охотѣ въ Донскихъ степяхъ: потому что я не охотникъ. Опишу только двѣ поѣздки на охоту, въ которыхъ я былъ участникомъ. Одна поѣздка совершалась днемъ, а другая вечеромъ. Днемъ охотились на дудаковъ, или дрофу, а въ вечеру—на зайцевъ.

I

Охота на дудаковъ.

По степи гулялъ сильный и довольно холодный вѣтеръ; вода въ ставу ходила большими волнами; цвѣты въ палисадникѣ господскаго дома и большая трава въ полѣ гнулись до самой земли; по небу протянулись бѣлыя, съ темными пятнами, разорванныя облака; безгранично лежала открытая степь...

Было около десяти часовъ утра. Въ это время я выѣхалъ на охоту, по приглашенію записнаго Донскаго охотника.

Разговоръ съ охотникомъ начался вовсе не объ охотѣ, а о конскомъ бѣгѣ. Спутникъ разсказалъ мнѣ, какъ эта самая лошадь, на которой мы ѣхали, и которой теперь было 23 года, однажды на скачкѣ взяла призъ въ 30 червонцевъ. Лошадь бѣжала рысцою, около нея вились ласточки, ловя мошекъ, которыя кружились въ воздухѣ.

Ласточки подали случай охотнику—хозяину разсказать мнѣ одинъ случай изъ жизни ихъ. «Ласточка, говорилъ охотникъ, когда-то завела дѣтей въ моей кухнѣ; что-бы онѣ не попадали

изъ гнѣзда и чтобъ ихъ кошка не съѣла, ласточка привязала дѣтенышей своихъ волоскомъ къ гнѣзду.»

Ѣдемъ далѣе.

Солнце болѣе и болѣе начинало жечь незащищенную степь. Стали показываться степныя птицы: летѣлъ лунь, истребитель цыплятъ, ненавистникъ саранчи и махалъ своими длинными крыльями; подымались щуры (или шуры), непріятели пчелъ, которыя, зная немилосердіе врага, не показывались теперь и не вылетали.

Уже верстъ пятнадцать мы проѣхали, а дудака ни одного еще не видали. Не знаю, что чувствовалъ охотникъ, а я былъ крайне не доволенъ своею поѣздкою и терялъ терпѣніе. Прошелъ и полдень, а дичи не попадалось. Что дѣлать? Начали разсматривать сѣнокосные луга охотника-помѣщика. Я палъ въ траву и потонулъ въ ней: лѣсъ, а не трава!

Думая, что не попадется дудакъ, охотникъ поворотилъ лошадь домой: я былъ радъ. Поѣхали и—дивною показалась мнѣ эта ѣзда! Въ первый разъ отъ роду такъ я ѣхалъ. Мы ѣхали напрямки, какъ ворона летаетъ. Увидѣлъ мой спутникъ курганъ, къ которому примыкалъ его хуторъ и велѣлъ кучеру ѣхать прямо на него, безъ дороги.

Наконецъ послѣ пяти или шести верстъ шаговой ѣзды, послѣ упорнаго молчанія съ моей и съ охотника стороны, я увидѣлъ, что три бѣловатыя птицы, вытянувъ шеи, стоятъ невдали, среди нивы... Это были дудаки..,

«Кочета,» сказалъ пробудившійся охотникъ.

Мы начали тихонько подъѣжать. Любопытство волновало меня, ибо я въ первый разъ въ жизни поѣхалъ на охоту. Что тутъ будетъ? Гляжу, глазъ не смыкая гляжу: не понятное и еще невѣдомое мнѣ чувство овладѣло душею.

Дудаки, мысленно уже обреченные охотникомъ на закланіе, тихо шли одинъ за однимъ. Они, мнѣ сдавалось, прислушивались, откуда несется дыханіе человѣка-губителя, гдѣ его роковое ружье.

Дудаки-птицы удивительно умныя. Они шли съ размышленіемъ: то пройдутъ, то приостановятся и опять пойдутъ; одна прежде шла, другая за нею и третья послѣ нихъ. Образовалась птичья тройка гуськомъ.

Подъѣзжаемъ ближе. Я сталъ на тарантасъ и могъ пристальнѣе разсмотрѣть пернатыхъ. Одинъ дудакъ, прекрасный, большой рос-

томъ, былъ весь пепельнаго цвѣта, съ бѣлымъ перьями на крыльяхъ и на брюхѣ. Поднятая длинная высокая шея, какъ у гусака, предводителя цѣлой семьи гусенятъ, рѣдко отдѣлялась отъ всего тѣла.

Охотникъ взялся за ружье... Увы! И близко къ себѣ не дали подъѣхать дудаки. Я взглянулъ: они уже поднялись и летѣли... Собака наша стрѣлою бросилась за рѣдкою добычей, и исчезло все: пропали и дудаки и собака.

Что же осталось намъ? Ровно ничего. Только вѣтеръ сильнѣе ударилъ въ лицо, освѣжая наши было разгорячившіяся чувства. Досадно!

Досада усилилась, когда спустя версты двѣ, охотникъ увидалъ еще нѣсколько дудаковъ. Теперь мы уже ближе подъѣхали къ нимъ, вѣренъ былъ даже и выстрѣлъ. Но—о какъ я терзался тогда!—собака наша, выскочивъ изъ-за-тарантаса, полетѣла прямо на дудаковъ прежде ружейнаго выстрѣла, спугнула ихъ и заставила насъ проститься со второю добычею.

Кипѣли гнѣвомъ мы оба—охотникъ и я на собаку,-этого услужливаго дурака. Я боялся взглянуть на раскраснѣвшееся отъ неудачи лице моего спутника; будто ужасный упрекъ за содѣянное зло волновалъ кровь его... Вотъ она, охота!...

Что же говорилъ охотникъ? Одно я слышалъ отъ него: «эхъ, какъ вы несчастливы!» Тяжело и невыносимо было слушать подобныя укоризны!

Слишкомъ чувствительна неудача, но и первый Русскій охотникъ испытывалъ «во встрѣчахъ съ дудаками совершенную неудачу, полное охотничье несчастіе (*)».

Надобно же было, наконецъ, хоть кого-нибудь убить изъ пернатыхъ. Какъ же ему, записному Донскому охотнику, явиться домой, къ молодой женѣ и гостямъ, которымъ онъ далъ слово за ужиномъ угостить жаркимъ изъ дичи. Вѣдь стыдъ, по самыя уши стыдъ, пріѣхать домой съ пустыми руками.

(*) Записки ружейнаго охотника С. Т. Аксакова стр. 227. Замѣтимъ, что на Дону ловятъ дудаковъ и зимою. Во время гололедицы, когда послѣ дождя наставетъ морозъ, крылья дудаковъ примерзнутъ къ туловищу, тогда загоняютъ птицу даже на домъ. Такъ въ прошломъ 1858 г. одинъ казакъ загналъ къ себѣ на базъ 12 дудаковъ, другой убилъ палкою цѣлыхъ 22 штуки.

Рѣшено-стрѣлять утокъ. Мы пошли къ небольшому озеру. Здѣсь охота удалась.

Будто по зову чьему вдругъ вспорхнули двѣ утки. Жаль мнѣ ихъ бѣдныхъ! Вездѣ ихъ бьютъ. На Руси, въ пустомъ городишкѣ, бывало, пустой охотникъ, пустенькимъ ружьецемъ и изъ пустаго выстрѣла разомъ убьетъ двухъ, трехъ утокъ въ день. За то, какую огромную цѣну придаютъ тамъ подобной счастливой охотѣ!.. Здѣсь же, на Дону, утка нипочемъ. Весною ихъ не бьютъ, а ловятъ, и ловятъ не руками, а неводомъ, или сѣтью на озерахъ, какъ рыбу. Потому охотникъ мой ничуть не былъ радъ, когда шелъ на вѣрную и нисколько не цѣнную охоту.

Впрочемъ онъ и тутъ соблюлъ всѣ условія охотничьяго искусства: онъ сначала шелъ, потомъ прилегъ, за тѣмъ поползъ, поползъ, еще прилегъ и-вдругъ выстрѣлилъ. Я побѣжалъ къ озеру. Утка, съ простр ѣленною шеею, лежала на водѣ; долго трепетала она, уткнувъ носъ въ воду; потомъ повернулась зобомъ въ верхъ и, кажется, кончалась... Въ это время, какъ палачь надъ преступникомъ, стояла надъ нею, наша собака. Птица билась крыльями, собака отошла. Мальчикъ взялъ утку.

Дѣло кажется тѣмъ должно бы и кончиться. Но охотникъ знаетъ всю жизнь дикихъ птицъ. Я никакъ не могъ думать, что бы въ камышѣ, около котораго была застрѣлена утка, сидѣли утята. Охотникъ зналъ это и велѣлъ мнѣ ловить утятъ. Я не вѣрилъ... Бѣгу къ камышу и въ самомъ дѣлѣ утята...

Для меня было торжество поймать живаго утенка, но для кого-то безутѣшное горе... Надо мною въ высотѣ раздался голосъ тоски и скорби: то летала кряква, мать пойманныхъ и зарѣзанныхъ утятъ. Долго она вилась и кружилась около гнѣзда своихъ дѣтенышей, все кричала, металась и искала ихъ. Мать, можетъ быть, даже заступилась бы за своихъ дѣтей; но собака наша чуть по воздуху не бросалась, желая и ее убрать въ свои лапы.

Уже мы далеко уѣхали отъ озера, а кряква все еще летала тамъ, гдѣ отняли у нея дѣтей, и вее кричала и рыдала...

II

Охота на зайцевъ.

Дѣло было подъ вечеръ.... Къ стыду своему долженъ я ска-

зать, что не умѣю ѣздить верхомъ на лошадяхъ. Вообразите, каково было мнѣ, подобно женщинѣ, да и женщинѣ нельзя уподобить: здѣсь казачки отлично скачутъ на лошадяхъ,—каково было мнѣ, подобно ребенку, ѣхать въ бричкѣ вмѣстѣ съ женою хозяина на охоту: за кѣмъ? за зайцами! О стыдъ!...

Еще я не садился въ бричку, какъ съ хутора барскаго вылетѣла стрѣлой сѣрая лошадь и понеслась съ своимъ сѣдокомъ въ степь и скрылась въ пыли. Это—человѣкъ господскій дѣлалъ пробный кругъ на лошади, на которой поѣдетъ баринъ. Мы съ тѣмъ же охотникомъ и его семействомъ выѣхали на зайцевъ.

Теперешняя охота была настоящая охота. Четыре человѣка ѣхали верхами на лошадяхъ; въ слѣдъ за ними бѣжали пятнадцать ловчихъ собакъ.

Мѣсто, гдѣ водились зайцы, называлось *Кочками*. Кочки-пространство выпуклое, на десять или и болѣе верстъ лежащее. На немъ множество песчаныхъ кочекъ, обросшихъ густымъ камышомъ, въ чащѣ котораго и западаютъ зайцы.

Бричка остановилась. Выѣхали двое выгонять зайцевъ. Долго они били нагайками по камышу и ѣздили межъ кочекъ. Ничего не выходило.

Наконецъ заяцъ выбѣжалъ. Всѣ бросились за нимъ съ пятнадцатью собаками. Заяцъ летѣлъ; одною, едва замѣтною точкою, виднѣлся онъ среди степи.

И вотъ всѣ охотники пропали... «Гонить, сказалъ кучеръ, сидѣвшій со мной въ бричкѣ, ну ужъ пропадетъ, коли нарѣжется на собакъ... Поймали, ухватили...»

Пока баринъ-охотникъ съ своими спутниками подъѣзжалъ къ намъ, я смотрѣлъ на другое зрѣлище. *Рондоль*,—такъ звали старую собаку, привезенную хозяиномъ изъ Варшавы, не разставшуюся съ нимъ и въ походѣ на Венгрію, — Рондоль уже не могъ бѣжать. Онъ лаялъ среди кочекъ, въ камышѣ. Рондоль-молодецъ собака; когда ищетъ онъ зайца, то своимъ голосомъ выражаетъ хныканье и жалобу; когда найдетъ, вдругъ закричитъ. Онъ любитъ выгонять зайцевъ и такъ страстенъ до охоты на нихъ, что и до полуночи не выгонишь изъ кочекъ. Рондоль, по причинѣ старости, не скоро разбираетъ слѣдъ зайца; по росѣ лучше идетъ; по порошѣ тоже отлично. «Да и вообще наши собаки, говорилъ кучеръ, отличныя: противъ нашихъ собакъ нигдѣ рѣзче нѣтъ.»

Я взглянулъ на степную окрестность,.. Въ то время, когда четыре человѣка съ пятнадцатью собаками летѣли, готовые разорваться изъ за ничтожнаго зайченка, вдали, поднявъ облака пыли, шли медленно сытые стада быковъ; въ другомъ мѣстѣ толпились огромныя ангары овецъ и кричали на всю обширную степь; скрывалось солнце за горизонтомъ; на двадцать, или и болѣе, верстъ лежала открытою степь и не слышалъ я ни одной человѣческой пѣсни...

«Ну, выгнали, заговорилъ опять человѣкъ. Собаки пыхнули... А бы собака катился, а то заяцъ не уйдетъ... Да неровенъ и заяцъ... На иного нарѣжутся, играетъ, играетъ, глядишь, закружитъ...»

«Стой, выгнали... Слушайте, кружется... Вѣрно потеряли... онъ, косой, сей часъ проведетъ... Въ кустъ упадетъ, не найдешь... Ишь Рондоль растилается... Теперь заяцъ гдѣ-нибудь на глазахъ ихъ держитъ...»

Между тѣмъ хозяинъ подъѣхалъ къ намъ и сказалъ. «Поѣдемте домой.» Мы поѣхали.

Тутъ уже завязались самые живые и шумные разговоры. Не много, кажется, и матеріала: всего два зайца! а сколько толковъ, рѣчи, шуму, крику, смѣху!..

Великолѣпна была природа, когда мы возвращались на хуторъ. Чуть не полный мѣсяцъ плавалъ на пространномъ небѣ, одинъ, какъ бѣлая лебедь среди синяго моря. Во всѣ стороны степи гладѣлъ онъ и ни одна травка ни могла укрыться отъ его привѣтливаго свѣта. Тишина господствовала повсюду.

1856 г. Октября 5.

ОСВЯЩЕНІЕ ГЕОРГІЕВСКАГО ЗНАМЕНИ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАННАГО ВОЙСКУ ДОНСКОМУ ЗА ХРАБРОСТЬ И ПРИМѢРНУЮ СЛУЖБУ ВЪ ВОЙНѢ ПРОТИВЪ ФРАНЦУЗОВЪ, АНГЛИЧАНЪ И ТУРОКЪ ВЪ 1853—6 ГОДАХЪ.

Седьмаго Февраля происходило торжественное освященіе знамени, новопожалованнаго Войску Донскому. Кромѣ жителей Новочеркасска, вся Земля Войска Донскаго участвовала въ общей радости; изъ станицъ были вызваны атаманы, депутаты и служилые казаки, сражавшіеся въ минувшую войну. Съ семи часовъ свѣтлаго и теплаго утра нашъ городъ видимо оживился. Около присутственныхъ мѣстъ народъ во множествѣ собрался и сопровождалъ шествіе процессіи къ собору, гдѣ составился Войсковой кругъ изъ регалій, дарованныхъ Всероссійскими Вѣнценосцами Донскому Войску; бѣлое Георгіевское знамя, пожалованное нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ, было во главѣ всѣхъ знаменъ; вокругъ его находились: Генералитетъ, Штабъ и оберъ-офицеры, станичные атаманы съ депутаціею отъ станицъ, и воспитанники гимназіи.

Самое освященіе знамени глубоко тронуло всѣхъ. Высокоторжественный гимнъ: «Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ», пѣтый пѣвчими, наполнялъ сердце слушателя сладкимъ и священнымъ трепетомъ. «Пріимите хоругвь сію, благословеніемъ небеснымъ освященную», сказалъ протоіерей: всѣ генералы, командиры полковъ и батарей съ г. Наказнымъ Атаманомъ держали полотно знамени и вмѣстѣ съ присут-

ствовавшими клялись предъ крестомъ и Евангеліемъ въ вѣрности Царю и готовности положить душу свою за Престолъ Его

Литургію совершалъ соборнѣ Высокопреосвященный Іоаннъ, Архіепископъ Донскоії и Ново-Черкасскій. Прекрасно и совершенно у мѣста было пропѣто пѣвчими: «Господи! силою твоею возвеселится Царь.»

Благодарственный молебенъ Господу Богу совершенъ былъ въ кругу; предъ началомъ молебствія мы слушали Высочайшую грамоту Донскому Войску, милостивыя слова которой и помѣщаемъ здѣсь: «Нашему любезно-вѣрному Войску Донскому.—Волею Божіею и повелѣніемъ Государя своего, Войско Донское, вызванное на брань противъ многочисленныхъ враговъ, отечеству угрожавшихъ, вновь явило себя достойнымъ прародительской славы. Съ юныхъ лѣтъ считаясь въ рядахъ храбрыхъ Донцовъ, Мы взирали съ гордостію и сердечнымъ умиленіемъ на самоотверженіе, съ которымъ сослуживцы Наши оставляли родныя пепелища и спѣшили на рубежи Имперіи. Всюду сопутствовали имъ Наши обѣты; всюду, завѣтнымъ мужествомъ и храбростію, они оправдали Наши и любезнаго Нашего Отечества надежды.»

«Въ воздаяніе толикихъ доблестей, признали Мы за благо пожаловать вѣрно-любезному Намъ Войску Донскому Георгіевское знамя съ надписью: «за храбрость и примѣрную въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ», которое, препровождая при семъ, повелѣваемъ: по прочтеніи сей Нашей грамоты издревле храбрымъ и мужественнымъ воинамъ Дона и по освященіи знамени по установленію, присоединить оное, какъ знакъ новой воинской почести, къ числу прочихъ регалій, дарованныхъ Войску Августѣйшими Нашими предками.

«Да послужитъ оно Войску новымъ залогомъ вѣрной службы Престолу и Отечеству и неизмѣннаго Нашего къ нему благоволенія.»

Во время провозглашенія многолѣтія Государю Императору, всему Царскому дому и Всероссійскому побѣдоносному воинству, былъ произведенъ 51 выстрѣлъ.

Парадъ, совершенный по окончаніи литургіи, представлялъ торжественную картину. Всѣ нижніе чины, разныхъ частей войскъ, были украшены георгіевскими крестами и медалями. Обратясь къ нимъ г.

Наказный Атаманъ сказалъ: «благодарю васъ за службу и труды! Дѣла ваши перейдутъ въ вашимъ потомкамъ... ура Царю!» Когда проходили церемоніальнымъ маршемъ колонны мимо г. Наказнаго Атамана, то въ народѣ только и слышно было: «ай да молодцы! почти всѣ съ крестами». Радостію полною билось сердце каждаго изъ насъ, когда мы видѣли предъ собою героевъ прошедшей компаніи, много потрудившихся за родину и принесшихъ Царскую милость на своей боевой груди; сладко было на душѣ, когда мы представляли, что эти ратники доблестными дѣлами своими прибавили новыя свѣтлыя страницы въ исторіи прежней воинской доблести Донцовъ.

По обычаю Русскому, все торжество освященія заключилось всеобщимъ ликованьемъ въ Дворянскомъ собраніи. Въ нижнемъ этажѣ собрались старые сослуживцы Дона, ветераны 1812 года. Г. Наказный Атаманъ благодарилъ ихъ за службу сыновъ и внуковъ. Въ верхнемъ этажѣ находились: генералы, штабъ и оберъ-офицеры. Г. Наказный Атаманъ, войдя въ залу, привѣтствовалъ присутствующихъ, отъ полноты души: «еще разъ поздравляю васъ, господа, съ Царскою милостію! Мы всѣ трудились; мы всѣ служили по мѣрѣ силъ своихъ: кто шашкой, кто перомъ: и то и другое служеніе равно священно, если только направлено къ общему благу, пользѣ и славѣ отечества... Всемилостивый Государь даровалъ вамъ Георгіевское знамя; каждая батарея, каждый эскадронъ, каждая сотня, каждый полкъ вбили свой заслуженный гвоздь въ опое; крѣпки будемъ на службѣ Царю и Отечеству, и потомство, смотря на священную хоругвь—знаменіе заслугъ вашихъ, скажетъ: «наши предки были Царскіе богатыри, будемъ и мы такими.»

Всѣ были проникнуты чувствомъ особеннаго умиленія при этихъ словахъ уважаемаго начальника. Къ довершенію всеобшаго восторга, г. Наказный Атаманъ развернулъ Рескрипты Государя Императора, Императрицы, Наслѣдника Престола и Великаго Князя Николая Николаевича, наканунѣ радостнаго дня полученные, и мы еще разъ имѣли высокое счастіе слышать милостивыя Царскія слова и другъ передъ другомъ, наперерывъ, тѣснились, дабы видѣть Государевы строки...

1857 г. Февр. 12.

О ЗАВЕДЕНІИ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ ВЪ НОВО-ЧЕРКАССКѢ.

«Чтеніе—лучшее обученіе.»
А. Пушкинъ.

Смирдинъ, придворный книгопродавецъ, сынъ знаменитаго, по своей безкорыстной любви къ Русскимъ писателямъ и Русской литературѣ, отца, напечаталъ въ столичныхъ вѣдомостяхъ «предложеніе» объ учрежденіи въ губернскихъ городахъ публичныхъ библіотекъ.

Каждый благомыслящій порадуется, видя въ современномъ Русскомъ обществѣ благородное и горячее усердіе учиться, учиться и учиться.

Слѣдящій за нынѣшнею литературою очень хорошо знаетъ, какія прекрасныя начала положены въ основанія ея, какіе вопросы подняты въ Русской жизни, съ какимъ рвеніемъ сталъ трудиться Русскій умъ...

Обращая вниманіе на нашу общественную жизнь въ Ново-Черкасскѣ, нельзя не замѣтить отсутствія одного, самаго важнаго, явленія, *книжной торговли.*

Къ стыду нашему, мы должны сознаться, что у насъ нѣтъ ни одной книжной лавки... Купить книгу рѣшительно негдѣ. Кое-какіе молитвенники и азбучки еще можно найти, но тамъ, гдѣ продаютъ поммаду, перчатки, самовары, гитары, кринолины и пр.

Отчего же нѣтъ у насъ книжной лавки? Не любитъ общество наше читать? Некому будетъ продать книгъ?

Неправда! Ежедневные опыты убѣдятъ каждаго, что любовь къ чтенію, жажда знанія развиты у насъ. *Почитаться* кто не хочетъ? Спросите: кто, имѣя лишній грошъ, не выписываетъ въ

Ново-Черкасскѣ газетъ и журналовъ? Не недостатокъ, а излишество въ періодической литературѣ замѣтите вы. Если бы сдѣлать литературно-полицейскій осмотръ по Ново-Черкасску, то можно найти въ домахъ жителей его всѣ Русскія періодическія изданія, начиная отъ «Воскреснаго Чтенія» до «Весельчака».

Сообразивъ, что есть дома, гдѣ по пяти и болѣе выписываются журналовъ и газетъ, мы приходимъ къ тому отрадному заключенію, что Ново-Черкасскъ любитъ читать и будетъ читать.

Отчего же никто не возметъ на себя благородной обязанности устроить для всѣхъ насъ публичную библіотеку въ Ново-Черкасскѣ?..

Мы глубоко убѣждены, что человѣкъ, взявшійся за такое дѣло, никогда не будетъ въ убыткѣ. Приведемъ изумительный фактъ. Въ прошлую Вздвиженскую ярмарку, мѣщанинъ изъ Ростова, прибылъ съ книгами: въ его книжной лавченкѣ было все, кромѣ настоящихъ книгъ: отрывки вырванныхъ статей, два—три журнала,—всего по немногу. Что же? На расхватъ книги были проданы за самую дорогую цѣну. Фактъ, по нашему крайнему разумѣнію, весьма значительный!

Въ публичной библіотекѣ, если только она будетъ, подписчиковъ годовыхъ, полугодовыхъ и на мѣсяцъ найдется весьма много. Всѣ, кому дорого образованіе, придутъ заниматься. Не думаемъ, чтобы хотя одинъ, умѣющій читать, прошелъ мимо...

Взгляните, какъ всѣ мы не скупы на карманъ! За одну ложу въ театрѣ платимъ десять, а иногда пятьдесятъ цѣлковыхъ. Мы бываемъ постоянными зрителями спектаклей, а они идутъ три, четыре раза въ недѣлю. Сообразите, сколько мы тратимъ на изящное искусство?!.. Неужели пожалѣемъ трехъ рублей серебр. въ публичную библіотеку за годовое пользованіе ея книгами?..

Взгляните, какъ мы предпріимчивы! Шахты, стени намъ стоютъ часто всего нашего состоянія; десятками тысячь мы считаемъ издержки: что же? Развѣ мы унываемъ? Ничуть! Разсчитываемъ получить прибыль и не щадимъ ничего. Неужели же, не найдется, кто бы рѣшился пожертвовать одну тысячу сер. на открытіе въ родномъ городѣ библіотеки, имѣющей быть *единственною* на всю славную и обширную Землю Войска Донскаго?

Взгляните, мы ревнуемъ объ общемъ благѣ: устраиваемъ пик-

ники, составляемъ огромные призы на скачкахъ. Пять рублей съ каждаго любителя и — освѣщается волшебными фонариками воксалъ:—мы танцуемъ и веселимся... За все лѣто на пикники одинъ любитель даже положилъ 150 р. сер.—На призы для скачекъ иные охотники кладутъ серебреные кубки, дарятъ до 500 р.: и это не рѣдкость въ Ново-Черкасскѣ... Неужели же будемъ такъ неделикатны, когда предложатъ намъ пожертвовать незначительную лепту на святую и насущную пользу?

«Лиха бѣда—начало,» говоритъ Русская пословица. Неудивительно, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ основаніе библіотеки, всего труднѣе именно начало. Для устраненія могущихъ возникнуть опасеній на счетъ убытка, мы предлагаемъ прочесть «отчетъ» Императорской Публичной Библіотеки въ Петербургѣ.» Тамъ находится неопровержимое доказательство, какъ не разумно бояться начала при учрежденіи библіотеки. Изъ таблицы «отчета» видно, что въ 1850 году (годъ, съ котораго начались улучшенія въ библіотекѣ) читателей въ ней было 7,720, въ минувшемъ, 1857 году, до тридцати одной тысячи слишкомъ...

Понятно, что и въ Ново-Черкасскѣ первый годъ будетъ мало, потомъ больше и больше.

1858 г. Мая 3.

АКТЪ

ВЪ НОВО-ЧЕРКАССКОЙ ГИМНАЗІИ.

11 Сентября 1858 года происходилъ въ нашей Гимназіи Актъ. Его почтили своимъ присутствіемъ Преосвященный Іоаннъ, Архіепископъ Донской, Его Высокопревосходительство Михаилъ Григорьевичь Хомутовъ, Наказный Атаманъ Войска Донскаго и другіе любители просвѣщенія.

Послѣ молитвы «Царю Небесный» испытываемы были ученики въ Законѣ Божіемъ: нѣкоторые отвѣчали изъ Богослуженія о всенощной; что означаетъ псаломъ «благослови душе моя Господа», открытіе царскихъ вратъ, начальное кажденіе,—какой смыслъ имѣютъ пѣсни «Свѣте тихій», «Нынѣ отпущаеши»; другіе ученики говорили изъ «Введенія въ православное Богословіе» о безсмертіи души и бытіи Божіемъ—этихъ двухъ коренныхъ убѣжденіяхъ человѣка.

Два ученика (VII кл.) Катачинъ и Рубашкинъ читали свои опыты въ сочиненіяхъ: первый — «о казакахъ,» второй — «объ исторіи Русскаго театра».

Учитель Военныхъ наукъ, Есаулъ Пономаревъ, произносилъ рѣчь «о тактическомъ образованіи Донскихъ казаковъ». Рѣчь была составлена въ духѣ современнаго взгляда на военное искусство и обратила всеобщее вниманіе. Особенно выдавались тѣ мѣста, гдѣ почтенный наставникъ, самъ участвовавшій въ Севастопольской войнѣ, указывалъ на необходимость обучать казаковъ въ мирное время такъ, какъ ихъ могутъ учить бой и стычки. «Надо учить, говорилъ г. Пономаревъ, не только на ровномъ мѣстѣ, но и на всякомъ т. е. разсыпать казаковъ по кустамъ, по рвамъ, по оврагамъ». Для успѣшнаго обученія нижнихъ чиновъ, офицеръ долженъ быть образованъ и потому г. Пономаревъ въ заключеніе своей прекрасной рѣчи выставляетъ необходимость вообще образованія.

На Актѣ Гимназіи намъ особенно было пріятно видѣть книги, розданныя въ награду ученикамъ. Эти книги слѣдующія: сочиненія Фонвизина, Батюшкова, Лермонтова, Бенедиктова, гр. Растопчиной, и пѣсни Беранже въ переводѣ Курочкина. Такія книги роскошь и богатый подарокъ для ученика. Дай Богъ, чтобъ чаще и чаще, если нельзя всегда, на Актѣ нашей Гимназіи награждались ученики подобными произведеніями Русской Словесности вмѣсто сухихъ и жалкихъ учебниковъ, которые и то уже надоѣли ученику.

Здѣсь у мѣста будетъ сказать нѣсколько словъ вообще о Ново-Черкасской библіотекѣ.

Библіотека въ Гимназіи двоякая: общая для учителей и дѣтская для учениковъ. Въ первой до 8000 томовъ книгъ; во второй болѣе 500. Подобное количество книгъ, какъ видно изъ отчета г. Министра, имѣетъ рѣдкая Русская гимназія.

Приращенію дѣтской библіотеки много способствовали единодушныя пожертвованія учениковъ. По предложенію учителя Словесности, ученики IV, V, VI и VII кл. принесли, по силѣ возможности, въ пользу дѣтской библіотеки, нѣсколько *лептъ*: кто рубль, кто 20 коп. На общую сумму денегъ выписаны и куплены слѣд. книги: «сочиненія Лажечникова (новое изданіе), Тургенева, Вонлярлярскаго, Щедрина, Кольцова, Гончарова, гр. Толстаго, посмертное изданіе Жуковскаго, Писемскаго, Авдѣева, Островскаго, Евгеніи Туръ, Словарь Бантышъ Каменскаго, Диккенса, Тэккерея, Валтеръ-Скотта. Все это было сдѣлано учениками безъ шуму, безъ грому! Они всѣ съ радостію приносили свои даянія, даже бѣдняки не отказывались отъ общей жертвы. Прекрасная мысль-убѣдить учениковъ самимъ устраивать дѣтскую библіотеку! Только не стѣсняйте ихъ; не преслѣдуйте тѣхъ, кто не внесетъ своей копѣйки въ общую кассу; пусть будетъ на *дѣлѣ* добровольное пожертвованіе, а не на бумагѣ; совѣсть ученика страшно щекотлива; разъ ее уязвите, не скоро исцѣлите. Улучайте свободную, вдохновенную минуту, когда ваше предложеніе о выпискѣ книгъ будетъ принято съ полною готовностью. «Милліардъ» всегда въ туманѣ (*)... Ученики, эти «будущіе люди» (**), на которыхъ

(*) Статья Кокорева. Спб. Вѣд. 1859 № 5, 6.
(**) Слова Гоголя.

начальство смотритъ какъ на ничтожное твореніе, молчащее, наказуемое розгами, въ состояніи сотворить великія дѣла, сообразныя ихъ возрасту. Приладьтесь къ нимъ, низойти на степень ихъ пониманія, взгляда, взвѣсьте ихъ нужды, станьте на время сами «яко дѣти», и всѣ ваши распоряженія будуть приняты съ сердечною внимательностію.

Перечитывая наши педагогическіе журналы, мы только разъ нашли извѣстіе о заведеніи дѣтской библіотеки самими же учениками: такое распоряженіе существуетъ только въ Архангельской Гимназіи (*). Съ чувствами особенной признательности мы читали прекрасныя строки г. Невѣрова (**) о важности дѣтской библіотеки. Общая библіотека, сказалъ этотъ педагогъ, «мертвый капиталъ» и-сказалъ замѣчательную истину. Если бы ревизоръ взглянулъ на шкафы съ книгами въ такъ называемой библіотекѣ для учителей, онъ ужаснулся бы! Слои пыли лежатъ на книгахъ; моль нещадно истребляетъ ихъ. «Мерзость запустѣнія!..» отчего? Оттого, что ученикамъ изъ общей библіотеки не выдаютъ книгъ, а учителямъ некогда ихъ читать: они *слѣдятъ* за современной литературой. И такъ тлѣетъ, тлѣетъ, тлѣетъ сокровище, безъ всякаго сожалѣнія со стороны библіотекарей...

Въ Гимназіи Ново-Черкасской воспитывается весьма много учениковъ: *четыреста пятьдесятъ*-цыфра огромная!.. Посовѣтуемъ имъ учиться прилежно, ревностно; теперь особенно отвратительна лѣность. Обратимъ къ нимъ, ученикамъ, слѣдующую заповѣдь семидесятитрехлѣтняго Владиміра Мономаха: «а Бога дѣля нелѣнитеся, молю вы... лѣнощами внезапу бо человѣкъ погыбаетъ... Аще забываете всего, а часто прочитайте... Его же умѣючи, того не забывайте добраго, а его же не умѣючи, а тому ся учите... Лѣность бо всему мати, еже умѣетъ, то забудетъ, а его же неумѣетъ, а тому ся не учитъ; добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе... (Лѣтопись Нестора стр. 102).»

1858 г. Сент.

(*) Ж. д. Восп. 1858 г.

(**) Рус. Пед. Вѣс. 1859 г. Кодексъ Невѣрова.

ГОДЪ

ВЪ НОВО-ЧЕРКАССКОМЪ ТЕАТРѢ.

«Дѣйствія, произведеннаго во мнѣ театромъ, почти описать невозможно: комедію, видѣнную мною, довольно глупую, считалъ я произведеніемъ великаго разума, а актеровъ великими людьми».

Фонвизинъ.

Съ Ноября прошлаго года (1857) до Ноября нынѣшняго у насъ въ Ново-Черкасскѣ давала свои представленія труппа актеровъ подъ управленіемъ г. Марковскаго — Маркова.—Театръ устроенъ въ деревянномъ домѣ, принадлежащемъ дворянству, помѣщается во дворѣ Дворянскаго собранія, и не выходитъ ни на одну улицу. Помѣщеніе довольно неудобное: но чтожъ дѣлать! Говорится жъ въ пословицѣ: «не безрыбье и ракъ рыба».

Г. Марковъ взялъ порядочный кушъ денегъ съ небольшаго нашего города, окруженнаго со всѣхъ сторонъ обширнѣйшими степями, глухаго, далекаго отъ столичной жизни города.

Не десятками, а сотнями мы, бѣдные, жалкіе провинціалы бѣжали въ небольшой нашъ театръ. Билета, бывало, не достанешь; цѣлыя семейства оставались безъ ложи; за день, за два до представленія все было расхватано; триста, четыреста руб. сер. приходилось иногда за одинъ спектакль! Г. Маркову выпалъ самый завидный и, кажется, единственный во всей Россіи жребій,—нажиться посредствомъ антрепренерства! Большею частію эти господа ведутъ жизнь слезную; колесо ихъ счастія ломается на первыхъ же по-

рахъ; они—«перелетныя птицы», такъ умно описанныя въ романѣ Михайлова. Г. Марковъ счастливецъ; онъ любимое дитятко Аполлона. Все, все ему было уступлено.

Лишь открылся театръ, какъ зала Дворянскаго собранія навсегда опустѣла. Никто изъ проѣзжихъ артистовъ не имѣлъ права дать концертъ въ залѣ Дворянскаго собранія; если хочешь—изволь откупить у г. Маркова сцену и тамъ концертировать. Смотришь—и овцы цѣлы и волки сыты. Половину сбора содержатель театра беретъ себѣ, а половину заѣзжему гостю. Pardon! Не половину, а сто руб. сер. г. Марковъ бралъ за уступку на вечеръ театра: хочешь играй, хочешь нѣтъ. Впрочемъ и это не бѣда, а то бѣда, что содержатель не уступалъ никогда театра даже на вечеръ: если угодно дать вамъ, заѣзжій гость, концертъ, то извольте съ соучастіемъ труппы г. Маркова.

Съ водевилями своими онъ какъ осва лѣзъ къ намъ. Мы, бѣдные, жалкіе провинціалы, слушали, видѣли и переносили все великодушно. Ему, г. Маркову, и книги въ руки...

Давалъ концертъ извѣстный Петербургу піанистъ—импровизаторъ, Сеймуръ—Шифъ. Цѣны онъ назначилъ весьма неумѣренныя: за ложу 10 руб. сер... Какъ не послушать Шифа? Отправились. Что же? Г. Марковъ между первымъ и вторымъ отдѣленіемъ концерта сыгралъ водевиль. Зачѣмъ? Рѣшительно не понимаемъ. Шифъ не приглашалъ его. «Злато—ты чадо суеты и праха», сказалъ Бенедиктовъ. Видно не такъ смотрятъ на золото практическіе люди. Отчего же не попользоваться? Вѣдь всякій изъ насъ чѣмъ—нибудь да попользовался въ жизни, замѣчаетъ Авторъ Мертвыхъ душъ.

Сезонъ зимній прошлаго года былъ какой-то изступленный сезонъ. Мы не можемъ придумать здѣсь другаго эпитета... Пріѣхала труппа самая жалкая, если не ничтожная. Одинъ, два актера, одна актриса, а прочіе хуже посредственности и—вдругъ всѣ 32 ложи абонированы, кресла почти всѣ заняты, театръ всегда, за исключеніемъ не многихъ дней, полонъ, а иногда биткомъ набитъ. Опера, Италіянская опера въ Петербургѣ, да и только!...

Что же игралъ г. Марковъ въ зимній сезонъ? Вы не повѣрите, если мы скажемъ, что онъ почти ничего не игралъ. Сегодня три водевиля, завтра три водевиля: все водевиль, водевиль и воде-

виль. Больно на сердцѣ, досадно, мучительно, раскаяніе мучитъ. Что дѣлать! Деньги уже отданы за весь абонементъ: пролитой воды не подымешь.

Такимъ образомъ до самаго Поста мучилъ насъ г. Марковъ водевилями и комедіями—водевилями. Праздниковъ онъ не разбиралъ; дворянскихъ собраній не разбиралъ; непогоды не разбиралъ. Напишетъ: «въ счетъ абонимента»,—отправляешься, поневолѣ отправляешься въ театръ. Какъ? вы спрашиваате,—да сегодня дворянское собраніе, тамъ балъ. Что же? Г. Марковъ приписываетъ къ афишѣ: «по случаю дворянскаго собранія начало въ шесть часовъ». Театръ въ ложахъ полонъ. Представленіе идетъ на тройкѣ лихихъ; не успѣетъ стриженая дѣвка косы заплести, а представленіе уже окончено. Вы можете съѣздить домой, переодѣться и явиться въ залу къ началу бала. Таковъ былъ г. Марковъ!

Не взирая на большое количество денегъ, которыя взяты за зимній абонементъ и сезонъ, г. Марковъ былъ скупъ, какъ Плюшкинъ. Декораціи самыя обыкновенныя; костюмы всегда одинаковые. Какого бы франта ни игралъ г. Любскій, у него всегда рябые панталоны: въ этихъ панталонахъ онъ впервые выходилъ на сцену 10 Ноября 1857 г., въ нихъ же онъ игралъ 31 Октября 1858 года. Странно! Очень странно!

Мы дивимся, какъ могъ г. Старый Театралъ писать въ Муз. и Театр. Вѣсти. (1858 № 32 стр. 383) слѣдующую несправедливость: «декораціи довольно хороши, костюмы достаточно еще свѣжи». Помилуйте! Вы помните, какую шинель надѣвалъ на сценѣ нашъ Кречинскій (г. Громовъ)! Такое блистательное лице, такой пуффъ, какъ Кречинскій и вдругъ—замасленная, истертая, кургузая шинелишка!... Смотрите, еще и теперь, спустя годъ, г-жа Новицкая—мать является на сценѣ въ своемъ яблочномъ платьѣ. Гдѣ же костюмы достаточно еще свѣжіе? Я не говорю уже о меньшихъ братіяхъ театра: о гг. Полянскомъ и Сизовѣ—они всегда каррикатурно одѣты; тряпка, или двѣ, сшитыя, ниткой—вотъ весь ихъ нарядъ, когда они представляютъ народъ, рыцарей, гостей, солдатъ, крестьянъ и пр.

Само собою разумѣется, что труппа г. Маркова въ прежнемъ своемъ видѣ не могла существовать. Вся она состояла изъ 16 человѣкъ мужеска и женска пола. Въ этомъ числѣ хорошими ак-

терами должно назвать: Шухта, Любскаго, Николаева и Михайлову, даже Людвигъ упомянемъ. Прочіе—ни шатко, ни валко; слово «сносенъ» приложимо ко всякому актеру и «ничего еще» ко всякой актрисѣ.

Сезонъ весенній, начавшійся послѣ Святой недѣли, похожъ былъ на сезонъ. Наша труппа увеличилась вдвое; прежнія наши знаменитости сошли съ своего пьедестала; переборка пошла рѣшительная. Теперь на нашемъ театрѣ играетъ огромная труппа: говорю безъ преувеличенія. Актеровъ у насъ 12 человѣкъ: Ленскій, Дорошенко, Громовъ, Яковлевъ I, Яковлевъ II, Любскій, Ѳедоровъ, Шумскій, Марковъ, Петровъ, Сизовъ и Полянскій; актрисъ 11: Ленская, Яковлева, Соленикъ, Михайлова, Людвигъ, Боброва, Маркова, Новицкая — мать и двѣ ея дочери. Итого 23 человѣка: цыфра большая для такого глухаго города, какъ Ново-Черкасскъ.

Сверхъ того у насъ дебютировали и играли: Волковъ, Чернышевъ, Горскій, Монети и Соболевъ. Звѣревъ и Полева умерли: миръ ихъ праху! Первый хорошъ былъ въ ролѣ Муромкаго, а вторая прекрасно играла Наталку Полтавку.

Замѣчательными піесами, игранными на сценѣ нашей, были: Ревизоръ, Горе отъ Ума, Гамлетъ, Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, Не въ свои сани не садись и Наталка Полтавка.

Ревизоръ былъ данъ три раза въ этомъ году и всегда неудачно. Актеры рѣшительно не понимаютъ великой комедіи Гоголя. Они думаютъ, что бормотать свою роль, какъ пономарь, главное достоинство игры. Ленскій, городничій, отлично зналъ свою роль: мы откровенно сознаемся, что и по книгѣ такъ скоро не можемъ прочесть, какъ онъ наизустъ читалъ. Умный, даровитый нашъ комикъ въ роли городничаго былъ Тетушка болтушка: это ясно, какъ дважды два. Городничаго, того городничаго, котораго создали Гоголь и знаменитые Щепкинъ, Сосницкій и Садовскій не изобразитъ намъ Ленскій. Его амплуа совсѣмъ другое. Роли стариковъ и убитыхъ несчастіями жизни людей, а также злодѣевъ— вотъ его поле, на которомъ артистъ со славою будетъ ратовать. Припомните Руджіеро, Дерюгина, Старика (въ Дѣтскомъ докторѣ), Груздева (въ Скользкомъ пути) и пр.: что за чудная игра у Ленскаго! Вотъ гдѣ видѣнъ талантъ его! Вотъ гдѣ нужно у него учиться! Вотъ гдѣ онъ хватаетъ за сердце! Натура, чистая, не-

поддѣльная натура свѣтится въ каждомъ его словѣ, въ каждой минѣ, жестѣ, наклоненіи головы и поступи. Тутъ онъ приближается къ Самойлову. Водевили же Ленскій играетъ всегда одинаково: спѣшитъ, бормочетъ, щелкаетъ пальцами (это его постоянная привычка; въ водевилѣ «Чиновникъ по особымъ порученіямъ» онъ семь разъ щелкнулъ): забавно!

Хлестаковъ—г. Яковлевъ 2 былъ сносенъ. Въ первый разъ онъ игралъ гораздо лучше, нежели въ остальные два раза. Яковлевъ — актеръ водевильный исключительно; роль Хлестакова совсѣмъ ему не по плечу. Онъ представилъ не Ивана Александровича Хлестакова, а любовника жалкаго, которыми такъ наполнены наши водевили. Онъ ломался, часто гладилъ себя по животу, постоянно улыбался и дѣлалъ самыя забавныя ужимки. Тону Петербургскаго у него совсѣмъ не было видно. Вообще этого актера превознесъ г. Старый Театралъ въ Муз. и Театр. Вѣст. (№ 32), сравнилъ его съ Максимовымъ и Самойловымъ (о Боже!), а въ самомъ дѣлѣ онъ—весьма посредственный актеръ. Странно! Какъ у насъ, провинціаловъ, достаетъ наивной рѣшимости все сравнивать съ столицею. Лягушка дулась быть воломъ; моська лаяла на слона и вышли самыя плачевныя слѣдствія. Помните всегда изреченіе Наполеоновское: «отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ». Губительна для молодаго актера неумѣренная похвала; она напаяетъ его презрительнымъ духомъ гордости; прекращаетъ развитіе, и губитъ его въ конецъ. Вѣдь тотъ, кто видѣлъ Самойлова и Максимова, сочтетъ похвалу г. Яковлеву 2 насмѣшкою, неболѣе,—злою эпиграммою, пародіею, ярымъ пасквилемъ, плоскою шуткою: но кто не видалъ, пожалуй повѣритъ и поднесетъ г. Яковлеву 2 лавровый вѣнокъ, какъ это сдѣлала благодарная Петербургская публика Максимову, играющему Гамлета. У г. Яковлева 2 пріемы всегда одни и тѣ же: суетливость, кричаніе во все горло, біеніе руками по бедрамъ, прижиманье плечь къ головѣ, бѣганіе по сценѣ; онъ одѣвается постоянно какъ кукла: выбритъ начисто, напомаженъ, приглаженъ, прилизанъ: кукла, настоящая кукла! Въ нѣкоторыхъ, весьма не многихъ водевиляхъ, мы видѣли въ немъ порядочнаго, еще сноснаго актера. Онъ хорошъ въ Соли супружества, Нѣтъ дѣйствія безъ причины, Улица луны и пр. Поетъ куплеты отвратительно и не старается учиться. Таковъ-то нашъ Максимовъ, jeune premier!?..

Николаевъ въ роли Осипа былъ весьма хорошъ.

О прочихъ актерахъ, игравшихъ въ Ревизорѣ, не стоитъ говорить: они играли потому, что назначены играть. Однажды даже взяли лакея съ улицы, посадили на сцену, надѣли ему очки и онъ замѣнялъ Христіана Ивановича!!! Комедія въ комедіи! Къ нему обращаются, а онъ, вытаращивъ глаза, смотритъ истуканомъ: и ни звука, ни движенія!.. Развѣ такой Христіанъ Ивановичъ у Гоголя? Шутилъ съ нами, провинціалами, г. Марковъ. Самъ г. Марковъ прежде Ленскаго игралъ городничаго. Объ игрѣ его лучше умолчать. Иной школьникъ лучше прочтетъ по книгѣ, чѣмъ г. Марковъ читалъ на сценѣ. Впрочемъ г. Марковъ вовсе не актеръ. Мы спросимъ у всѣхъ посѣтителей нашего театра: зналъ ли когда-нибудь г. Марковъ свою роль? Онъ является на сцену, какъ тайная полиція въ подозрительный домъ. Онъ не играетъ, даже не читаетъ, а смотритъ постоянно на ложи и партеръ, смотритъ и пересчитываетъ, много ль занятыхъ и сколько праздныхъ мѣстъ. Не будемъ же нападать на него: развѣ сѣкутъ нищаго за то, что у него нѣтъ милліона?..

У насъ сердце раздирается всегда, лишь видимъ безсовѣстно-корыстное служеніе искусству. Оповѣстилъ нашъ антрепренеръ т. е. г. Марковъ, что дана будетъ комедія «Ревизоръ» и мы, бѣдные, жалкіе провинціалы, сломя голову, летѣли въ театръ! Народу тьма! Негдѣ яблоку упасть! Назначь г. Марковъ 20 рубл. за ложу вмѣсто 5 и 3-хъ,—все бы занято было. Ожидаемъ! что же? Нашъ Городничій (г. Марковъ) озирается по сторонамъ, когда инкогнито проклятое должно выжигать его мозгъ; онъ не отходитъ отъ суфлера, какъ ревнивый мужъ отъ жены, онъ корчитъ изъ себя водевильнаго лакеишку, когда представляется Хлестакову въ страшной гостинницѣ.

Итакъ г. Марковъ не актеръ, хотя и говоритъ г. Старый Театралъ о немъ сіи краснорѣчивыя строки: «г-нъ Марковскій-Марковъ, антрепренеръ труппы, играетъ благородныхъ отцевъ, резонеровъ, дядюшекъ, комическихъ и ужасныхъ тирановъ, одурачеваемыхъ мужей; но (къ чему здѣсь *но?*!.) въ Наталкѣ Полтавкѣ удивительно поетъ (чистѣйшая ложь!) извѣстный: «Дидъ рудый, бабка руда» и пр., и вообще въ Малороссійскихъ роляхъ превосходенъ (Муз. и Т. Вѣст. 1858 г. № 32)».

Въ этомъ отзывѣ что ни слово, то явная несправедливость. Мы

только спросимъ: когда г. Марковъ игралъ благородныхъ отцевъ, резонеровъ, комическихъ и ужасныхъ тирановъ? Все это слова, слова, слова...

Вообще превосходнымъ въ Малоросійскихъ роляхъ г. Маркова назвать нельзя. Онъ постъ весьма обыкновенно, безъ энергіи, безъ комизма. Мы здѣсь напомнимъ г. Старому Театралу игру г. Маркова въ Москалѣ Чаривникѣ. Никакаго эффекта не производитъ на зрителей знаменитая пѣсня «съ того часу, якъ женывся», между тѣмъ у насъ же въ Черкасскѣ, эта пѣсня превосходно была пѣта г. Кирѣевымъ въ благородномъ спектаклѣ.

Кстати скажемъ, что піэсы благороднаго спектакля-это было въ 1855 г.—шли гораздо лучше, нежели тѣ же піэсы, игранныя труппою г. Маркова. Отлично исполнилъ свою роль г. Грековъ въ водевилѣ «А и Ф.» Еще доселѣ мы представляемъ его жесты, мимику, выговоръ, комизмъ. Наши же актеры сдѣлали эту піэсу вялою, скучною, хотя игралъ въ ней прославленный Дорошенко. Г-жа Кирѣева тогда сыграла всѣ свои роли превосходно. Поучились бы наши актрисы у нея сценическому искусству...

Годъ въ Ново-Черкасскомъ театрѣ убѣдилъ насъ, что счастіе удивительно иногда везетъ человѣку. Припомнивъ тотъ экстазъ, въ который приходилъ нашъ глухой городокъ 1857 года отъ Ноября до Поста, мы откровенно сознаемся, что не видѣли еще ничего подобнаго въ лѣтописяхъ провинціальныхъ городовъ (*). Мы теперь только сознаемъ, какъ были мы неопытны, жадны до наслажденій и вѣнчали жрецовъ Мельпомены и Таліи, сами не зная, достойны ли они даже двугривеннаго.

Вообразите! г-жу Боброву, которая такъ вѣрно оцѣнена г. Старымъ Театраломъ, какъ плохая актриса, мы осыпали цвѣтами; въ неистовый восторгъ приходили отъ ея пѣнія, въ которомъ не было «ни методы, ни ученія»; безъ ней необходилось ни одного спектакля; ея выходъ мы встрѣчали шумными аплодисментами: это настоящая была геніальная актриса: Семенова наша, Каратыгина, В. Самойлова!... Теперь, когда явились Ленская, Яковлева, Соле-

---

(*) Читателямъ Муз. и Театр. Вѣстника извѣстно, какъ бѣдствуютъ вездѣ провинціальныя труппы. Напр. въ Кіевѣ недавно одна первая актриса въ день своего бенефиса собрала всего *5 руб. сер.* Что скажутъ на это актеры Ново-Черкасска, получающіе въ мѣсяцъ 120 р. и въ годъ три бенефиса?..

никъ,—Бобровой нѣтъ въ афишѣ: ее надо искать съ огнемъ. Она показывается на сценѣ, а мы отвращаемся отъ ея манерной игры. Увы! Какъ счастіе коловратно!

Въ то доброе золотое время-съ Ноября 1857 г. до Поста—Яковлевъ, описанный уже нами, какъ молодой, посредственный актеръ, всегда пожиналъ незаслуженные лавры; въ обществѣ только и говорили о Яковлевѣ; онъ былъ нашъ любимецъ; за ложу на его бенефисъ мы чуть не подрались; онъ бралъ двойную цѣну: за ложу 10 руб. сер., (покрайней мѣрѣ такъ было напечатано, хотя потомъ и оторваны были концы афишъ, гдѣ значилась такая химерическая цѣна); онъ игралъ каждый день; онъ являлся въ дворянскомъ собраніи (видите, какъ мы любимъ заѣзжихъ Поморянъ!); онъ блисталъ въ обществѣ; теперь.... теперь,—о злодѣйка фортуна! теперь, послѣ Ленскаго, Дорошенко уже не сплетаются г. Яковлеву льстивыя рѣчи; мы холодны къ нему; мы увидѣли истинные таланты и равнодушны, постыдно «равнодушны» къ стоющему того г. Яковлеву.

Ему нуженъ учитель, учитель строгій, который бы въ станокъ его поставилъ, за школьную скамью посадилъ и научилъ бы, какъ держать себя на сценѣ, какъ произносить, какъ оставлять выходки и замашки, неидущія къ сценѣ.

Наша труппа большая; но видно, что нѣтъ въ ней авторитета, головы, руководителя, наставника. Наши актеры съ двухъ, трехъ репетицій играютъ такія піэсы, какъ «Горе отъ Ума». Мы собрались во множествѣ въ театръ видѣть безсмертное произведеніе родное; съ нетерпѣніемъ ждали начала; прибылъ и нашъ маститый старецъ, Наказный Атаманъ Войска Донскаго, покровительствующій нашимъ невиннымъ удовольствіямъ. Что же сдѣлали наши актеры? Они прочли съ грѣхомъ пополамъ наизустъ комедію!.. Публика скучала въ театрѣ и постоянно должна была вспоминать, какъ хорошъ Щепкинъ, Мартыновъ, Сосницкій, Самаринъ, Каратыгинъ въ роляхъ Фамусова, Репетилова, Чацкаго и Загорѣцкаго, короче—мы жили прежними минутами. Не будь г-жи Яковлевой, мы бы заснули. Эта актриса такъ мило, граціозно, истинно-артистически сыграла Лизу, что мы дрожали отъ душевнаго наслажденія и никто не видалъ ничего лучшаго. Нужно было смотрѣть на ея воровскіе глаза! Это-прелесть! Громъ рукоплесканій оглушалъ театръ...

Чацкій-г. Яковлевъ 1, дебютантъ, мужъ г-жи Яковлевой, порядно читалъ свою роль. По Чацкаго и сотой доли не видали въ немъ. Онъ, какъ трагикъ, играющій Отелло, громилъ насъ стихами Грибоѣдова и громъ этотъ потрясалъ стѣны небольшаго театра, ничуть не шевеля нашего сердца. Г. Яковлевъ, о которомъ мы теперь говоримъ, тотъ самый, который игралъ на Ставропольскомъ театрѣ, дебютантъ Петербугскаго театра, гдѣ онъ 1854 (кажется) года являлся въ роли Гамлета, по смерти Каратыгина. Онъ кричитъ такъ, что нѣтъ силъ сидѣть въ первыхъ рядахъ креселъ. Какъ обухомъ, бьетъ каждаго. Сверхъ того у него пѣвучій какой-то голосъ, плаксивый прононсъ: онъ растягиваетъ слова и возбуждаетъ иногда отвращеніе. Намъ отъ души жаль, что такой актеръ не съумѣетъ совладать съ собою. У него сильный голосъ, статный ростъ, видное лице; мы знаемъ, что онъ человѣкъ съ образованіемъ, говоритъ на другихъ языкахъ; ну какъ при этихъ средствахъ не приняться за серьезное изученіе драматическаго искусства? Мы убѣждены, что наше общество сторицею отблагодаритъ его. Пусть знаетъ, что не въ рычаніи, крикѣ, истерическомъ хохотѣ сила артиста, а въ чувствѣ, въ смыслѣ, въ проникновеніи себя мыслями лица, которое представляешь. Шекспиръ говоритъ актеру: «не терзай страсть на части, не бѣснуйся и не юродствуй.... Пусть собственное благоразуміе будетъ твоимъ наставникомъ. Соглашай движенія съ словами и слова съ движеніями; особенно старайся не преступать границъ естественной простоты; всякая чрезмѣрность не сообразна съ цѣлію представленія, которое состоитъ въ томъ, чтобы показать зеркало природы, явить добродѣтели и пороку точныя ихъ черты, всякому возрасту и состоянію его подобіе и отпечатокъ. Картина непомѣрно рѣзкая можетъ разсмѣшить невѣждъ, но оскорбитъ вкусъ разсудительныхъ людей, изъ коихъ мнѣніе одного должно быть для актера важнѣе, нежели голосъ цѣлой толпы незнающихъ».

Къ числу раздирающихъ актеровъ принадлежитъ г. Громовъ. Какъ г. Яковлевъ 1 въ Гамлетѣ изступленно кричалъ и наконецъ *охрипъ* въ полномъ значеніи этого слова; такъ г. Громовъ въ Лаэртѣ рвался, бѣсился; онъ вторгся на сцену безъ галстуха (странное пониманіе роли Лаэрта!) и наводилъ ужасъ. Играя Волкова въ піэсѣ Львова, Громовъ схватилъ стулъ и мы думали, что онъ убьетъ Лисицкаго. Богъ знаетъ, кто учитъ бѣсноваться тра-

гическихъ актеровъ? Откуда идетъ ложная теорія рычать по львиному? Г. Громовъ длинный, (простите за неловкость выраженія), чувствуя свой почти верстовой ростъ, сутуловато держитъ себя, сгибаетъ колѣни, ежится, корчится: судите сами, какое впечатлѣніе онъ долженъ производить, когда играетъ Кречинскаго, Уголино, Волкова, Жоржа, Фердинанда и пр. и пр. Справедливость требуетъ замѣтить, что г. Громовъ весьма старательный актеръ, усерденъ ко всякой роли, къ суфлеру не прибѣгаетъ и очень хорошъ тамъ, гдѣ говоритъ по человѣчески: тихо, степенно, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой, а главное со смысломъ. Еще замѣтимъ, что гримасы его готовы взбѣсить самаго невзыскательнаго зрителя. Антонія Кассадо онъ играетъ нестерпимо: это настоящій сатана, рисуемый на картинахъ для напуганія малютокъ. Наконецъ портитъ игру его Польское произношеніе,—онъ говоритъ: затчѣмъ, потчь, петчь и пр.

Кажется, скучно для читателей видѣть въ нашихъ замѣткахъ голословное опредѣленіе недостатковъ и достоинствъ актеровъ. Мы постараемся сократить разсказъ.

Г. Дорошенко-артистъ въ душѣ: вотъ лучшая ему хвала Но... но... пренебрегаетъ своимъ большимъ талантомъ. Онъ, кажется, роли никогда не знаетъ. Будучи увѣренъ, что прекрасное имѣетъ дарованіе, и зная, что всѣ о немъ преувеличеннаго мнѣнія, онъ пренебрегаетъ публикою, рѣдко выходитъ на сцену, даже тогда, когда напечатано его имя въ афишѣ. Жаль, очень жаль! Г. Дорошенко иногда позволяетъ себѣ самыя плоскія выходки; жаромъ-кипяткомъ онъ обдалъ весь театръ своею выдуманною фразою: «какъ? восьмеро на одну... восьмеро военныхъ на одну (т. е. жену)?» Въ піесѣ «Жена за столомъ, а мужъ подъ столомъ» подобной грязной фразы нѣтъ (См. Пантеонъ 1841). Бритва въ рукахъ безумца губитъ человѣка; ядовитый змѣй иногда лежитъ въ душистыхъ цвѣтахъ. Въ какой мы вѣкъ живемъ? Теперь даже во Франціи, странѣ всего вольнаго, строго смотрятъ за театромъ. Извѣстенъ процессъ съ комедіею Эмиля Ожье «Les Pauvres Lionnes». Цензура не пропустила піэсы, хотя въ ней отнюдь не такъ грязны выраженія, какими наполнены тысячи другихъ (*). Г. Дорошенко забываетъ, что театръ не есть мѣсто соблазна и вывѣска

(*) Рус. Вѣст. 1859 г. Статья Евгеніи Туръ.

всего безнравственнаго, мѣсто всякой плоскости. Вы заставьте насъ смѣяться тѣмъ смѣхомъ, къ которому пріучилъ безмертный Гоголь лучшими своими созданіями... «Нѣтъ», говоритъ авторъ Театральнаго Разъѣзда, «нѣтъ, смѣхъ значительнѣй и глубже, чѣмъ думаютъ. Не тотъ смѣхъ, который порождается временной раздражительностію, желчнымъ, болѣзненнымъ расположеніемъ характера; не тотъ также легкій смѣхъ, который весь излетаетъ изъ свѣтлой природы человѣка, излетаетъ изъ нея потому, что на днѣ ея заключенъ вѣчно біющійся родникъ его: но который углубляетъ предметъ, заставляетъ выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проницающей силы котораго мелочь и пустота жизни не испугала бы такъ человѣка... нѣтъ, засмѣяться добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, можетъ только одна глубоко—добрая душа (Соч. Гоголя 11. 540, 541).» При такомъ понятіи о смѣхѣ сказать Русскому актеру: «восьмеро на одну» и стыдно и позорно... «Смѣхъ-честное, благородное лице», говоритъ Гоголь...

Изъ актрисъ первое мѣсто по справедливости принадлежитъ Ленской и Яковлевой. Ленская съ большимъ дарованіемъ актриса; она прекрасно играетъ: драма вся возложена на ея плечи. Ленская выходитъ на сцену почти всегда и потому такъ рѣзко выдаются ея недостатки: качанье, постоянное качанье, или лучше сказать, мотанье головою, истерическія слезы и смѣхъ, непомѣрная болтливость, широко раскрываемый ротъ. Ленская мастерски играетъ «Тетушку болтушку»: это ея жизнь и вѣнецъ. За то она *почти* во всѣхъ роляхъ та же Тетушка болтушка. Какъ она плачетъ въ «Соли Супружества», такъ она рыдаетъ вездѣ. Такой талантъ, какъ Ленская, чѣмъ рѣже является на сцену, тѣмъ лучше; послѣ Святой г. Марковъ заставлялъ ее играть каждый Божій день: сборъ былъ большой, но актриса все болѣе и болѣе теряла во мнѣніи знатоковъ. Играй она рѣже, ничего не было бы. Наше общество цѣнитъ Ленскую: оно щедро одарило актрису въ ея бенефисъ.

Г-жа Яковлева, молодая актриса. Ея торжество въ будущемъ. Теперь она восхищаетъ насъ въ «Лизѣ» Грибоѣдова, плѣняетъ въ Малорусскихъ піэсахъ и вообще хороша въ роляхъ субретокъ.

Наша Гусева-г-жа Михайлова срываетъ аплодисменты въ роляхъ отцвѣтшихъ дѣвъ, сводней, свахъ, старыхъ тетокъ и комическихъ женъ. Талантъ Михайловой впрочемъ нисколько не под-

вигается впередъ. Какова она была въ 1857, такова она теперь и, убѣждены, такова же покажется 1860 г.

Другія актрисы не заслуживаютъ разбора. Очень жаль, что г. Марковъ не даетъ серьезныхъ ролей г–жѣ Людвигъ. Она, если не ошибаемся, съ талантомъ, но устранена съ пріѣзда Лепской и возвышенной не по праву Соленикъ.

Здѣсь мы не можемъ не указать на печальные факты, поражавшіе насъ въ этомъ году. Г. Марковъ, имѣя въ виду единственно матеріальную цѣль, прибыль денежную, не согласовался съ мнѣніемъ публики. Онъ двигалъ актерами, какъ шашками. Иного актера публика и желала бы видѣть на своемъ театрѣ, но г. Марковъ удалялъ его, едва содралъ съ него овечью шкуру. Такъ онъ на зло всѣмъ удалилъ г. Шухта, еще и доселѣ незамѣнимаго. Шухтъ истинный комикъ; онъ въ Расплюевѣ былъ наслажденіемъ нашимъ; отставныхъ военныхъ, а также купчиковъ игралъ отлично. Г. Марковъ удалилъ его. На его амплуа у насъ теперь нѣтъ актера. Дорошенко, замѣняя иногда Шухта, только убѣждаетъ насъ въ чувствительной потерѣ. Онъ выступилъ въ Расплюевѣ и заставилъ весь театръ вспомнить о Шухтѣ; онъ взялся за роль Бородкина и принудилъ весь театръ жалѣть о Шухтѣ: такой комикъ, какъ Дорошенко, не можетъ намъ замѣнить Шухта. Г. Марковъ удалилъ его. Должно быть мелкія, ничтожныя интриги лишили насъ прекраснаго комика. Онъ теперь въ Таганрогѣ и пользуется всеобщею любовію (*) публики.

А г. Марковъ въ прибыли. Начали являться дебютанты: слѣдовательно больше показывалось публики и увеличивался сборъ. Но да не поднимемъ завѣсы этой!...

Нашъ отчетъ о годовой дѣятельности театра въ Ново–Черкасскѣ былъ бы не полонъ и не ясенъ, если бы мы ничего не сказали о бенефисахъ.

Сердце замираетъ, когда взглянешь на бенефисную афишу. Буквы въ сажень десять! Афиша съ версту! На ней обѣщаютъ легковѣрному зрителю пожары, истребленіе мостовъ, кинжалы и ядъ, безумныхъ, духовъ ада: ужасно! Волнуется и шумитъ народъ въ театрѣ; биткомъ набито вездѣ. Что же? «Буря въ стаканѣ воды».

(*) Въ 1859 г. Шухта опять приглашена на Ново-Черкасскую сцену Дирекціи.

Мостъ не разрушается, пожару не бываетъ, убійцы и разбойники (припомнимъ г. Маркова въ піэсѣ «Шутъ и Отецъ») заставляютъ васъ хохотать, піэса на половину сокращена; у рыцаря только одна перчатка желѣзная, а вмѣсто щита, панцыря—душегрѣйка женская; выступаетъ г. Сизовъ, главный рыцарь и ведетъ за собой казаковъ въ красныхъ курткахъ: это рыцари!..

Самое названіе піэсъ, играемыхъ на нашихъ бенефисахъ, даетъ понятіе о вкусѣ нашихъ актеровъ и пониманіи ими драматической поэзіи. Дочь Шута, Записки Демона, Талисманъ, Тизба, Луиза де Линьероль, Любовь и Ревность, Ренвильскій Замокъ, Соломенная Шляпка, Она помѣшана, Смерть и Честь и пр.: видите, ни одного Русскаго предмета! Все міръ иностранный. Весьма, весьма рѣдко даются піэсы изъ Русскаго міра. Намъ лучше обезображенные принцы, да короли, похожіе на сапожниковъ по костюму, нежели купецъ Иголкинъ, да гражданинъ Мининъ.

Мы высоко летаемъ, забывая, что, желая поставить піэсу съ «приличною обстановкою», мы должны умъ имѣть и знаніе того времени, которое изображается въ извѣстной піэсѣ. Вѣдь оскорбительно же Испанца видѣть въ современной намъ мантильѣ, или креолкѣ: плащь и бурнусъ двѣ вещи различныя. А г. Марковъ въ «Испанскомъ Дворянинѣ» нарядилъ г-жу Маркову въ бѣлую креолку, въ каштановые штаны и она, бѣдная, должна была выходить на сцену для потѣхи зрителей... Костюмовъ нѣтъ, а даютъ піэсы грозныя. Гдѣ же смыслъ человѣческій? Вѣдь это напоминаетъ извѣстный анекдотъ о живописцѣ Онъ написалъ воробья, а подписалъ «соловей»....

Если вы, любезные читатели, будете проѣзжать черезъ Черкаскъ, не идите на бенефисъ: въ просакъ попадете! На бенефисной афишѣ цѣны не значится и съ васъ могутъ взять баснословную сумму. Такъ однажды всѣ имѣли горькое удовольствіе читать передъ кассою слѣдующую бумагу, которой утромъ не было: «желающіе имѣть билетъ на бенефисъ г-жи Ленской платятъ: за мѣста въ бель-этажѣ 10 руб. сер. (а утромъ они стоили 5 и 4 руб.), въ кресла 3, 2 и 1 р. 50 к. сер.».

По нашему мнѣнію, напечатай цѣну въ афишѣ; хоть милліонъ назначь за кресло; писать же цѣну передъ спектаклемъ, какъ хотите, надувательство.

Бываютъ во время бенефисовъ и другія штуки: но чтобъ гусей не раздразнить...

Не менѣе насъ поразилъ своимъ составомъ спектакль 7 Окт. «въ пользу бѣдныхъ». Вы не можете себѣ представить ничего хуже этого спектакля. Антрепренеръ труппы рѣшился озадачить всѣхъ насъ. Піэсы, выбранныя имъ, всего двѣ, были самыя неудачныя. Мы думали: должно быть что нибудь хорошее! «Въ пользу бѣдныхъ»! Такая благотворительная и священная цѣль!.. Театръ былъ полонъ, но г. Марковъ никакого старанія не приложилъ объ устройствѣ согласнаго съ прекрасною цѣлію спектакля. Въ другихъ городахъ на этотъ день лучшіе актеры развозятъ билеты по домамъ; лучшая актриса продастъ въ кассѣ билеты: подобное распоряженіе сопровождается самыми отрадными сборами. У насъ посадили въ кассу полицейскаго и начали спектакль піэсою самою вздорною: водевилемъ «Вѣрочка». Что въ немъ толку? Мы не знаемъ. За симъ шла не менѣе пустая піэса «Сватанье на Гончаровкѣ», гдѣ позволялъ себѣ г. Дорошенко самые изуродованные, самые каррикатурные жесты, позы, слова: вся цѣль его была смѣшить. Г. Марковъ дѣлалъ также изъ своей роли чудовищное представленіе. Таковъ былъ нашъ спектакль въ пользу бѣдныхъ!.. Единственный спектакль!..

Все разсказанное нами ясно показываетъ, что г. Марковъ и его труппа заѣхали въ теплое мѣстечко. На Дону богатства много, думаютъ они: греби золото лопатами.

Правда! Донъ богатъ, и силенъ, и славенъ: степи привольны въ немъ; рыбы самой дорогой въ изобиліи; скота бездна; виноградниковъ разводится множество; самъ Пушкинъ назвалъ Донъ «заветнымъ». Мы одѣваемъ въ шелкъ и питаемъ бѣлымъ хлѣбомъ пришельцевъ Русскихъ; золотомъ осыпаемъ ихъ. Даже такихъ людей, какъ г. Марковъ съ труппою, мы принимаемъ; гостепріимство, ласка ко всѣмъ и всякому знамя наше. Умѣйте же, гг. заѣзжіе артисты, оцѣнить насъ; не помыкайте нами; дѣйствуйте честно и правдиво: мы сторицею вознаградимъ васъ.

Теперь уже театромъ завѣдуетъ дирекція. Дай Богъ ей всего лучшаго!

1858 года 2 Ноября.

О КНИГѢ

КАПИТАНА ЧУЙКЕВИЧА «ПОДВИГИ КАЗАКОВЪ ВЪ ПРУССІИ (1807 г.)».

«Книга сія относится къ чести Донскихъ казаковъ.»

Атаманъ Платовъ(*).

Капитанъ Чуйкевичъ — лице забытое въ Русской Литературѣ; о немъ нѣтъ ни слова даже въ «Опытѣ краткой исторіи Русской Литературы» Н. Греча, отличающемся своею любовію къ малоизвѣстнымъ авторамъ.

Мы намѣрены познакомить нашихъ читателей съ авторомъ и написанною имъ книгою: «Подвиги казаковъ въ Прусіи 1807 г.»

Въ каталогѣ Смирдина (отца) приписано Чуйкевичу пять сочиненій: 1) Познаніе человѣка; пер. съ Французскаго Петръ Чуйкевичъ. Спб. 1806.

2) Подвиги казаковъ въ Пруссіи. Съ планомъ театра войны кампаніи 1807 года и многими любопытными анекдотами. Спб. 1810.

3) Стратегическія разсужденія о первыхъ дѣйствіяхъ Россіянъ за Дунаемъ 1810 г., съ историческими замѣчаніями и біографіей Сераскира Пеплевана, взятаго въ плѣнъ при штурмѣ Базарджика, 22 мая. Спб?.

4) Разсужденіе о войнѣ 1812 года, съ таблицами; исчисленіе непріятельскихъ силъ, вошедшихъ въ предѣлы Россійской Имие-

---

*) Съ разрѣшенія г. Наказнаго Атамана мы занимались въ Войсковомъ архивѣ и всю эту статью извлекли изъ дѣлъ его. Приносимъ полную нашу благодарность достойному Начальнику.

ри и потери непріятельской въ каждомъ сраженіи и дѣлѣ, съ начала компаніи до 1 Генваря 1813 года; соч. Чуйкевича. Спб. 1813 г.

5) Покушеніе Наполеона на Индію 1822 г. или разговоръ двухъ офицеровъ Россійскаго и Французскаго на аванпостахъ арміи, съ замѣчаніями и нѣкоторыми приказами, отданными во Французской арміи; издалъ Петръ Чуйкевичъ. Спб. 1813 г., тожъ изданіе 2-е, подъ названіемъ: Затѣи Наполеона въ продолженіи похода 1812 г и пр. Спб. 1814 г.

Всѣ эти сочиненія, кромѣ перваго, показываютъ въ Чуйкевичѣ писателя историческаго, писателя—патріота.

Изъ дѣлъ Войсковаго Донскаго архива видно, что Капитанъ Чуйкевичъ служилъ подъ командою Генерала Платова въ теченіи войны 1807 г., въ свитѣ Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, получилъ въ 1808 г. орденъ Св. Анны 3-й степени, въ 1811 г. былъ подполковникомъ и состоялъ при военномъ министрѣ.(*).

Служа подъ начальствомъ Матвѣя Ивановича Платова, Капитанъ Чуйкевичъ велъ записки военнымъ дѣйствіямъ Донскаго корпуса, расположеннаго въ Пруссіи, во время войны съ Французами 1807 г; потомъ напечаталъ свои записки особою книгою: «Подвиги казаковъ въ Пруссіи 1807 г.» и выразилъ желаніе Атаману Платову доставить до 550-ти экземпляровъ своего сочиненія «для общества Войска Донскаго». Платовъ принялъ участіе въ доставленіи книгъ Чуйкевича на Донъ и просилъ *Наказнаго* Атамана Андрея Карповича Кирѣева выслать автору 1375 руб. за труды и издержки.

«Я, писалъ *Войсковой* Атаманъ Платовъ (изъ С. Петербурга отъ 24 декабря 1810 года) къ *Наказному* Атаману Кирѣеву,

---

(*) Въ сраженіи при мѣстечкѣ Алленштейнѣ, 1 мая 1807 г., участвовалъ и Чуйкевичъ. Донося Главнокомандующему Барону Беннигсену объ отличившихся, Платовъ о Чуйкевичѣ говоритъ слѣдующее: «свиты Его Императорскаго Величества, по квартирмейстерской части, штабсъ-капитанъ Чуйкевичъ во все время былъ съ егерями впереди и поступалъ съ мужественною храбростію». Реляція объ атакѣ Алленштейна 1-го Мая. Дѣла Военно-Походной канцел. Платова № 37.

одобряя тэковое желаніе его (т. е. Чуйкевича) и что книга сія относится къ чести Донскихъ казаковъ, принимаю участіе въ доставленіи оной на Донъ, и желая возвратить издержки, понесенныя имъ, г. Чуйкевичемъ, въ сочиненіи оной труды, родившіеся изъ единственнаго усердія его и издержки, которыя могли быть въ отпечаніи экземпляровъ, прошу васъ, снесясь съ господами присутствующими Войсковой Канцеляріи, доставить ему, Чуйкевичу, за помянутое число экземпляровъ деньги, полагая каждый по 2 руб. 50 коп., всего 1375 руб. (*)».

Писалъ о своей книгѣ и самъ *Чуйкевичъ* къ Войсковому Наказному Атаману Кирѣеву. Изъ трехъ его писемъ (**) особенно важно первое. Въ немъ почтенный капитанъ прямо и безъ лести отзывается о мужествѣ казаковъ въ войну противъ Французовъ въ Пруссіи 1807 г., вспоминаетъ отличныя дѣла самаго Кирѣева въ Польшѣ, превозноситъ «примѣрныя, нравственныя добродѣтели казаковъ, которыя бы сдѣлали честь *просвѣщеннѣйшему* народу».

Побужденіемъ къ написанію книги «Подвиги казаковъ въ Пруссіи 1807 г.» было единственное усердіе къ славѣ Войска Донскаго. Авторъ говоритъ: «передать памяти дѣтей дѣянія отцевъ для подражанія и опровергнуть нелѣпыя сочиненія иностранцевъ о казакахъ были.... главнѣйшими причинами къ изданію сего журнала.»

Наказный Атаманъ Кирѣевъ въ письмѣ своемъ къ Чуйкевичу отзывается съ лестною похвалою о трудѣ его.

Дѣло о высылкѣ денегъ за книгу Чуйкевича продолжалось отъ 24 Декабря 1810 г. до 12 Ноября 1811 г. Войсковая Канцелярія отправила 150 экземпляровъ книги въ Ново-Черкасскую полицію, 50 въ Старо-Черкасскую станицу, къ начальнику ея, Маіору Туровѣрову, а остальные экземпляры въ сыскныя начальства въ каждое по 50-ти. Гвардіи Поручику Балабину дано было предписаніе доставить Капитану Чуйкевичу слѣдуемыя ему деньги 1375 рублей. Обрадованный авторъ чувствительнѣйше благодарилъ Наказнаго Атамана Кирѣева за присылку денегъ, избавившихъ его отъ долговъ, «къ коимъ я, пишетъ Чуйкевичъ, въ теченіи пятнадцатилѣтней моей службы никогда не привыкалъ».

(*) Изъ дѣлъ Архива 1812 г. № 96 по Атаманской канцеляріи.
(**) Тамъ же.

Книга Чуйкевича теперь библіографическая рѣдкость. Мы совершенно увѣрены, что читатели не посѣтуютъ на насъ, если мы вкратцѣ здѣсь предложимъ нѣсколько замѣчаній о дѣлахъ 1807 года, совершенныхъ въ Пруссіи казаками и ихъ доблестнымъ Атаманомъ Платовымъ противъ Французовъ.

Въ 1807 году въ Пруссіи происходила война Русскихъ съ Французами. Армія Бонапарте состояла (*) изъ 90,000 человѣкъ; она раздѣлялась на пять корпусовъ, которыми предводительствовали маршалы: Бернадотъ, Ожеро, Сультъ, Мюратъ, Даву и Ней (**). Русскими войсками командовалъ Баронъ Беннигсенъ, подъ начальствомъ котораго находилось 70,000 человѣкъ.

Въ арміи Русской были почти всѣ генералы, будущіе герои 1812 года: Барклай-де Толли, Багратіонъ, Дохтуровъ, Ермоловъ, Кутайсовъ, Сакенъ и другіе. Наканунѣ Прейсишъ-Эйлауссскаго сраженія (26 Генваря 1807 г.) прибылъ къ Русскимъ войскамъ Атаманъ Платовъ (***).

При началѣ войны въ Русской арміи состояли слѣдующіе казачьи полки: подполковниковъ Иловайскаго 9-го и Андронова; войсковыхъ старшинъ-Сысоева 3, Грекова 18-го, Ефремова 3-го, Киселева 2-го и Папузина (****). Послѣ присоединены были и другіе.

Въ книгѣ Чуйкевича содержится подробное свѣдѣніе о числѣ и дѣйствіяхъ полковъ въ Пруссіи. Почтенный авторъ напечаталъ цѣликомъ весь журналъ военныхъ дѣлъ казаковъ число за числомъ, какъ древній лѣтописецъ Несторъ. Повѣрить свѣдѣнія Чуйкевича невозможно, потому что въ Войсковомъ архивѣ отъ самаго журнала «военныхъ дѣйствій въ Пруссіи» остался только одинъ заглавный листъ...

Книга Чуйкевича весьма любопытна. Это настоящая военная книга. «Кавалерія, пѣхота, битвы, плѣнъ, маршъ, убитъ, раненъ», слова иногда столь сладкія, а иногда ужасныя для читателя, встрѣчаются вездѣ. «Полки выступили въ полночь... корпусъ соединился съ отрядомъ... полкъ преслѣдовалъ непріятеля....» и т. д. и т. д.—вы найдете повсюду.

(*) Реляція о Прейсишъ-Эйлауссскомъ сраженіи Беннигсена № 31.

(**) Описаніе войны 1706 и 1807 годовъ, Михайловскаго-Данилевскаго.

(***) Письма Платова. Изъ дѣлъ Архива.

(****) Подвиги казаковъ въ Пруссіи, соч. Чуйкевича, стр. 3.

Авторъ подробно изложилъ ходъ всей войны 1807 г., обращая особенное вниманіе на Атамана Платова и предводительствуемыхъ имъ казаковъ. Онъ иногда увлекательно разсказываетъ. Такъ сраженіе при Прейсишъ-Эйлау описано по-Карамзински. Для образца приведемъ слова его: «въ семъ достопамятномъ бою, упорство обѣихъ сторонъ, чтобъ побѣдить, доходило до чрезвычайности. Россіяне оказали въ семъ сраженіи удивительную твердость и презрѣніе къ смерти: ничто не могло ихъ разстроить, они уподоблялись непреодолимому оплоту, устроенному противу ярости водъ. Всѣ готовы были умереть съ мыслію, что отечество, близъ границъ котораго они сражались, взирало на нихъ и возлагало надежду свою на ихъ храбрость и любовь къ себѣ. Тамъ тысячи жерлъ разсѣевали повсюду смерть и ужасъ; тамъ испроверженные всадники, потоптанные лошадьми; тѣла обезображенныя, лежащія грудами; жалостный вопль умирающихъ и кровь, льющаяся со всѣхъ сторонъ, представляли страшное зрѣлище. Тамъ злоба, сидя на окровавленныхъ трупахъ, метала во всѣ сердца пагубные свои пламенники, и грызомая алчностію, требовала еще новыхъ жертвъ. Чувство человѣчества было изгнано, и мстительныя божества, казалось, водворяли свое могущество на землѣ».

О генералѣ Платовѣ онъ говоритъ безъ прикрасъ и читатель самъ видитъ, что авторъ не напрасно назвалъ славнаго Атамана «мужественнымъ вождемъ, увѣнчавшимъ чело свое неувядаемыми лаврами и водившимъ Донское войско къ неоднократнымъ побѣдамъ».

Чуйкевичъ оканчиваетъ свою книгу извѣстіемъ о почетномъ знамени, дарованномъ Государемъ «вѣрноподданному Войску Донскому за оказанныя заслуги въ продолженіи компаніи противу Французовъ 1807 года».

Здѣсь мы могли бы покончить свои замѣчанія о книгѣ нашего автора, если бы не нашли въ Войсковомъ архивѣ нѣкоторыхъ важныхъ бумагъ, относящихся къ 1807 году и неизвѣстныхъ Чуйкевичу.

Мы говоримъ о частной перепискѣ Атамана Платова съ Высочайшими особами и съ Русскими генералами, современными войнѣ 1807 г.

Частная переписка Платова (*) драгоцѣнный и еще никѣмъ не тронутый источникъ для изображенія истинныхъ подвиговъ Войска Донскаго въ войну 1807 г., для представленія высокаго духа Атамана, для наглядиаго описанія той славы, которою достойно пользовался Платовъ.

Въ своихъ письмахъ къ Александру Борисовичу Фоку онъ жалуется на худое содержаніе войскъ Донскихъ въ Пруссіи, на забвеніе ихъ Главнокомандующимъ Беннигсеномъ. Полки Атамана Платова часто не имѣли провіанта и фуража; лошади приходили въ крайнее изнуреніе. Не взирая на такое бѣдственное состояніе отряда Платова, присылались ему повелѣнія итти туда, итти въ другое мѣсто... Атаманъ, душею любившій своихъ Донцовъ, стоялъ за нихъ какъ отецъ за дѣтей; онъ откровенно высказывалъ горькія нужды казаковъ и просилъ донести Главнокомандующему: «сдѣлайте же милость, писалъ Платовъ Фоку, посодѣйствуйте пособіемъ вашимъ въ сей крайности; ибо не только хлѣба и овса, но и соломы ей купить не за что... Вѣрите ли, милостивый государь, что полки, употребивши на покупку всѣ присланныя прежде сего (писано аяIV 9 ч. 1807 г.) деньги, дошли до того, что истратили и всѣ казачьи деньги, кои имѣли они въ *черезахъ* своихъ».

Туземцы хоронили отъ солдатъ и казаковъ провіантъ и фуражъ въ ямахъ, такъ что бѣднымъ воинамъ приходилось голодовать. Платовъ еще сильнѣе настаиваетъ на необходимость прежде всего заботиться о продовольствіи войска.

Будучи отцемъ заботливымъ о своихъ Донцахъ, Атаманъ Платовъ въ тоже время защищалъ честь ихъ, отстаивалъ славу ихъ и не позволялъ «несчастныхъ казаковъ всюду употреблять». Мы приводимъ прекрасныя письма его по этому предмету: они, надѣемся, доставятъ истинное наслажденіе каждому изъ читателей.

Милостивый Государь,
Александръ Борисовичъ!

«По увѣдомленію вашего превосходительства, отъ 4-го Мая,

(*) Изъ дѣлъ архива.

сто пятьдесятъ казаковъ съ офицеромъ и урядниками, изъ полковъ Донскихъ отряда моего, скоро за симъ въ Фридландъ отправятся для конвоированія транспортовъ съ провіантомъ и фуражемъ. Но я, имѣя въ виду, что казачьи полки очень въ маломъ количествѣ, принуждаюсь донести до свѣдѣнія вашего, что сіи казаки со слезами берутся изъ полковъ, и что я не безъ огорченія на сіе смотрю, а потому покорнѣйше васъ прошу доложить его высокопревосходительству Барону Леонтію Леонтьевичу (*), что раскомандировка полковъ казачьихъ, которые сверхъ безпрестаннаго употребленія въ разъѣзды и подъѣзды къ непріятелю для тревоги онаго и часто всѣмъ отрядомъ сражаяся съ непріятелемъ, наконецъ до того дойдетъ, что я буду просить совершеннаго освобожденія отъ командованія. Впрочемъ зная, что транспорты съ хлѣбомъ и фуражемъ проходятъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ могутъ кажется конвоировать и другія воинскія команды, кромѣ казаковъ, я не могу не удивиться, для чего туда отвлекаются люди, необходимо впереди нужные.

«Вы изволите говорить въ сношеніи своемъ тако: «самыхъ де слабоконныхъ»—я понимаю въ томъ смыслѣ, будто есть и такіе казаки, которые противъ непріятеля неспособны; *нѣтъ, у меня всѣ способны*; особливо очень худоконныхъ нѣтъ, а всѣ равны во всѣхъ полкахъ и доброконные, о которымъ мы мыслимъ только, что ноги подымаютъ. Можетъ быть вамъ неизвѣстно, что я давно съ казаками дерусь спѣшившися, ибо и въ непріятеля противъ меня нѣтъ кавалеріи. Моя нужда для службы въ людяхъ, а не въ лошадяхъ. Вторично донесу, изъ малаго числа безпрестанно еще у меня берутъ; если же такъ должно, чтобы всюду несчастныхъ казаковъ употреблять; надобно найти, гдѣ дѣвались казаки, идущіе изъ Оренбурга, тогда будемъ несть и съ ними одинъ жребій».

По случаю отступленія къ Тильзиту, во время котораго казаки охраняли отъ Мюрата и Бонапарта всю Русскую армію, Платовъ писалъ къ Главнокомандующему. «Я надѣюсь, что ваше высокопревосходительство, по начальству вашему, отдадите мнѣ и Войску Донскому справедливость въ разсужденіи ретирады отъ Вейлау,

(*) Беннигсену.

даже до Нѣмана рѣки и города Тильзита: въ четыредневное продолженіе оной ежечасно до самой темной ночи сражался я, и предъ непріятелемъ ночлеги имѣлъ, не допустивъ себя до бѣгства и, не потревоживъ, несъ на плечахъ своего войска авангардъ Князя Багратіона и армія спокойно слѣдовала. Самъ Бонапартъ шелъ слѣдомъ вблизи, а Мюратъ со ста эскадронами шибко стремился, но довольно былъ удерживаемъ и неоднократно до пушекъ прогоняемъ боемъ. Истину сію подтвердитъ и непріятель нашъ. До послѣдняго человѣка оставался я при переправѣ Нѣмана, чтобъ никого не оставить и не потерять, потомъ зажегъ мостъ—тѣмъ и окончилось. Ваше высокопревосходительство много покуражите, естьли начальническимъ вашимъ донесеніемъ доведете до свѣдѣнія Государя Императора о моей съ войскомъ Донскимъ усердной службѣ и жертвованіи нашемъ, особливо 6-го числа при деревнѣ Юргайченъ, гдѣ непріятель хотѣлъ пожрать и скакалъ далѣе на армію, но милостію Божескою и грудью нашею гордость его укротили. Вторично скажу, что Мюратъ сознается самъ, что ему не легко было, и всѣ ночи не далъ я имъ спать. Я бы и самъ явился къ вашему высокопревосходительству истину объяснить, но съ прошедшихъ дней болѣнъ, еще не могу поправиться». (Писано Іюня 11 дня 1807 г. изъ лагеря при Тильзитѣ, на правой сторонѣ Нѣмана).

Атаманъ Платовъ, ревнуя о славѣ своихъ Донцевъ, непрестанно ходатайствовалъ за нихъ предъ высшимъ начальствомъ. Такъ онъ выхлопоталъ чрезъ Беннигсена у короля Прусскаго ордена краснаго орла генералъ маіорамъ Иловайскимъ: 2-му, 5-му и 4-му и Денисову 6-му. Онъ даже самъ писалъ къ Его Величеству, Королю Прусскому и просилъ удостоить орденомъ заслугъ Есаула Кашина и Подполковника Лаптева, отличившихся въ Пруссіи, просилъ выслать знаки отличія другимъ казакамъ, кромѣ тѣхъ, которые были получены, «дабы утѣшить ихъ, людей, по истинѣ благоволенія сего заслуживающихъ и побудить тѣмъ къ вящшей отличности».

Письма Платова, (*) на которыхъ мы остановились, показываютъ еще въ немъ истиннаго христіанина. Приближался празд

(*) Всѣ письма эти адресованы на имя Александра Борисовича Фока. Онъ былъ при Беннигсенѣ дежурнымъ генераломъ. Послѣ Гейльсберскаго сраженія,

никъ Воскресенія Христова; Атаманъ въ самыхъ умилительныхъ словахъ просилъ Александра Борисовича Фока прислать въ его полки священника для исповѣди и отправленія богослуженія. «И по вѣрѣ къ Богу, такъ начинается письмо, и къ святой Его церкви православныхъ христіанъ, многіе офицеры и нижніе воинскіе чины полковъ моего отряда желаютъ поститься, чего имъ исполнить, полагаю я, по военнымъ обстоятельствамъ невозможно, по крайней мѣрѣ удовлетвориться вмѣсто поста исповѣдью. Для чего, а собливо будущаго высокопочитаемаго праздника Воскресенія Христова, котораго вашему превосходительству извѣстно, съ какимъ душевнымъ восхищеніемъ каждый христіанинъ ожидаетъ... Повѣрьте истинѣ, что всѣ будутъ офицеры и нижніе чины симъ (прибытіемъ священника) много одушевлены: ибо Постъ Великій уже во исходѣ, а исповѣдаться здѣсь было имъ, по не имѣнію священника, не у кого. (Писано Апрѣля 1807 г.)».

Уваженіе и любовь къ ближнему видны въ письмѣ Платова къ Главнокомандующему Беннигсену о награжденіи орденомъ оберъ-аудитора Гѣевскаго. Въ апрѣлѣ 1807 г. Атаманъ получилъ Всемилостивѣйше пожалованный ему орденъ Св. Александра Невскаго, украшенный брилліантами. Гѣескій доставилъ Платову знаки ордена. «Сей случай, пишетъ Атаманъ, привелъ меня въ крайнее сожалѣніе толико бѣднымъ своимъ состояніемъ, что, сближаясь уже къ позднимъ лѣтамъ, не имѣетъ ни состоянія, ниже слѣдовъ къ достиженію онаго. Я его съ хорошей стороны лично довольно знаю по службѣ еще отъ 1792 года, когда онъ находился при графѣ Николаѣ Ивановичѣ Салтыковѣ и тѣмъ прискорбнѣе мнѣ было видѣть его чрезъ столько лѣтъ и при старости уже въ унынiи и бѣдности». (Писано 17-го Апрѣля 1807 г.).

Теперь приведемъ всѣ сполна письма Атамана Платова къ Ихъ Величествамъ: Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, Королю Прусскому Фридриху Вильгельму, Королевѣ Прусской Луизѣ, отвѣтныя письма Ихъ Величествъ. Эти письма, нигдѣ не напечатанныя, касаются войны 1807 года и участія въ ней казаковъ.

гдѣ Фокъ былъ тяжело раненъ, Цесаревичъ Константинъ Павловичъ сказалъ: «въ числѣ раненыхъ нашихъ подъ Гейльбергомъ надобно считать и Главнокомандующаго: онъ потерялъ въ Фокѣ свою правую руку.» Императоръ Александръ 1-й и Его сподвижники, Михайловскаго—Данилевскаго. Т. 11.

Письмо

Атамана Платова къ Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ (*).

Всемилостивѣйшая Государыня!

«Имѣвъ счастіе удостоиться видѣть въ письмѣ князя Багратіона присланное ко мнѣ Ваше Императорское, Всемилостивѣйшая Государыня, благоволеніе, и сверхъ того сего дня въ полученномъ мною письмѣ отъ генерала Вязмитинова таковое жъ Всемилостивѣйшее, спѣшу, яко подданнѣйшій, принесть, за таковое Ваше Императорское Всемилостивѣйшее напоминаніе обо мнѣ, подданническую, душевную и всенижайшую мою благодарность. Прошу Всевышняго, чтобы благословилъ меня лично удостоиться за толикую милость ко мнѣ Вашего Императорскаго Величества пасть къ стопамъ Вашимъ.

«Всемилостивѣйшая Государыня! благословеніемъ Твоимъ, коимъ Вы всемилостивѣйше удостоили меня при отъѣздѣ моемъ въ 15-й день генваря, доѣхалъ за границу я къ арміи въ разсужденіи здоровья моего поспѣшно; прибылъ наканунѣ Прейсишъ-Эйлауссказо достопамятнаго страженія. Былъ въ ономъ съ Донскими полками, которыхъ я тогда при арміи нашелъ, по благости Божіей и по Вашему Императорскому благословенію счастливо и удачно. Потомъ чрезъ нѣсколько дней подоспѣли ко мнѣ съ Дону слѣдовавшіе форсированнымъ маршемъ Донскіе полки. По долгу моему, сколько силъ моихъ и знанія доставало, трудил-

(*) Поводъ къ написанію указанъ въ слѣд. письмѣ Платова къ Багратіону.

«Милостивый государь
Князь Петръ Ивановичъ!

«При почтеннѣйшемъ письмѣ вашемъ имѣлъ я счастіе видѣть и изъ копіи письма къ вамъ Высочайшаго отъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и ко мнѣ Ея благоволеніе, на которое всеподданнѣйше я отвѣчаю, и по дружбѣ вашей ко мнѣ, оное подданническое приношеніе мое для доставленія Ея Величеству къ вашему сіятельству доставляю, покорнѣйше прошу, какъ вы имѣете больше способу, къ Ея Величеству доставить.» Мая 10 дня 1807 г. ел. Мольшевенъ.

ся, Всемилостивѣйшая Государыня, не въ похвалу себѣ, а по истинѣ подданической донесу: въ прошедшіе мѣсяцы до сего времена *шпиговалъ* ихъ по Вашему благословенію изрядно. Бралъ много въ плѣнъ ихъ дерзкихъ штабъ и оберъ-офицеровъ, а сколько, я и счетъ потерялъ; знаетъ про то Главнокомандующій арміею, коему я ихъ доставлялъ.

«Гордость, а больше дерзость французовъ выбита изъ головы ихъ; доведены они до изнуренія. Кавалерія ихъ дерзкая Донскими казаками вся истреблена, а пѣхоты потеряли они много и много.

«Сидятъ они теперь кромѣ Данцига (*) противъ насъ какъ мыши въ норахъ, такъ и они, за рѣками Алле и Омулефъ (**) оборотительны въ окопахъ, гдѣ я съ ними 30 Апрѣля при Рудахъ и Малга (***), а перваго Мая подъ Алленштейномъ (****) дѣлалъ дѣла слава Богу удачно.

«Итакъ зимняя компанія, хвала Богу, кончилась удачно. Государь Императоръ къ намъ въ армію прибылъ (*****). Благослови Господи! начинаемую военную и лѣтнюю компанію кончить съ вящшимъ успѣхомъ.

«Осмѣливаюсь всеподданнѣйше принесть всенижайшую мою благодарность Ея Императорскаго Высочества Великой Княжнѣ

(*) Данцигъ осажденъ былъ Французскими войсками. Въ гарнизонѣ находилось 17,000 Прусаковъ, три Русскіе гарнизонные баталіона, приведенные въ Данцигъ княземъ Щербатовымъ, и три казачьи полка. Данцигъ палъ. Описаніе войны 1806—7 г. Михайловскаго Данилевскаго стр. 280 и д.

(**) Сраженіе при рѣкѣ Омулефъ происходило 19 Марта. У непріятеля убито 300 человѣкъ; въ плѣнъ взятъ Командиръ Домбровскаго полка графъ Стоковскій. Ужасъ плѣнныхъ столь былъ великъ, что Полковникъ Стоковскій при представленіи къ Генералу Иловайскому 5 бросился въ ноги, испрашивая себѣ помилованія. Чуйкевичъ стр. 42 Реляція о дѣлахъ съ 10 по 15 ч. Марта въ Архивѣ.

(***) Битва при Малгѣ была 30 Апрѣля.

(****) Реляція объ атакѣ Алленштейна 1 Мая. «Сіе сраженіе, доноситъ Платовъ, продолжалось съ шестаго часа утра до пяти часовъ по полудни, такъ, что у насъ не осталось ядерныхъ и гранатныхъ снарядовъ... однакожъ презирая гордость его, пробылъ я до ночи.» У Чуйкевича эта атака описана на стр. 65 и д,

(*****) Мих.-Данил. стр. 249 и д. Императоръ отправился изъ С. П. Бурга 16 Марта.

Екатеринѣ Павловнѣ за милостивое Ея обо мнѣ памятованіе, которое я имѣлъ счастіе удостоиться слышать чрезъ князя Багратіона.

«Всемилостивѣйшая Государыня! корпію по приказанію Вашему Императорскому я получилъ отъ Лейбъ-Хирурга Вилліе... удостоился оною пользоваться и теперь пользуются Войска Донскаго штабъ и оберъ-офицеры... и казаки: всѣмъ имъ извѣстно, что сею милостію отъ рукъ Вашихъ, Всемилостивѣйшая Государыня, много и много въ ранахъ своихъ имѣютъ облегченіе.

Письма

Платова къ Королю Прусскому Фридриху Вильгельму

I.

Ваше Величество!

«Благоволеніе Вашего Величества, состоящее въ орденѣ чернаго орла, коимъ удостоили меня, я имѣлъ счастіе получить. Не въ силахъ изобразить я моего удовольствія за толикое ко мнѣ Ваше благоволеніе. Примите, Ваше Величество, мою душевную, истиннѣйшую и нижайшую благодарность и позвольте безъ лести сознаться, что Вы изволите Войско Донское награждать примѣрною Вашею милостію. При Данцигѣ находящимся полковымъ начальникамъ тремъ Попову, Малахову и Барабанщикову пожаловали пурламериты (*), и десяти храбрымъ казакамъ Вашего Величества отличные знаки, сверхъ того тремъ же полковымъ начальникамъ, при мнѣ находящимся, Грекову, Пловайскому и Ефремову пурламериты. Таковая милость Вашего Величества въ Войскѣ Донскомъ пребудетъ достопамятною и подтвердитъ на дальніе года блаженной памяти дѣда Вашего Величества Великаго

(*) Орденъ заслуги или достоинства

Фридриха, который пожаловалъ свои отличные съ его портретомъ знаки двумъ нашего Войска полковникамъ Денисову и Колпакову, въ 1762 г. бывшимъ съ нимъ противъ Цесарцевъ; хотя они уже померли, но Донъ по сіе время помнитъ. Я съ Войскомъ Донскимъ, по нахожденію моему въ здѣшнихъ мѣстахъ, по подданической нашей должности и присяги Государю Императору нашему съ тѣмъ не щадить своего живота, осмѣливаюсь увѣрить Ваше Величество, что я съ Войскомъ походнымъ при мнѣ, за изливаемое въ короткое время Ваше на Войско Донское милостивое благоволеніе, будемъ благодарнѣйшими. Долгомъ поставляю донести, яко о подданныхъ Вашему Величеству, находящихся при мнѣ уже четвертый мѣсяцъ, Капитанѣ Тепельскирхѣ и Поручикѣ Поливошиншовѣ; они всегда противъ непріятеля со мною, и сверхъ того употребляются отъ меня для сысканія продовольствія отряда моего провіанта и фуража, которые много тѣмъ продовольствіемъ помогаютъ и обое добраго поведенія.

Вашего Величества
всенижайшій Матвѣй Платовъ.

Сел. Мольшевенъ.
Мая 12 дня 1807 года.»

II.

Ваше Королевское Величество!

«Имѣвъ свѣдѣніе, что Ваше Величество изволили прибыть въ Санктпетербургъ, я стремился туда, чтобы имѣть счастіе принесть лично нижайшую благодарность мою Вашему Величеству за всѣ оказанныя мнѣ милости; но по пути моемъ Минской губерніи въ городѣ Мозырѣ сего числа узналъ, что Ваше Величество, выѣхавъ уже изъ Петербурга, изволите возвращаться въ Пруссію и потому поспѣшаю отправить сего нарочнаго съ принесеніемъ Вашему Величеству достодолжнаго почитанія моего и вмѣстѣ съ тѣмъ подношу двѣ Турецкія сабли, какія имѣлъ я у себя.

«Ваше Королевское Величество, благодѣтельствуя мнѣ, удостостоили и многихъ подчиненныхъ моихъ орденомъ Вашимъ военнаго достоинства, которые нося оный прославляютъ Высочайшее имя Ваше. Пріемлю смѣлость просить о награжденіи орденомъ Войска Донскаго Есаула Кашина, который въ прошедшую съ Французами компанію служилъ съ отличною храбростію и награжденъ отъ Всемилостивѣйшаго Государя нашего орденомъ 3 Анны. Удостойте капитана Вашего Величества милостію, которая тѣмъ болѣе для меня будетъ обязательна, что офицеръ сей весьма хорошихъ достоинствъ и нынѣ находится при мнѣ дежурнымъ. Мнѣ очень совѣстно, что я часто безпокою Ваше Величество моими просьбами по Вашему милостивому ко мнѣ расположенію; но за сею милостію не осмѣлюсь уже болѣе утруждать, развѣ судьба позволитъ еще принесть мои заслуги новыя. Служащій теперь по прикомандированію отъ Генералъ Фельдмаршала Князя Прозоровскаго въ командѣ моей 7-го егерскаго полка полковой командиръ Подполковникъ Лаптевъ увѣрилъ меня, что Ваше Величество изволили обнадежить его въ бытность при Лаунау награжденіемъ ордена заслугъ. И потому единственно осмѣливаюсь поднести при семъ письмо его, свидѣтельствуя съ моей стороны, что онъ хорошій штабъ-офицеръ и служилъ отлично, каковую просьбу его предаю въ благосоизволеніе Вашего Величества.

«Съ глубочайшею преданностію къ особѣ Вашего Величества за особливое счастіе поставляю быть всегда

Вашего Королевскаго Величества
Матвѣй Платовъ.

Генв. 28 дня 1809 г.
Минской губ. Городъ Мозырь.»

Письмо

Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма къ Платову (*).

«Высокоблагородный и прелюбезный господинъ Генералъ-Лейтенантъ и Гетманъ! Я обязанностію считаю благодарить васъ за присланныя съ вашимъ любезнымъ письмомъ, отъ 28 Генваря, двѣ прекрасныя Турецкія сабли и непремѣнно сохраню ихъ, какъ драгоцѣнное для меня воспоминаніе. Очень сожалѣю, что я лишенъ былъ удовольствія видѣться съ вами во время моего прибытія въ Петербургѣ и я всегда буду вамъ благодаренъ за намѣреніе ваше обрадовать меня; чѣмъ болѣе вы, Графъ, вашею привязанностію ко мнѣ пріобрѣли права на мое уваженіе, тѣмъ охотнѣе пользуюсь всякимъ случаемъ доказать мою признательность, и съ этимъ намѣреніемъ я посылаю не только Фельдъ-Егерю Штабушу орденъ заслугъ, но отправляю къ вамъ сей же знакъ отличія для Сотника Балабина, Подполковника Лаптева и Есаула Кашина. Въ обоихъ удостовѣрительныхъ письмахъ объ орденѣ заслугъ съ увѣреніемъ въ моемъ истинномъ уваженіи остаюсь

Вамъ преданный
Фридрихъ Вильгельмъ.

Кенигсбергъ 20 Фев. 1809 г.
Русскому Генералъ Лейтенанту
Гетману Платову.

Письмо

Королевы Прусской Луизы къ Платову (**).

«Господинъ Гетманъ (***) Платовъ! Вы снова доказали ваше вниманіе ко мнѣ письмомъ вашимъ, отъ 28 Генваря, и посылкою,

---

(*) Письмо писано на Нѣмецкомъ языкѣ; мы предлагаемъ въ нашемъ переводѣ на Русскій. Подпись подлинная Его Величества. Дѣла архива № 55 «Военно Пох. Канц. Платова».

(**) Подлинное письмо писано на Франц. языкѣ.

(***) И въ предыдущемъ и въ этомъ письмѣ мы удерживаемъ слово подлинника «Гетманъ».

при немъ находившеюся. Красота и разборчивый вкусъ руководили вами при выборѣ прелестныхъ *шалей* (*): онѣ мнѣ очень нравятся и я вамъ приношу мою благодарность. Присоединю ихъ къ тѣмъ прекраснымъ вещамъ, которыя я привезла изъ Петербурга, гдѣ мы видѣли столько нѣжной дружбы отъ Августѣйшей Императорской фамиліи. Позвольте вамъ сказать, что вся ваша нація вполнѣ доказала намъ свою преданность и привязанность, и мы признательны—будьте въ томъ увѣрены. Это такого роду воспоминанія, которыя никогда не изглаживаются и вы, господинъ Гетманъ, останетесь участникомъ въ нихъ навсегда. Примите въ томъ увѣреніе, а равно и отличное уваженіе, съ какимъ остаюсь

вамъ благосклонная
Луиза.

Кенигсбергъ.
20 Фев. 1809 г.

Письмо

Платова къ Королю Прусскому Фридриху Вильгельму

Ваше Королевское Величество!

«Почитая себя въ непремѣнной обязанности принесть Вашему Королевскому Величеству всенижайшее благодареніе мое за удостоеніе милостивымъ благоснисхожденіемъ представленія моего Вашему Величеству о награжденіи Высочайше мнѣ ввѣреннаго Войска Донскаго чиновниковъ: Подполковника Лаптева, Есаула Кашина орденомъ Вашимъ пурламерите, Сотника Балабина 6-го золотою медалью и таковою жъ медалью находящагося при мнѣ Фельдъ

(*) Мы перевели «прелестныхъ шалей», а во Франц. поставлено слово «schacols», которое означаетъ и киверъ и шаль. Не согласнѣе ли съ дѣломъ будетъ перевести это слово Донскимъ, народнымъ «*чикилики*»? *Чикилики*, женское украшеніе, связанное сѣткою изъ жемчуга, которое обвивая чело, спускалось подъ ушами. Русская Старина Корниловича 1825. стр. 35.

Егеря Штабуша, я старался исполнить то давно, но дорога изъ С. Петербурга въ армію нашу въ Молдавіи находящуюся, а потомъ случившееся мнѣ нездоровье, были препятствіемъ къ исполненію сего душевнаго чувствованія моего, которое нынѣ исполняя всенижайше Ваше Королевское Величество прошу о продолженіи благоснисхожденія Вашего ко мнѣ, и приношу достодолжнѣйшее высокопочитаніе мое.

«Благодѣтельства Вашего Королевскаго Величества останутся на всю жизнь мою запечатлѣнными въ душѣ моей, и я съ глубочайшею преданностію къ особѣ Вашего Величества за особливое счастіе поставляю быть всегда Вашего Королевскаго Величества

всенижайшій слуга
Матвѣй Платовъ.

Въ Галацахъ
Іюня 8 дня 1809 г

Королевѣ.

Ваше Королевское Величество!

«Удостоенъ будучи благоснисходительнымъ Вашего Королевскаго Величества писаніемъ почиталъ я себя всегда особеннымъ и непремѣннымъ долгомъ принесть Вашему Величеству всенижайшую благодарность, которою бывъ всегда преисполненъ, за счастіе поставляю хранить къ особѣ Вашего Величества всесовершеннѣйшее почитаніе мое,—и прося всепокорнѣйше о милостивомъ Вашемъ извиненіи меня въ медленности благодаренія моего, которое произошло отъ того, что я былъ въ дорогѣ изъ С. Петербурга въ Молдавскую нашу армію, а по прибытіи сюда сдѣлался нездоровъ.

«Съ глубочайшею приверженностію моею къ Вашему Королевскому Величеству за счастіе себѣ поставляю пребывать

Вашего Королевскаго Величества

всенижайшій слуга
Матвѣй Платовъ.

8 Іюня 1809 г.
Галацы.»

Мы привели эти, болѣе или менѣе важныя письма, для яснѣйшаго представленія событій 1807 г., въ которыхъ участвовали казаки съ своимъ доблестнымъ Атаманомъ Платовымъ.

Дабы разсказъ нашъ имѣлъ нѣкоторую законченность, мы нѣсколько подробнѣе, чѣмъ у Чуйкевича, опишемъ торжество Донцовъ, во время поученія знамени отъ Государя за войну 1807 г.

Война наша въ Пруссіи противъ Французовъ прекратилась, какъ всѣмъ извѣстно, Тильзитскимъ миромъ. Три Государя—Александръ, Наполеонъ и Фридрихъ Вильгельмъ имѣли свиданіе и заключили миръ (*).

«Донскому Войску, пишетъ Михайловскій—Данилевскій, въ теченіи войны 1806 и 1807 годовъ полонившему 139 штабъ и оберъ-офицеровъ и 4,196 нижнихъ чиновъ, Императоръ Александръ пожаловалъ почетное знамя. Вообще съ сей войны началась громкая Европейская слава Донскаго Войска и его знаменитаго Атамана Платова (**).»

Торжественно праздновали Донцы 30-го Августа 1811 г. полученіе Всемилостивѣйшей грамоты. Они встрѣтили милость Высочайшую съ радостными слезами (***); не только весь градъ, но и приближенныя станицы «отъ мала даже до согбенна старца» участвовали въ общемъ кругу и благодарили Царя за высокія Его щедроты. Далеко за полночь продолжалось всеобщее искреннее ли-

---

(*) Условія мира у Мих—Данил. Описаніе войны 1805-7 годовъ. стр. 382-393.
(**) Тамъ же стр. 401.
(***) Дѣло о пожалованной Войску грамотѣ въ 6-й день Авг. 1811 г. Архивъ, дѣла 1812 № 704.

кованіе «и хотя, говоритъ описатель торжества, день катился къ западу, но радостные клики, торжественные хоры ночь премѣняли въ день и при покоѣ всея природы раздавались по стогнамъ града искренніе концерты: да здравствуѣтъ Царь! да побѣждаетъ враговъ! да славитъ престолъ! и сіи торжественныя привѣтствія утренняя заря встрѣтивъ приняла въ лоно свое».

Нашлись и поэты, которые воспѣли всеобщую радость Дона. Предлагаемъ читателямъ «Гласъ всеобщей радости Войска Донскаго 30 Августа 1811 г.»

«Восторгъ всѣ души днесь объемлетъ!
Се возрастъ, полъ и чинъ всякъ внемлетъ
Великаго Монарха гласъ!..
Возжегъ сердца и чувства въ насъ
Своимъ благословеннымъ словомъ,
Что мы въ усердіи готовомъ
Сподобились Ему служить,
И тѣмъ навѣки утвердить
Всѣхъ предковъ и потомковъ славу,
Земель, правительства державу
И нашъ Донской служебный родъ.
Прими въ сей знатный день и годъ
Сердца на жертвенникъ курящій
И духъ, куда велишь, летящій,
Великій изъ Царей земныхъ,
Отъ благодарныхъ чадъ Твоихъ».

Имя поэта неизвѣстно.

Протоіерей Оридовскій произносилъ рѣчь, поэтически изображающую доблести Войска Донскаго, подвиги Атамана Платова и милость Государя.

«Наши герои, говорилъ ораторъ, противустояли непріятелю, удивившему успѣхами своими всю Европу; побѣждали непобѣдимаго; отнимали лавры у сплетзющаго лавры... Нашихъ Донскихъ героевъ ни темнота нощная, ни суровость времени, ни жестокость погоды, ни недостатокъ въ жизненности, ни непроходимыя дебри, ни быстрина рѣкъ, ни вязкія болота, ни очаровательная приманка блистательнаго металла, ни многочисленность непріятеля, ни адскія жерла его, ни тьмочисленныя ядра и пули вокругъ

ихъ летавшія, не могли ни остановить, ни устрашить, ни удержать побѣдоносныя ихъ руки».

Наказный Атаманъ Киреевъ доставилъ отъ лица Войска всеподданнѣйшее письмо Платова въ Петербургъ на имя Его Величества. Государь «изволилъ двоекратно, пишетъ Платовъ Кирѣеву, Высочайше объявить, что Его Величество Войскомъ Донскимъ доволенъ, и пребуетъ къ нему Монаршимъ благоволеніемъ всегда».

Въ грамотѣ Императора Александра Войску Донскому сказано: «врожденная бдительность Донскихъ воиновъ ограждала спокойствіе нашей арміи, а Главнокомандующему служила вмѣсто недремлющаго ока (*)».

Изъ писемъ Платова и изъ реляціи его, изъ грамоты Государя и наконецъ изъ книги Чуйкевича ясно видимъ, что много трудовъ перенесли полки Донскіе во время войны съ Французами въ Пруссіи 1807 года.

Эти труды не описаны должнымъ образомъ нигдѣ; самое повѣтствованіе о Прусскомъ походѣ у извѣстныхъ историковъ довольно неясное и необстоятельное. Броневскій, разсказывая о Прусскомъ походѣ, выписалъ цѣликомъ, и притомъ сокращено, отдѣльныя страницы изъ книги Чуйкевича (**), гдѣ поименовалъ только главныя дѣйствія казаковъ. Михайловскій—Данилевскій въ описаніи войны 1805—7 годовъ мимоходомъ говоритъ о казакахъ и Платовѣ.

Дай Богъ, чтобы Донцы, воодушевясь прекрасными доблестями предковъ своихъ, написали намъ хотя современемъ истинную, достойную ихъ мужества и дѣяній, исторію.

Теперь же, повторимъ слова одного изъ Донскихъ писателей (***), «всѣ наши свѣдѣнія о дѣяніяхъ Донцовъ сбивчивы и неопредѣленны».

1858 г. Іюня 29.

(*) Исторія Войска Донскаго Броневскаго. Т 2 стр. 178.
(**) Тамъ же стр. 168—179.
(***) Г. Леонова. Донск Вѣд. 1858 г. № 16 стр. 69.

ВОЙСКОВОЙ АТАМАНЪ СТЕПАНЪ ЕФРЕМОВЪ.

Въ ряду Донскихъ Войсковыхъ Атамановъ, Степанъ Ефремовъ представляетъ весьма замѣчательное лице, по роскошной своей жизни, по огромному вліянію на окружающую его среду и по своей трагической судьбѣ (*).

Степанъ Ефремовъ назначенъ Атаманомъ Войска Донскаго въ 1753 году Императрицею Елизаветою Петровною, еще при жизни отца своего, Данилы Ефремова, тоже Войсковаго Атамана, котораго Государыня пожаловала Тайнымъ Совѣтникомъ и повелѣла сыну Степану ничего не начинать безъ вѣдома старика Атамана.

Послѣ Данилы Ефремова осталось громадное имѣніе: денегъ серебреною монетою до 500,000 руб., сундучекъ съ червонцами до 70,000 руб., жемчугу 5-ть фунтовъ, три сундука съ разною серебреною посудою, сундукъ плоскій съ серебреными на лошадей наборами, сундукъ кипарисный съ куньими шубами, сундукъ липовый съ лисьими шубами, сундукъ кипарисный съ собольими шубами, сундукъ съ чекменями, сундукъ дубовый съ парчевымъ платьемъ, сундукъ кипарисный съ лисьими мѣхами, сундукъ липовый съ сурками, сундукъ липовый съ курпечетыми шубами и курпеками, сундукъ дубовый съ сафьянами, сундукъ липовый съ разными шелковыми матеріями, сундукъ дубовый съ сибирьковы-

---

(*) Мы получили всѣ матеріалы для этого очерка отъ потомка Атамана Ефремова, служащаго теперь Ассессоромъ въ Войсковомъ Правленіи, *И.И. Ефремова* и приносимъ самую чувствительную благодарность просвѣщенному любителю старины.

ми мѣхами, сундукъ дубовый съ куницами и лисицами, богатая конская сбруя, лошадей до 10,000 поголовьевъ, мельницы и хутора.

Въ каменномъ маломъ погребѣ при домѣ Атамана Данилы Ефремова находилось: сундуковъ желѣзныхъ четыре съ серебреными деньгами въ мѣшкахъ 35,000 руб., сундуковъ орѣховыхъ восемь, въ которыхъ положена всякая серебреная посуда, сундуковъ дубовыхъ три съ сервизомъ же серебренымъ.

Домъ, въ которомъ жилъ Данила Ефремовъ, въ два этажа, на каменномъ фундаментѣ о 21-мъ покоѣ. На красномъ дворѣ былъ у него еще домъ о 10-ти покояхъ; при немъ конюшня, три погреба, три сада, гдѣ стояло 300 ульевъ; на дворѣ находилось шатровъ и палатокъ до 10, калмыцкихъ кибитокъ 5, скотный дворъ; заплавскій виноградный садъ, мельница по рѣкѣ Медвѣдицѣ, мельница по рѣкѣ Тузлову, два анбара съ хлѣбомъ.

Много было у Атамана людей разныхъ вѣръ и происхожденія: Иванъ Татаринъ, Алексѣй сказочный, Ѳедоръ Армянинъ, Василій Калмыкъ, Аноха изъ Малороссіянъ съ женами и дѣтьми. При домѣ служителей: Иванъ Плутишка, Петръ Бугаевъ, Степанъ Калмыкъ, Михаилъ Алексѣевъ, Семенъ Салтанъ, Аѳанасъ Татаринъ, Анна съ дочерью, изъ Калмыкъ Василій Сабельникъ, Прусакъ, баба Армянка, Марья съ двумя сыновьями и дочерью Анною.

Все названное нами богатство и имѣніе поступило въ полное владѣніе сына Данилы Ефремова, Степана. Этотъ Атаманъ послѣ отца нажилъ еще болѣе сокровищъ; добро, хранящееся въ его рукахъ, было изумительно. Мы не станемъ изчислять его, а выпишемъ цѣликомъ письмо самаго Атамана Степана Ефремова (изъ С. П. Бурга) на имя Старшины, Походнаго Атамана, Михаила Осиповича Паздѣева: письмо лучше всякихъ описаній покажетъ намъ богатство Атамана:

»Милостивый Государь Махаилъ Осиповичъ!

«Данная вамъ шкатулка, въ которой есть двѣ большія бутылки серебреныя, обвитыя въ войлокѣ и запечатанныя, изъ коихъ на одной есть литера, то тамъ положены девять тысячь разныхъ червонныхъ, да двѣсти пятьдесятъ имперіаловъ; въ другой, которая безъ литеры, тамъ десять тысячь червонныхъ. Изъ первой выньте тысячу Персидскихъ червонныхъ, да двѣ тысячи самыхъ лучшихъ Голландскихъ и положите въ мѣшки порознь Голландскіе

отъ Персидскихъ, а 250 имперіаловъ въ третій мѣшокъ. Изъ другой бутылки сдѣлайте пять мѣшковъ, и въ оные положите въ каждый мѣшокъ по двѣ тысячи, и такъ слѣлайте семь мѣшковъ. Въ той же шкатулкѣ есть по меньше бутыль, въ войлокѣ жъ обшитая и запечатанная; оную жъ тожъ выньте, и тамъ же отца моего портретъ финифтовый выньте и три перстня брилліантовыхъ и лазоревый яхонтовый выньте и сколько есть слитковъ золота выньте, женскій жемчужный поясъ съ крючьями алмазными крестъ алмазный, съ жерелочкомъ, цѣпочка едонаго жемчугу, тожъ выньте, три лучшія золотыя табакерки выньте.

«Подголовокъ бѣлый..., въ ономъ лежитъ два мѣшка имперіаловъ въ каждомъ по тысячѣ по сту имперіаловъ, то изъ одного выньте сто имперіаловъ и положите въ другой, а тысячу имперіаловъ отдайте сестрѣ Татьянѣ Семеновнѣ, а у ней возмите три тысячи Турецкихъ червонныхъ, а тысячу имперіаловъ присовокупите къ 15-ти тысячамъ червонныхъ, а двѣсти имперіаловъ пришлите ко мнѣ съ симъ письмоподателемъ.... Также отыщите кабалы или обязательства, изъ оныхъ выньте векселя..., да приказать, чтобы по онымъ выбирать деньги, да сыскать на 10 тысячь ассигнаціи, положить въ тужъ шкатулку для привоза ко мнѣ.

«А прочее все, что останется въ шкатулкѣ и приголовкѣ, оное все собравъ и положить въ орѣховую мою шкатулку, которая мѣдью окована и поставить въ малый погребъ (1773 г. Февр. 8 С.Б.П.)».

Изъ другаго письма видно, что у Атамана Степана Ефремова были собольи богатые мѣха съ жемчужными петлицами, сундуки съ ронзиками и саблями, самыя лучшія ружья, сѣдла золотыя и серебреныя со всѣмъ приборомъ, четыре цуга лошадей — разношерстный, буланый, два соловыхъ, кони сѣделые, множество прислуги, между которою считаются три арапа.

Въ верховыхъ станицахъ у него находились мельницы, хутора, сады, оранжереи, бакчи, разнаго хлѣба посѣвы, скотскіе и конные табуны.

Множество кабаковъ, зимниковъ и «чуланчиковъ» принадлежало Атаману, сборъ съ которыхъ равнялся 9,588 руб., «а съ глухими паями 9,791 р. (*)».

(*) За кабаки платили по 200, по 400 р., за Аксайскіе кабаки съ водочными погребами и проварнею 4,000 р.

Владѣя такимъ огромнымъ богатствомъ, Атаманъ Степанъ Ефремовъ долженъ былъ благословлять свою долю, тѣмъ болѣе, что его сильно и горячо любили Донцы. *Степанъ Даниловичъ и Меланья Карповна*, жена его, еще доселѣ живутъ въ преданіи народномъ и заставляютъ биться отъ радости сердце казака.... Много существуетъ разсказовъ о ихъ простой, любимой Донцами-стариками жизни, о ихъ хлѣбѣ-соли....

Да не одни Донцы, а и *сосѣди* восхваляли добраго и славнаго Атамана Степана Даниловича. Передъ нами лежатъ два огромныхъ съ разными символическими изображеніями *панагириса* (панегирика) Атаману, написанныхъ поэтами Харьковскаго коллегіума: хотя они слишкомъ витіеваты, но читатели отличатъ истину отъ лести. Мы приведемъ одинъ панегирикъ, составленный акростихомъ:

» Панагирисъ

Его высокоблагородію, Стефану Даниловичу, Войска Донскаго Войсковому Атаману, чрезъ три пінтическія музы: Клію, Талію, Полимнію есть

Сложенный,

которыя подъ видомъ различнаго званія и чина людей, торжествуя о превысочайшемъ счастіи во власти порученной Войсковаго Атаманства Войска Донскаго его высокоблагородія Стефана Даниловича разглагольствуютъ; поднесенъ же въ знакъ вѣрнаго, искренняго и благодарнаго сердца всенижайшимъ слугою Яковомъ Семоновичемъ, 1753 года, мѣсяца Августа, 30 дня.

высокоблагородный и высокопочтенный господинъ Войска Донскаго Войсковой Атаманъ ваше высокоблагородіе Стефанъ Даниловичь

Государь милостивый!

Какъ только счастіемъ съ высоты святыя всещедрая Вышняго рука ваше высокоблагородіе озарила, а послѣдовательно десница полуденнаго свѣта преисполненна радости въ сердцѣ вашего высокоблагородія возсіяла; тотъ часъ и я въ числѣ нельстиво прикровенныхъ желателей по всевѣрнѣйшему рабскому усердію моему не могль удержаться отъ того, дабы къ счастію вашего высокоблагородія всевожделѣнному и обрадовательной радости хочаї мало не сообразоватись. Памятенъ будучи—Плутарха, мужа высокоумнаго, рѣчи, который сказуетъ: какъ де любителевѣ вся нравлятся въ возлюбленномъ отъ него, такъ и въ томъ, въ которомъ добродѣтель усердно любимъ, всѣ дѣйствія и порядки изслѣдовати до тонка усердіе имѣемъ.

И воистинну любящи дочь рожденну горѣ отца небеснаго по дару духа всажденну глаголю: «чьей природѣ добродѣтель нельзя не любить и усердныхъ ея любленія достойныхъ дарованій и тѣмъ не сообразоватись испытно изслѣдуя:

Но чья-жъ паче, аще не вашего высокоблагородія природная добродѣтель натурѣ вашей вліянная не человѣческими умами, но Вышняго неизмѣримыми судьбами выпробованна насъ всѣ большъ, какъ магнетическою любве силою всегда плѣняя къ себѣ влечетъ, которая ваше высокоблагородіе избраннаго рода, колѣна и племени, Господомъ благословеннаго въ нашихъ временахъ и лѣтахъ вѣчной памяти достойныхъ, по наслѣдной природѣ на превысочайшій сей войсковаго атаманства преславнаго Войска Донскаго славою цѣлому свѣту вѣстимаго степень, счастливо вступить судила.

А послѣдовательно къ нашей необманной примѣтѣ, мирные и премирные счастливые дни и часы съ довольствомъ порученной власти вашему высокоблагородію посылая, души наши и сердца рабскія обрадуетъ отъ радости и обрадовательно отъ мира и покоя по всему безъ отмѣны сотворяетъ.

Я тымъ по всевѣрнѣйшему рабскому моему усердію вашего высокоблагородія благовременнымъ счастіемъ отъ Отца свѣтовъ всякъ даръ совершеннъ дающаго вѣрно счастливо славиться и цвѣсти свыше посланномъ рангѣ; какъ бы моимъ собственнымъ тѣшася добромъ внутрь радостенъ непритворно восторжествовалъ. А понеже внутренняя наша, яко не совершенно извѣстная суть никому, кромѣ Вышняго Творца, мысли человѣческія и сердце гонзающаго, внѣшнимъ образомъ выобразоватись требуются. Того для чего на архивѣ вѣрнаго усерднаго и не льстиво прикосновеннаго моего сердца написано лежитъ; то самое къ счастію вашего высокоблагородія по моему усердію и на картѣ воображаю, гдѣ подъ видомъ музъ народы о счастіи вашемъ торжествуютъ. Ваше только высокоблагородіе, яко усердный добродѣтели любитель, малымъ и подлымъ да не возгнушаешися приношеніемъ. Подлое оное быти исповѣдую, не однако жъ цѣну пріиметъ, ежели въ вашего высокоблагородія десницу за благо пріято будетъ. Ваше убо высокоблагородіе не на скудость вещи, но на усердіе искренняго духа не лестное, которымъ и малѣйшія вещи весьма за высочайшее оцѣняются, смотрѣть благоизвольте и подлый (*) сей даръ въ высокоблагородія десницу пріятіемъ оцѣнить всепокорнѣйше прошу и всесмиренно молю.

Вашего высокоблагородія
всенижайшій и всепокорнѣйшій слуга

Яковъ Симоновичъ.

Добродѣтель красота душъ, дочь рожденная горѣ,
Царствуетъ у Вышняго во вѣкъ на престолѣ.
Любящи ее не во тмѣ, но въ храмѣ палатѣ,
Горятъ въ чести, что свѣща на свѣщницѣ златѣ.
Вѣрный любитель ея, Стефанъ быти мнится,
Не могъ горѣть подъ спудомъ, чтобъ въ честь не вскориться:
Атаманство взялъ воевъ Донскихъ, что лавръ златый,

(*) Слово *подлый* въ XVIII в. имѣло совсѣмъ другой смыслъ, нежели теперь. Оно означало: простой, безъискусственный. Тредьяковскій называлъ народныя пѣсни *подлыми*.

Летитъ на свѣтъ славою, что орелъ пернатый:
Пусть же летитъ счастливо до вѣка отъ нынѣ—
Вы, Кліо, Полимнія, Талія, другинѣ,
Несите имя Стефана въ четыре части свѣта:
Пусть живетъ Даниловичь на многи лѣта.

МУЗА КЛІО.

Смотря на свѣтъ изшедшую великую славу и радость сдѣланную отъ превысочайшаго счастія страны Донской, не могущи довольно сама воспѣть, Апполина бога на торжество оное возбуждаетъ:

Подръ Апполине, престань ужь дремати,
Обрати очи, и что се бываетъ?
Жизни нашей дни, коль текутъ богати,
Еще свѣтъ новый златозарнъ свѣтаетъ,
Благородна кровь своею добротою
Гавромъ здѣ цвѣтетъ, какъ шипокъ прекрасный
Алябастръ не такъ будетъ красотою
Горизонтовъ сихъ, коль облакъ есть ясный,
Обрадующь нашъ духъ и сердце довольно.
Истощились вси скорби и печали,
Вооблакъ правда, миръ здѣ кропится полно:
Изыграй же нынѣ курантъ свой не малый
Органомъ своимъ, поя пѣсни чинны:
Хѣть бо есть тебѣ вождю мусикіи
Избранному днесь воспѣть гласъ умильный
Всему свѣту вслухъ и цѣлой Россіи:
И стекутся пусть музы учены
Искреннихъ другинь, что суть въ Гелекону,
Склонятся горы, холмы, рощи зелены
Еще бы и я Россійску сіону
Готова воспѣть и привесть всѣхъ въ диво:
О коль часъ сей есть и время счастливо!

МУЗА ТАЛІЯ.

Недоумѣючи о славѣ, цѣлому свѣту вѣстимой, думаетъ, что будто бы бози нѣкіе въ сторонахъ сихъ вновь родились и, да лучше уразумѣетъ, Полимніи, первѣйшей музы, спрашиваетъ:

Мудрости перва, ты щедротъ всѣхъ мати!
Умудри, что есть за гласъ неслыханный,
Жизни нашей кто вѣнецъ будетъ златый?
Атаманской кто славой здѣ вѣнчанный?
Ибо не только на поля Парнаса
Зашла слава, но и въ четыре предѣлы
Благообразна свѣта сего-жъ часа
Распростре своя счастливы вѣтрилы,
Апаче въ градахъ, въ селахъ и на пути
На стогнѣхъ течетъ, что столько мнѣ и силы
Недостаетъ, чтобъ скоро постигнути,
Азъ буде бъ взяла и орліе крылѣ.
Горняго развѣ се за предѣлъ чертога
Озарилося счастіе драгое?
Есть знать безсмертна рожденіе Бога
Горизонтахъ зрю, въ Донскихъ все новое:
Облакъ свѣтелъ и Фебъ златозарный
Блещетъ въ одеждѣ своей златотканной.

МУЗА ПОЛИМНІЯ.

Сомнѣніе Таліино отражая, увѣряетъ и совершенно въ истинѣ утверждаетъ, показуетъ быть виновника славы и радости, его высокоблагородія Стефана Даниловича, атаманствомъ почтеннаго:

Вперились куда мысли твои чудно?
Ль не знаешь, что здѣсь милость прещедра
Съ высоты святой льется неоскудно
Облака, паки свѣтла будетъ ведрэ,
Кавалеръ герой Даніилъ блаженный
Отъ сего на инъ, какъ на кругъ небесный
Блеснулъ на степень Вышнимъ ускоренный,
Любомудръ въ тотъ же день Стефанъ вступилъ честный,

Аліо что есть и сей мужъ великій
Гласъ даде таковъ въ земны всѣ предѣлы
Отъ чертога что будто бы бози нѣки
Рожденія день своего имѣли:
Она то здѣсь въ немъ блажитъ добры нравы—
Достоинъ бо есть Стефанъ паки свѣта
Іво вѣкъ блажимъ быть въ безсмертной славѣ:
Ему златые дни пусть будутъ и лѣта.

МУЗА ТАЛІЯ.

Отъ Полимніи увѣрившись въ доказательствѣ истины и совершенство о томъ получивши, радостно торжествуетъ, возбуждающе весь Парнаскихъ музъ хоръ:

Готовъ убо жь намъ, сей доводъ примѣта,
О чести свыше здѣсь низриновеннѣй,
Стефана не то въ четыре части свѣта
Пронесть, но и во всѣ страны сокровенны,
Обойдемъ же мы всѣхъ трехъ другинь хоры,
Да внушитъ весь свѣтъ, что кровь Даніила
Изъ чрезлъ наслѣдна въ Донскіе соборы
На степень отческъ счастливо вступила,
Агарянскихъ пусть отъ странъ супостаты
Страхъ да поразитъ, что близко гнѣздится,
Темную власть гонящь орелъ златый,
Ему вышній далъ въ странахъ сихъ вселиться,
Фортуной цвѣсти, такъ какъ кринъ удольный:
Алмазъ больщъ его, доброта сіяетъ
На кругѣ своемъ, какъ Фебъ свѣта полный,
Адаманта пусть крѣпость сокрушаетъ:
Сего здѣ духъ мой и сердце желаетъ.

МУЗА КЛІО.

Похваляетъ изрядный Таліи совѣтъ уставленъ превознесть достоинство свѣту свидѣтельствованно его высокоблагородія Стефана Даниловича:

Добръ, другине, твой есть и совѣтъ полезный
Аж до облакъ пѣть безсмерную славу,

Новый что есть здѣсь Сіонъ украшенный
Изъ облакъ свѣтлыхъ взялъ сію державу,
Лавръ вѣковъ нашихъ и вѣнецъ всезлатый,
Очей доброта полуденна свѣта,
Вѣнчался счастіемъ отъ руки богатой
И съ днемъ годины времена и лѣта
Числятся всѣ пусть во вѣки счастливы,
Атаманъ войсковой, онъ, отечества любитель,
На сихъ поляхъ сталъ благопокоривый
Муж до кончины храбръ и добръ хранитель,
Стефанъ Даниловичь, за заслуги силы
Твердо явленны съ Марсомъ сразясь въ бой,
Ей достоинъ сей герой неунылый
Принять по отцу власть надъ Донски вои:
Елисаветъ бо сильна мать державы
На честь вознесе, чтобъ какъ бѣлъ сѣдинами
Симеонъ ветхій, о Христовой славѣ
Еммануила родъ пріявъ руками,
Явно милость зрѣвъ и благословивый
Даніилъ,
Кто обновился какъ орелъ въ юность,
Еще и въ сыны тоже утвердивый,
Старости въ своей славился за вѣрность
Умочисленные въ вѣки, какъ бы нынѣ,
Изъ сѣменемъ жилъ здѣ безъ перемѣны

МУЗА ПОЛИМНІЯ

Пророчествуетъ: что имѣетъ быть особенное Божіе селеніе въ странахъ Донскихъ съ довольствомъ всякимъ и изобиліемъ пребывающее, сохраняя его высокоблагородіе невредима отъ непріязненій и навѣтовъ зловредныхъ:

Твердаго духа, крѣпчай адаманта
Кто *невоменитъ*, честнѣе бысть злата,
Который славу безсмертну родитъ
Все превосходитъ.
Окружатъ его пусть ненастья бѣды,
Чтобъ и имени не остались слѣды,

Однако не прейдетъ іота едина
Вышнему вѣстима.
Его доброта цвѣтетъ какъ кринъ сельный,
Не вянетъ среди будто какъ среди терній,
Во правду злато что въ огнѣ частѣе
Бываетъ чистѣе.
Стефана здѣ духъ что злато въ горнилѣ
Чистое мѣру право на мѣрилѣ
Но адаманта крѣпость твердость въ мѣрѣ
Преходитъ безъ мѣры.
Темной власти часть свѣтъ сей злоковарный
Когда терзаетъ въ немъ духъ златотканный
Стоитъ онъ что столпъ непоколебимый,
Вышнимъ хранимый,
Вредить не могутъ отъ странъ супостаты,
Гдѣ мышца будетъ сильна сохраняти,
Предъ нимъ падутъ вси окрестъ враги сами,
Хоть будутъ тьмами.
Онъ туда умъ весь держитъ неизмѣнный,
Откуда пріиметъ помощь въ часъ послѣдній,
Его надежда во вѣкъ *неомильна*
Лежитъ у Всесильна.
Изъ пазноктей левъ, орелъ съ очей зрится,
Можетъ ли отцу сынъ уподобиться,
Зри силу крѣпость, совѣтъ ли есть здравый,
Благи ли нравы,
Сердце ли право и неприкровенно,
Держи что племя будетъ доблественно,
Съ пользой отечеству онъ послужитъ вѣрно,
Нелицемѣрно.
Кротокъ ли, благъ есть въ мудрости богатый,
Знай, что потекутъ лѣта тебѣ златы,
Сердца хлѣбъ твой вино будетъ
И преизбудетъ
Аж до сытости, *думу утученный*,
Будешь сладости тока исполненый,
По желанію сердца пріимешь чудно,
Всенеоскудно.

МУЗА ΚΔΙΟ

Проповѣдуетъ, что имѣетъ великое счастіе и благополучіе послѣдовать сторонѣ Донской въ дняхъ счастливаго правительства порученной власти его высокоблагородію, господину Стефану Даниловичу:

Но избытка бо по судьбамъ безмѣрнымъ
Власти счастіемъ, свыше правовѣрнымъ,
Вышняго рука вездѣ посылаетъ
Того жь и здѣ чаетъ.

Окомъ не дремлющь онъ смотряетъ выну,
Кто жь постигнетъ здѣсь десницы измѣну,
Когда можетъ дать что руно всезлато,
Счастіе богато.

На поляхъ Донскихъ, какъ въ обѣтованной
Земли, и сдѣлалъ мало что пространной
Отъ сей: да медомъ и млекомъ кипѣла,
Ничѣмъ нескудѣла

Сторона Донская, счастіемъ безмѣрна,
Имѣющая строителя вѣрна,
Въ послѣдни вѣки какъ оскудѣетъ,
Гдѣ Стефанъ владѣетъ?

Корабль небѣдно страждетъ треволненный,
Когда правитъ имъ навклисъ умудренный;
Хоть буря съ вѣтромъ сильна вдругъ стечется,
Однако онъ спасется.

Атаманства взялъ корабль навклисъ вѣрный,
Бодръ, строительный, нелицемѣрный,
Стефанъ Ефремовъ, добре управляти
И сохраняти.

Горны на нижни страны замѣнятся,
Круги небесны землѣ уравнятся,
Нощь въ день, тьма на свѣтъ перейдетъ свободно,
Все будетъ удобно:

Отпадетъ горесть отъ сердца ужъ томна,
Ототрется очей слеза кровоточна,
И какъ тѣнь земна пропадутъ печали,
Хочь будутъ не малы.

МУЗА ТАЛІЯ

Истинное сказуетъ быть пророчествіе Кліи музѣ, а въ подтвержденіи истины проводить мудреца Платона, который сказалъ: что тогда свѣтъ благополучный будетъ, когда мудрецы державою сильно владѣть будутъ, или власти мудрствовати будутъ, сама же вѣщаетъ, что Парнасъ сюда переселится:

Въ правду твое будетъ исполнено
Пророчествіе, другине, реченно,
Твои исперва очи прозорливы,
Добре просмотрѣли.
Орелъ сей мысленъ во весь свѣтъ Россіи,
Котораго грѣютъ Донски страны сіи,
Углубилъ очи вездѣ скоропостижно,
Смотря несмѣжно.
Изъ чреслъ отческихъ тѣ всѣ примѣты,
Какъ бы съ отцемъ равны слѣды терты
Къ отечеству явити вѣрность,
Искреннюю ревность,
Степень сей чести по его природѣ
Вѣчно ускорился въ вѣчномъ родѣ,
И за счастіе одно имѣетъ,
Что Стефанъ владѣетъ.
Конечно къ добру счастія безмѣрна
Идетъ линія сего рода вѣрна,
Духъ, кровь безпредѣльна
И нераздѣльна.
Осмотрю весь свѣтъ: есть ли только какія
Страны счастливы, коль страны Донскія,
Гдѣ заря съ солнцемъ отъ облакъ блистаетъ,
День новъ открываетъ.
Вѣковъ древность знать прежнихъ нарочито
Отъ вѣковъ позднихъ ужь стала открыта,
Чтобъ смотрѣлъ весь свѣтъ умнаго Платона
Въ славной рѣкѣ Дона.
Истинный мудрецъ, который былъ свѣту въ диво,
Платонъ глаголю: той какъ бы счастливо

Могли быть власти полезны державы,
Сказалъ сіи уставы:
Мудръ, когда скипетръ царскъ будетъ держати,
Или царь, когда будетъ мудрствовати,
Тогда счастливъ свѣтъ въ мирѣ и покоѣ
Жить будетъ съ собою.
Аще Платонъ такъ ума остротою
Постигъ, какъ будетъ гражданство въ покоѣ
Почивать въ мирѣ и тишинѣ мнозѣ,
Какъ бы въ чертогѣ
Звердомъ же, въ царску порфиру одѣту,
Мудрость полезну быть къ державѣ свѣту,
Въ правду съ умомъ, лавръ на главѣ свѣтлѣетъ,
Безъ ума чернѣетъ.
Алмаза больш умъ красотой сіяетъ,
Умъ скипетръ, престолъ сильно утверждаетъ,
Съ умомъ порфира врагамъ есть ужасна,
Безъ ума напрасна.
Милость, миръ, покой съ высоты да сниде
Что здѣсь престолъ свой премудрость созижде
Мудрости отца ученій забрало
Имѣя начало,
Атамана здѣ, Стефана державу,
Іерихона высокую славу,
Красоту сельну преудобренну
И преиспрещенну
На сіи, муза Парнаска, предѣлы
Зайдетъ Іерихонскъ соборъ и всѣ силы
Будутъ счастливы и стократъ блаженны
Си поля учены.
Отселѣ лютъ морозъ на теплоту лѣта
Перейдетъ невредящь, здѣ красоты цвѣта
Разбогатѣютъ, красныя пустыни,
Раждающи крини,
Мощно жь, музы, намъ отъ нашихъ желаній
Пѣть Стефану вездѣ гласъ обрадованный:
Стекутся пусть въ немъ веселій всѣхъ роды,
Что суть отъ природы!

ВСѢ МУЗЫ

Кліо, Талія, Полимнія,

обрадовавшись радостью великою, что по желанію сердца ихъ открылъ Богъ счастіемъ цвѣтущую власть стороны Донской, поютъ обрадовательную и торжественную пѣснь, поздравляюще его высокоблагородіе Стефана Даниловича честію, Богомъ данною, желающе отъ усердія своего, да счастливыя и мирныя радости виновникъ, его высокоблагородіе, живетъ дни и лѣта въ надежду разпространенія музъ:

ГИМНЪ МУЗЫ КЛІО.

Доброты свѣтъ
Развѣ довлѣтъ
Съ небесъ—ти излитый
Тотъ возможе
Большь никтоже
Тебе озарити.
Облеклъ въ красный,
Висонъ ясный
Полуденна свѣта,
Лучезарны
Златотканны
Послалъ тебѣ лѣта
Свыше славу
И державу
Всѣ дары благіе,
Осѣняетъ
Окружаетъ
Съ высоты святыя.
Твой духъ златый
Какъ пернатый
Распростерлъ всѣмъ въ диво
Въ странѣ Донской
И Россійской
Славитись счастливо

О блаженствѣ
Силъ въ множествѣ
Счастія безмѣрны.
Здѣсь всѣ слышутъ
Какъ ужь дышутъ
Благіе зефиры,
И склонились,
И смирились
Ужь холмы дубравы,
И довольны,
Утѣхъ полны
Поля всей державы.
Нижній удолъ
Съ высотой горъ
Свѣтло торжествуетъ
Что Стефана,
Толь желанна,
Мужа привѣтствуетъ.
О доброты,
О лѣпоты,
И дней полныхъ славы,
Въ кои послалъ,
И увѣнчалъ
Вождя Богъ державы!

ГИМНЪ МУЗЫ ТАЛІИ.

Прогнался мракъ,
Открылся зракъ
Въ жизни твоей велій,
Отложи скорбь,
Сердцу злу борбь,
Пребуди веселый.
Радости въ свѣтъ,
Счастливыхъ лѣтъ,
Прежде небывалый,
Одѣнься чудно,
Неоскудно,

Отъемлющь печали.
Есть бо ти даръ,
Во вѣкъ *утварь*
Вѣковъ негиблюща
Ниспослана,
Изліяна
Отъ Бога владѣюща.
Въ мирѣ покой
Держи съ собой
Любовь благосердну
Симъ сравнися,
Вподобися
Отцу милосердну.
Обольщенный,
Упещреннный
Красотой Сіона
Сего блажимъ
Имя славимъ
Музы Геликона.
Зри, самыя,
Коль благія
небеса блистаютъ,
Сіи въ диво,
Тебя счастливо
Предъ всѣми вѣнчаютъ,
На сей чести,
Чуждой лести,
Степень благостыни.
Ставя туда,
Нога куда
Не снійде гордыни.
Злей щедротъ
Вкупѣ жь добротъ,
Не въ мѣру излитый,
Отца свѣта,
Дни и лѣта
Твои умастити.
Славы твой рогъ,

Толь благій Богъ
Вознесе высоко,
Что поняти,
Достизати
Музамъ есть жестоко.
Твердыхъ въ вѣрѣ,
Сущихъ въ мірѣ
Богъ сердца гонзаетъ.
Тамъ селится
И гнѣздится,
Гдѣ златый духъ знастъ.

ГИМНЪ МУЗЫ ПОЛИМНІИ.

Узналъ правы
Твои нравы
Богъ правды мѣрило,
Что блистало,
Невгасало,
И сердце горѣло
Твое выну,
Тѣмъ по чину,
Съ отцемъ благонравнымъ
Тебя почтилъ
И утвердилъ
Быть вождемъ преславнымъ
Всего войска,
Храбра Донска
И непобѣдима,
Гдѣ героевъ
Крѣпость воевъ
Свѣту есть вѣстима,
Его жь вѣчна,
Безпресѣчна
Слава течетъ въ мірѣ,
Сквозь летаетъ,
Ускоряетъ
Какъ орліе крилѣ.

Ревностый духъ,
Похвальный слухъ
Отъ вѣка слывется
Не иначе
Бо и паче
При тебѣ простретсѧ
Достойна быть,
Кто не судитъ,
Тебя безсмертной слѧвы
Когда щедрый,
Милосердый,
Богъ своей державы
Излилъ полно
И довольно
Даръ воемъ желанный,
По сердцу далъ,
Кого узналъ,
Что есть мужъ избранный.

ГИМНЪ МУЗЫ КЛІО.

Есть бо въ него
Вѣка сего
Книга по примѣру,
Въ той вписаны
Суть избраны
Блюстители вѣру,
Гораздостой,
Всеотверстой
Книгѣ вѣчной жизни
Неомильно
Строитъ чинно
Безъ укоризны.
Отъ оной дни
И годины
Времена какъ класы
Суть сочтены,
Соблюдены

И главъ нашихъ власы
Въ той грядуща
Какъ днесь суща,
Совершено знаетъ,
Что проходитъ
Не уронитъ,
Ниже въ вѣкъ стираетъ.
Нашь хочь милліонъ
Дней есть, какъ сонъ,
День одинъ вчерашній:
Предъ нимъ сто лѣтъ,
Какъ травный цвѣтъ,
Однакъ ненапрасный.
Ище числитъ
Онъ и мысли
Сквозь сердце гонзаетъ,
Какъ благіе,
Такъ и злые
Всѣ въ той примѣчаетъ.
Изъ той книги,
Инъ въ вериги,
Иной гривной златой,
Весь убранный,
Увѣнчанный,
Блещется богато.

ГИМНЪ МУЗЫ ТАЛІИ.

Инъ тоскуетъ,
Инъ ликуетъ,
По сердцу желанный,
А всѣмъ правый,
Нелукавый,
Есть свыше даръ данный.
Сѣетъ кто какъ,
И пожнетъ такъ,
Труды сэмъ собою.
Суть бо плоды

Сходны съ труды:
Богъ не есть виною.
Онъ самъ вѣрность,
Твою ревность
Изъ книги той жизни,
Не воздремалъ,
Но наблюдалъ
Очима несмѣжны.
Хранилъ выну,
Чія бъ въ чину
Блистала природа,
Судилъ племя,
Прежне сѣмя
Избраннаго рода.
Родъ бо самый
Есть родъ благій
Отъ Бога излитый,
Безъ отмѣны,
Перемѣны
Въ достоинство спѣтый.
А не мало жь
Не стирало
Вышняго мѣрило
Съ твоихъ заслугъ,
Когда на кругъ
Чести возвысило,
На раменахъ,
Знакъ врагамъ въ страхъ
Кавалерскій зрится.
Сей знаменалъ,
Что Богъ ти далъ
На честь ускорится
Искренній духъ,
Героевъ въ слухъ
Всѣхъ обрадовался,
Что желаннымъ,
Богомъ даннымъ
Вождемъ увѣнчался.

ГИМНЪ МУЗЫ ПОЛИМНІИ.

Нашихъ вѣковъ,
Избравый кровъ,
Боже Отче щедрый,
Милость знаю,
Завѣтъ чаю,
Что будетъ твой твердый.
Инаипаче,
Не иначе
Какъ щедротъ безмѣрна,
И смотрѣла,
И познала
Строителя вѣрна,
Мышца сильна,
Безпредѣльна
И пресущественна,
Къ свѣту славѣ,
Сей Державѣ
Быти доблественна,
Не по чьей,
Но по твоей
Милости единой,
Пріими цѣло
За кадило
Гласъ сей умиленный.
Озари здѣсь,
Пущая свѣтъ весь
Стефанъ ведетъ въ диво
Какъ родъ правый,
Къ твоей славѣ
Спѣется счастливо,
Горныхъ отъ странъ,
Когда онъ данъ,
Пусть отъ тѣхъ и время
Льется злато
И богато

Здѣсь на сіе племя.
Іпромыслъ благъ
Былъ совѣтъ драгъ
О немъ судьбы сіи,
Пусть же знаетъ,
Какъ блистаетъ
Стефанъ свѣтъ Россіи.
Его бодра,
Всѣмъ предобра,
На степень рожденна,
Ты самъ велѣлъ,
Благословилъ
Мужа преблаженна.
Ьется какъ здѣ
Такъ пусть вездѣ
Будетъ изліянна
Его слава
И держава
Ажь до океана.
Еще взнаютъ,
Пусть вѣнчаютъ
Четыре части свѣта,
Да довольны,
Утѣхъ полны
Стефанъ живетъ лѣта.
Ты жь наконецъ,
Какъ златъ вѣнецъ,
Отче, утѣхъ полный,
Даждь за труды
Долготу дней
Времена довольны
Атаману
Здѣ *Стефану*
Даніила сыну,
Чтобъ Ефрема,
Сѣмя племя
Процвѣтало выну.

ЕПѢЛОГЪ.

Въ лицѣ трехъ музъ и другинь Парнаска собора
Торжествуетъ вся страна Донска безъ притвора
О счастіи, достойномъ безсмертной славы,
Коимъ вѣнча тя рука сильной державы,
Шли паче десница Вышняго всесильна.
На цѣлый свѣтъ славою пусть безпредѣльна!
Сердце въ царство вложи милости пучину
Узнать вѣрность твою сего быть достойну чину,
Въ тебѣ порфирородну сильно распалила
Содѣтеля такая жь полномощна сила,
О тебѣ совершенно вѣдать какъ о сынѣ,
Люблепія достойномъ, щедротъ благостынѣ,
Въ ней къ тебѣ сперва грѣлась матерьна утроба,
Какъ бы тебя положить въ славу чужду гроба
Обрѣла жь по заслугамъ ревности довольнымъ
Когда тобой сію страну, что криномъ удольнымъ,
Изъ отцемъ благонравнымъ ублагословила,
Гдѣ мужество крѣпость есть воевъ не уныла,
Адамантинной въ первыхъ крѣпости и силы
Васъ положи героевъ благоувѣтливыхъ,
Твердости нерѣшимой и непреткновенной,
Знаменанныхъ сперва силой воинственной,
Аж до кончины вашей подвигоположной
Быть къ вашей здѣ ревности воемъ непреложной,
Пышца бо величества совершенно знаетъ,
Какъ о имени его кто потъ изливаетъ,
Аще бъ что съ заслугъ вашихъ втералось въ сей жизни;
То наградитъ блаженство чаю въ той жизни;
Но нѣтъ въ благовременномъ счастіи измѣны,
Не будетъ и въ блаженствѣ вѣчномъ перемѣны,
Вышня страна съ нижнею есть благоувѣтлива,
Будетъ же въ путяхъ вашихъ стезя всесчастлива:
Алкаетъ ли сердце, вжаждетъ ли духъ правый,
Вся по сердцу благая сойдутъ безъ забавы,

Широкимъ океаномъ всѣ дары благіе
Сойдутъ упоить сердце съ высоты святыя,
Его безмѣрны судьбы и щедроты свыше
Увѣнчаютъ по дѣломъ наградятъ излише.
Вдругъ стекутся державы сильный подвигъ зрѣти,
Какъ будетъ твое сердце сильно къ нимъ горѣти,
Искренній духъ воинскій какъ въ тебѣ палится,
Когда на тя врагъ сильный крѣпко устремится
Отереть удъ Христовъ вѣренъ, цѣною цѣненный
Агнца Христа, пречиста кровію скупленныі
Онъ дышетъ крѣпко, сильно, тайно, невидимо,
Но жизнь твоя, бытіе есть Вышнимъ хранимо,
Кто на васъ, когда будетъ сильна рука съ вами,
Та посѣчетъ, поразитъ враговъ вашихъ тьмами,
Окрестъ падутъ всѣ враги, сильны супостаты:
Будетъ бо Вышня рука враговъ побороти.
Благообразной паствой собраннаго стада
Какъ похититъ хищникъ лютъ, когда есть ограда,
Люты пусть волки душутъ, хищны звѣри піютъ,
А овцы среди паствы безъ вреда почіютъ,
Ане мало изъ числа ихъ вреда не бываетъ:
Благій бо пастырь добрый хранитъ соблюдаетъ.
Гроздъ зрѣлый, рождающій садъ, какъ опустѣетъ,
Когда имъ вертоградарь, тщательный владѣетъ:
Отрасли бываютъ въ немъ лѣторасли сильны,
Многоплодны, корыстны, никако жь бездѣльны,
Различныхъ что по вещахъ больше странствовати
Лучше васъ корысти добръ всѣхъ вину сознати.
Ограду признать мощно сильну и готову,
Единыхъ мысленному васъ стаду Христову,
Дикій звѣрь какъ похититъ внутрь гладомъ жгомый,
Когда вами пастырми суть овцы стерегомы,
Изнуряемъ пусть таетъ волкъ, врагъ вашь несытый,
Однако паствы нѣтъ мочи вашей расточити:
Есть бо пастырь за овцы душу положивый,
Тотъ добре блюдетъ съ вами паству вамъ вручивый,
Садъ насади дѣлатель благій вертограда
Положись его рукой оплотъ и ограда

Тотъ садъ блюсти хранить вамъ предалъ напоити
Безплодны, гнилы, метать, сѣчь и сожигать,
Его жь рука за сіе въ небесну ограду
Васъ посадитъ и причтетъ избранному стаду.
Фортецѣя будетъ вамъ сильной державы
Дана во владѣніе, гдѣ души суть правы
Ангеловъ тмочисленны предстанутъ соборы,
Съ радостію васъ пріимутъ въ небесные дворы.
На той власти почіетъ духъ вашъ безпредѣльный,
Гдѣ день нощь въ сердце ввойдетъ гласъ всевожделѣнный:
Добрый рабе и вѣрный се обѣтованно,
Авраама, Ісаака покоище убранно,
Алмазъ, бисеръ пестротой: что суть свѣту въ диво?
Ты пріими, владѣй вѣчно, обладай счастливо,
На кое мѣсто сходитъ благость свѣтолита
Что есть отъ сіянія трипостасна свѣта
И другини блажатъ тя въ лицѣ Дона нынѣ,
Но вѣчны паче други вблажатъ безъ отмѣны
Лѣть и симъ о счастіи пѣти торжествуя,
Но тѣмъ паче лѣть будетъ вѣчно пѣть ликуя
О счастіи блаженномъ вѣчніе роды,
Гдѣ сердце таять будетъ, какъ воскъ по природѣ,
Въ шумѣ восклицанія, въ гласѣ радованій,
Гдѣ блѣщатся одежды властей златотканы,
Изъ утварей безсмертныхъ, нерѣшимыхъ выну,
Коихъ самъ есть упразднилъ Господь всю измѣну.
Чудна благолѣпія и красоты дивной
Исполненныхъ утѣхи въ вѣкъ неусладимой,
Здѣшни музы притворны, хорой начертаны,
А тамъ лицемъ къ лицу предстанутъ убранны
Другини, вѣчнымъ съ тобой союзомъ связаны,
Дружествомъ любви вѣрной въ родъ неразорваны,
Родъ твой тамо ублажатъ, впишутъ въ книгу жизни,
Гдѣ память будетъ безъ всякой укоризны,
А за дѣла прославятъ сдѣланны на брани,
Не три музы, но тмами тысячми данны
Воевъ небесныхъ, кои по странамъ Едема
Пронесутъ *Данилово Ефремово* сѣмя,

Смотрѣть будетъ зракъ очей, проспектовъ не нада:
Какая радость утѣха есть вышня вертограда!
Тамъ будешь по раменахъ гривной весь усланый,
Гдѣ портретъ Небеснаго Царя начертанный,
Въ той почтутъ кавалеры, убѣлены власти,
Поющи у престола Агнцу шумны гласы:
Удовольствуешься ты оными привѣты,
Коихъ будутъ ти въ диво всѣхъ сердца горѣти.
Искренній же мой привѣтъ, устами сплетенный,
Пріими вѣрно, хотя онъ есть тѣмъ несравненный
Въ смертной плоти мнѣ троична свѣта нельзя зрѣти:
Какъ же можно мнѣ съ тѣми равно тебя воспѣти?
Писта сердца сей и духа искренняго полный,
Однако знаю, что еще нѣсть тебѣ довольный:
Есть бо твоихъ дѣлъ океанъ широкъ разлитый,
Тѣмъ не сильна есть муза моя измѣрити.
Сердцемъ однакъ палится во вся согараетъ,
Счастіемъ симъ сколь можно тебѣ поздравляетъ:
Умочисленны вѣки жить желаетъ и лѣта,
Пока будешь участникъ невечерня свѣта.
Изъ скудости жь буди что могла уронити,
О томъ молитъ горнихъ силъ вѣчно тя воспѣти.»

Вашего высокоблагородія, высоко милостиваго благодѣтеля и превысочайшаго патрона и премилосерднаго отца

Усерднѣйшій, вѣрнѣйшій и всепокорнѣйшій слуга *Іаковъ Симоновичъ*».

Этотъ акростихъ, столь любопытный по своей рѣдкости для слѣдящихъ за нашею литературою XVIII-го вѣка (*), показываетъ, что дѣятельность Атамана Степана Ефремова высоко цѣнима была его современниками.

Нѣтъ надобности напоминать, что *панагирисъ* заключаетъ въ себѣ много витіеватости, много фальшиваго блеску и не мало гремучихъ, столь любимыхъ въ XVIII-мъ вѣкѣ фразъ; но среди громозвучныхъ и велерѣчивыхъ выраженій не трудно читателю

(*) Г. Пекарскій говоритъ, что графу Румянцеву — Задунайскому тоже сложенъ былъ великолѣпный акростихъ, гдѣ начальныя буквы означали имя, отчество, фамилію и побѣды Кагульскаго героя. От. Зап. 1856 № 4

усмотрѣть искреннее, неподдѣльное чувство уваженія и преданности славному Атаману.

Какія благодѣянія оказалъ Атаманъ Степанъ Ефремовъ Войску Донскому, чѣмъ заслужилъ онъ всеобщую любовь Донцовъ и прославленіе сосѣдей, мы не беремся изслѣдовать. Будущій историкъ Дона (о если бы Богъ послалъ его скорѣе!) раскроетъ намъ всю дѣятельность Атамана; мы же, пользуясь названными выше матеріалами, изложимъ только трагическій конецъ жизни Атамана, произведшій столько волненій на Дону въ 1772 году.

У Ригельмана на одной страницѣ (106—107) разсказано необычайное на Дону происшествіе, до сихъ поръ преисполненное самыхъ разнорѣчивыхъ сказаній—это взятіе Атамана Степана Ефремова. Приведемъ слова названнаго нами автора «Исторіи о Донскихъ казакахъ:» «по кончинѣ Данилы Ефремова, который скончался 1760 году, Воисковой Атаманъ Степанъ Ефремовъ, во время самой начатой отъ 1768 году съ Турками войны, въ которой такъ же казаки усердно и похвально служили, возгордѣлъ уже своимъ состояніемъ и возмечталъ о себѣ выше мѣры, не сталъ, наконецъ, повиноваться многимъ указамъ даже и посылаемымъ къ нему грамотамъ, почему, для понужденія и скорѣйшаго исполненія опредѣлились уже Указомъ Военной Коллегіи на Донъ въ городъ Черкасской, Генералъ-Маіоры, изъ которыхъ послѣдняго, Гаврилу Петровича Черепова, по даннымъ его Атаманскимъ поводомъ, казаки возмутившись, наконецъ, на него и ругаясь имъ, едва не до смерти убили, еслибъ не старшины вѣрные къ службѣ не защитили его Черепова, за что, какъ равно за ослушаніе повелѣшіевъ, и что не слѣдовалъ по особливой, насланной къ нему жь грамотѣ въ С. Петербургъ, чрезъ присланнаго, по именному Ея Императорскаго Величества Указу, Гвардіи Капитана—Поручика, Гаврилу Ржевскаго, взятъ и арестованъ, въ 1772 году, противу 9-го Ноября, и въ Военную Коллегію отосланъ, гдѣ сужденъ и, по Высочайшей конфирмаціи, лишенъ того чина и сосланъ, для содержанія его, въ городъ Перновъ, а по немъ Войско управлять велѣно было изъ старшинъ Наказнымъ Атаманомъ, Семену Сулину.»

Такъ немногорѣчиво и хладнокровно передаетъ Ригельманъ о страшномъ событіи на Дону!

Мы изложимъ это дѣло подробнѣе.

Въ Войсковомъ Правленіи и доселѣ хранится портретъ Степана Ефремова: это мужественный и цвѣтущій красотою Атаманъ. Яркій румянецъ, какъ у дѣвицы, горитъ на его видномъ лицѣ, отѣняемомъ черными небольшими усами. Прекрасенъ и величавъ онъ въ древнемъ блестящемъ атаманскомъ одѣяніи и съ перначемъ въ рукѣ, будучи написанъ во весь ростъ(*).....

Блаженную жизнь проводилъ нѣкогда этотъ человѣкъ въ своемъ Зеленомъ загородномъ домѣ, окруженный любовью жены своей, доброй и добромъ поминаемой, Меланьи Карповны; въ богатствѣ, довольствѣ, изобиліи, и сибаритской роскоши утопалъ онъ, надѣясь на искреннюю и сыновнюю привязанность къ себѣ всѣхъ Донцовъ безъ изъятія.

Но туча собиралась. .. Государственная Военная Коллегія, получивъ доносы на Атамана, три указа посылала къ нему и требовала виновника въ С. Петербургъ: Атаманъ не слушался и не ѣхалъ: тогда исполнители царской оскорбленной воли прибыли на Донъ, и началось волненіе....

Ноября 9-го дня 1772 года, въ полночь, отъ Зеленаго дома Атамана Степана Ефремова сотный казакъ прибѣжалъ въ соборную церковь и кричалъ часовому: «бей въ колокола на сполохъ.» Часовой, не видя пожара, отказывался звонить; тогда казакъ еще громче закричалъ: «звони на сполохъ.» Часовой ударилъ въ набатъ; Черкасскъ проснулся; народъ выбѣжалъ изъ домовъ и сталъ метаться во всѣ стороны: «что такое? гдѣ пожаръ?» Знавшіе овѣчали, что Войсковой Атаманъ Степанъ Ефремовъ изъ Зеленаго двора взятъ и отвезенъ въ крѣпость св. Димитрія(**).

Наказный Атаманъ Машлыкинъ съ старшинами въ ту же минуту, въ полночь, пришли въ судейскую залу Войсковой Канцеляріи для узнанія, точно ли взятъ Войсковой Атаманъ. Не успѣли еще судьи съ атаманомъ наказнымъ собраться мыслями, какъ вбѣжало въ Канцелярію множество народа, подняли гвалтъ, заняли лавки, полъ. Вооруженные казаки пришли въ неистовство: они на-

---

(*) Одѣянія древнія Донцовъ см. у Ригельмана въ концѣ книги и въ Русской Старинѣ Корниловича. 1825 г.

(**) Въ 1761 г., по указу Императрицы Елизаветы, построена крѣпость св. Димитрія Ростовскаго, въ 30 верстахъ отъ Черкасска. Ригельманъ стр. 99. Броневскій «Исторія Донскаго Войска» стр. 59—60. Теперь здѣсь Ростовъ на Дону.

чали площадными словами ругать Атамана Машлыкина, старшинъ, грозили имъ оружіемъ и кричали: «вы Войсковаго Атамана умышленно отдали пріѣзжавшей командѣ, и велѣли звонить въ колокола на пожаръ: надобно васъ всѣхъ перебить»; другіе кричали: «перетопить въ водѣ,» а иные: «перевязать, посадить въ острогъ, а домы грабить.»

Атаманъ и старшины убѣждали успокоиться мятежныхъ казаковъ: сіи приходили «въ пущій азартъ»...; свалили и повредили зерцало; Атамана, ухватя за грудь, притащили къ порогу; и тамъ оставили; Старшину Макара Грекова, ведя изъ Канцеляріи, били такъ, что «окровавили» лице, а потомъ посадили подъ караулъ съ арестантами, содержавшимися за уголовныя преступленія.

Затѣмъ, принудивши выпалить изъ трехъ вѣстовыхъ пушекъ, рѣшили послать грамоту въ верховыя станицы, чтобы всѣ казаки слѣдовали къ Черкасску. Атаманъ Наказный Машлыкинъ, старшины, сами находясь въ отчаяніи за свою жизнь, принуждены были послать на разсвѣтѣ въ Маноцкую станицу грамоту о случившемся несчастіи и требовали отъ Оберъ-Коменданта крѣпости св. Димитрія Генералъ-Маіора Потапова увѣдомленія: по какому случаю взятъ Атаманъ Ефремовъ? Между тѣмъ казаки повыходили изъ Канцеляріи и расковали всѣхъ содержащихся по важнымъ дѣламъ арестантовъ, (которые однако жъ не ушли). Въ крѣпость были посланы старшины Сарычевъ и Грековъ, они просили Потапова показать имъ или повелѣніе Императрицы, или въ лице Атамана Ефремова. Потаповъ, узнавши, что они *не грамотные*, не показалъ имъ Высочайшей бумаги, а далъ отношеніе въ Войсковую Канцелярію, прося ее прислать грамотныхъ для прочтенія бумаги.

Не дождавшись посланныхъ старшинъ, собравшіеся около Зеленаго дома казаки верхомъ на лошадяхъ поѣхали съ ружьями и копьями, съ крикомъ и гвалтомъ, къ дому Наказнаго Атамана Машлыкина, взяли его изъ дому и повели въ Войсковую Канцелярію: при чемъ одинъ изъ нихъ (Тютеревской станицы Федотъ Гордѣевъ) намѣревался неоднократно *бить плетью* Атамана, такимъ же образомъ брали изъ дома войсковыхъ старшинъ и приводили въ Войсковую Канцелярію. Сами же казаки атаковали ее, а нѣкоторые, вошедши въ залу, нагло требовали, чтобы выданъ

имъ былъ Войсковой Атаманъ, угрожая въ противномъ случаѣ всѣхъ старшинъ и Машлыкина «перебить въ смерть».

Въ то же время кричали, что они поѣдутъ сами въ крѣпость и узнаютъ: живъ ли Войсковой Атаманъ. Напрасно Машлыкинъ и старшины уговаривали взбунтовавшихся казаковъ: они еще сильнѣе, еще наглѣе требовали своего и, выведши изъ Канцеляріи насильно Старшину Василья Иловайскаго, поѣхали съ нимъ по городу.

Встрѣтившись съ возвращающимися изъ крѣпости старшинами Сарычевымъ и Грековымъ, казаки взяли у нихъ увѣдомленіе Потапова, распечатали его, прочли и въ такомъ видѣ доставили въ Войсковую Канцелярію. Старшины объявили, что Атаманъ Ефремовъ взятъ съ Высочайшаго изволенія Ржевскимъ, Гвардіи Семеновскаго полка Капитаномъ—Поручикомъ.

Того же 9-го Ноября, подъ вечеръ, въ 4-мъ часу по полудни, къ Кизитеринскому форпосту крѣпости св. Димитрія пріѣзжалъ Старшина Василій Пловайскій съ вооруженною командою, состоящею изъ 300 человѣкъ и требовалъ свѣдѣнія, куда Войсковой Атаманъ Ефремовъ отвезенъ: «съ которою командою своею и былъ тамъ нѣкоторое время; изъ казаковъ видно въ ярости нѣкоторые при томъ упоминали, что ночью и все Войско будетъ взять арестованнаго Атамана, и хотя онъ Иловайскій наконецъ со всею тою командою назадъ и отступилъ, однакожъ до перваго часа по полуночи былъ въ прежнемъ числѣ людей, выдерживая себя по сю жь сторону Казитеринскаго логу на степи, между чѣмъ нѣкоторые казаки, не малымъ числомъ, пробираясь между интерваловъ, подъѣзжали даже до *бекетовъ* передъ крѣпостью, гдѣ проскакивая мимо часовыхъ, дѣлали тревоги и сами съ тѣмъ ускакивали».

Бунтъ шелъ открыто; поднялись казаки верховыхъ станицъ и спѣшили къ Черкасску «выручать» Атамана...

10 Ноября Старшина Сидоръ Кирсановъ, доносчикъ на Атамана Ефремова, теперь проживавшій въ крѣпости св. Димитрія, прислалъ въ Войсковую Канцелярію увѣдомленіе о причинахъ взятія Атамана. Увѣдомленіе Кирсанова заключаетъ въ себѣ полное объясненіе всего дѣла и потому мы приводимъ его сполна: «съ самаго начала продолжающейся съ Оттоманскою портою войны, движенія Войсковаго Атамана Ефремова, служащія къ помраченію славы всего Общества нашего, всякому вѣдому были ясно, чему

непреоборимымъ доказательствомъ была первая компанія въ 769 году, собраніемъ поголовно войска въ десяти тысячахъ состоящаго, и нападеніе на Крымскія кочевыя по сю сторону Перекопа Татарскія орды; къ чему всѣ бывшіе тогда казаки съ крайнею охотою усердіе свое Ея Императорскому Величеству доказать приготовлялись, но вмѣсто того, онъ, Войсковой Атаманъ Ефремовъ, корыстолюбію порабощенъ будучи, вздумалъ тотъ случай употребить въ удовлетвореніе корыстолюбія своего и доведя народъ до безплоднаго продолженія въ степи, началъ затѣмъ взятками пользоватся и распускать въ домы по причинѣ успѣвшаго уже времени къ жнитву, а затѣмъ вскорѣ оказались въ немъ знаки недоброжелательства къ Имперіи и Обществу своему, которыя онъ началъ производить внушеніями въ народъ непристойными, чтобъ поколебавъ простодушныя сердца увеличить власть свою и тѣмъ показать себя Высшей власти страшнымъ.

«Но какъ сіи внушенія весьма малое имѣли дѣйствіе въ огорченномъ народѣ, то изыскалъ онъ къ достиженію намѣренія своего другое средство; и по случаю перехода союзныхъ ордъ Татарскихъ на Кубанскую сторону, стараясь свести тѣсное знакомство съ главными сихъ народовъ начальниками, чрезъ знатные подарки, по успѣхѣ въ томъ, и обложить знатное число сихъ народовъ около Донскихъ станицъ, въ противность учиненныхъ договоровъ между Россійскимъ дворомъ и сихъ народовъ, провидя въ томъ удобнѣйшій способъ къ порабощенію себѣ своихъ же согражданъ, а въ случаѣ иногда въ томъ неудачи и уклониться подъ ихъ покровительство, на что всѣ письменные документы находятся.

«О сихъ всѣхъ обстоятельствахъ въ свое время Высшее Правительство, будучи предувѣдомлено, требовало его съ воли Ея И. В. для точнѣйшаго о томъ изслѣдованія и достойнаго за толь дерзскія и богопротивныя дѣла воздаянія въ С. П. Бургъ. Но онъ, видя свою винность и не хотя допустить себя до того, дѣлалъ разныя на повелѣнія рапортами отговорки, и продолжая время вздумалъ дѣлать внушенія народу, будто Вышнее Правительство силится всѣхъ сдѣлать регулярными, чего и въ мысляхъ не бывало; да и быть не можетъ потому, что образъ службы нашей самъ по себѣ есть потребенъ: и неудовольствуясь тѣмъ поѣхалъ самъ подъ видомъ отъѣзда въ С. П. Б. по городкамъ для возбужденія на мятежъ народа и собравъ нѣсколько изъ сотныхъ казаковъ воз-

вратился къ Черкаску для исполненія намѣренія своего, которое ему сдѣлать и удалось съ помощію нѣкоторыхъ къ крайнему несчастію всего Общества нашего.

«Ея Императорское Величество съ крайнимъ неудовольствіемъ сіе донесеніе услышать изволила, и сожалѣя о простодушіи нашего народа, не видящаго пагубы своей, соизволила повелѣть именнымъ своимъ указомъ, арестовавъ Ефремова, взять и доставить подъ карауломъ, къ Высочайшему Ея И. В. двору, къ которому въ помощь я и посланъ; съ которымъ по пріѣздѣ въ крѣпость св. Димитрія, узнавъ о его предостереженіи и отчаянные склоненіи, и стребовавъ команду для препровожденія своего до его двора, хотѣли взять надлежащимъ порядкомъ, и бывшіе при немъ сотные казаки видно по его приказанію начали поступать противъ насъ военною рукою, а тѣмъ и принудили насъ равномѣрно себѣ соотвѣтствовать, да и самъ онъ Войсковой Атаманъ вмѣсто должнаго повиновенія Ея И. В. воли вставилъ мнѣ ружье въ грудь, которое однако жъ отнято, а онъ какъ открытый уже злодѣй взятъ и доставленъ сюда за конвоемъ.... О чемъ Войсковой Канцеляріи давъ знать совѣтую, и прошу колеблющемуся по злодѣйскому его Ефремова возмущенію, и всякаго сожалѣнія достойному народу, о семъ ознаменовать во всѣ мѣста, дабы всякъ и каждый, узнавъ прямые злодѣйскихъ упоминаемаго Ефремова оборотовъ причины, обратились на путь, ведущій ихъ къ благоденствію и успокоили духъ свой, и меня о томъ безъ извѣстія не оставить».

Потрясающее впечатлѣніе произвело на Войско это грозное посланіе Сидора Кирсанова. Всѣ были поражены какъ громомъ такимъ рѣшительнымъ увѣдомленіемъ. Собралось въ Войсковую Канцелярію 19 старшинъ, два эсаула и множество казаковъ съ товарищами. Во главѣ ихъ находился Наказный Атаманъ Машлыкинъ. Въ полномъ присутствіи всѣхъ читали отношеніе Кирсанова, написали опровержительные пункты и оправдали Атамана Ефремова:

«1-е. Чтобъ Войсковой Атаманъ Ефремовъ изъ корыстолюбія въ 769-мъ году, во время бывшаго на Крымской степи похода собраніемъ поголовно Войска въ 10,000 состоящаго бралъ съ казаковъ взятки и распускалъ ихъ въ дома, никто не знаетъ и ни отъ кого въ томъ жалобъ Войску не было.

«2-е. Какіе бъ въ немъ оказывались знаки недоброжелательства къ Имперіи и Обществу своему, тожь никто не знаетъ.

«3-е. Чтобъ онъ, Войсковой Атаманъ, въ случаѣ ему какой неудачи, имѣлъ намѣреніе уклониться подъ покровительство союзныхъ Татаръ, никто не знаетъ и не слышалъ по нынѣ.

«4-е. Чтобъ онъ, Войсковой Атаманъ, дѣлалъ новыя внушенія народу, будто Вышнее Правительство силится сдѣлать всѣхъ регулярными, никогда отъ него не слышали.

«5-е. Чтобъ онъ, Войсковой Атаманъ, подъ видомъ отъѣзда въ С.П.Б. возбуждалъ по городамъ на мятежъ народъ и что происшедшее въ городѣ Черкаскомъ сего года Окт. 1-го числа смятеніе послѣдовало чрезъ проискъ его Войсковаго Атамана Ефремова, никто не знаетъ.»

Эти пункты съ приложеніемъ копіи съ увѣдомленія Кирсанова опредѣлено послать съ нарочными по всѣмъ рѣкамъ въ верховые казачьи городки, къ станичнымъ атаманамъ и казакамъ, чтобы тотъ часъ по полученіи были собраны «полные станичные казачьи сборы,» и на нихъ показаны, справедливы ли обвиненія, взводимыя Кирсановымъ на Ефремова. Отзывы казаковъ положено при прошеніи отправить къ Государынѣ Императрицѣ.

Къ Генералъ-Маіору, Оберъ-Коменданту Потапову, послано отношеніе, на какомъ основаніи Старшина Кирсановъ насылаетъ въ Войсковую Канцелярію разныя требованія.

Потаповъ отъ 16 Ноября еще извѣстилъ, что Атаманъ Ефремовъ «взятъ въ силу Высочайше именнаго Ея И. В. указа за ослушаніе трехъ присланныхъ къ нему изъ Государственной Военной Коллегіи повелѣній»: такое сообщеніе въ слухъ всему собранію Войсковой Канцеляріи было объявлено наказнымъ дьякомъ.

19 Ноября въ Войсковую Канцелярію собралось еще больше старшинъ и казаковъ: 25 первыхъ и 55 послѣднихъ; сверхъ того 9 станичныхъ атамановъ и нѣсколько базовыхъ Татаръ. Тутъ прочли грамоту Войска Донскаго, убѣждающую всѣхъ «никакого между собою мятежа не имѣть и для того быть каждому при своемъ жительствѣ спокойно, къ общественному благу.»

Донъ началъ успокоиваться; взяты были росписки съ казаковъ въ соблюденіи ими тишины; станичники возвращались въ свои дома; началось слѣдствіе надъ виновными въ мятежѣ, про-

зводителемъ котораго былъ Генералъ-Маіоръ Гаврило Петровичъ Череповъ.

Но дѣло тѣмъ не кончилось. Волненіе отразилось и дальше Дона. Атаманъ Ефремовъ жилъ въ ладу съ нѣкоторыми князьями Татарскими; одинъ изъ нихъ, самовластный владѣтель Джанъ-Мамбетъ-Бей, узнавъ о взятіи Атамана, прислалъ Войску письмо и предлагалъ свои услуги къ возвращенію Ефремова. Письмо такъ оригинально и замѣчательно, что мы рѣшаемся привести его сполна:

«Города Черкаска всему Войску, старымъ, молодымъ и тамошнимъ начальнымъ людямъ, всѣмъ моимъ пріятелямъ.

«Пріятель съ пріятелемъ долженъ всегда имѣть разговоръ и здоровье одинъ другаго наблюдать, вамъ же Войску и всѣмъ надъ Дономъ живущимъ извѣстно, что издревле Степанъ Ефремовъ надъ вами былъ главнымъ командиромъ, и былъ подобный вамъ командиръ; нынѣ мнѣ извѣстно, что Степанъ взятъ *Москалями*, и посаженъ подъ арестъ: но если какая его вина, и вамъ пріятно ль или нѣтъ? о развѣдываніи чего съ симъ моимъ письмомъ посланъ нарочный мой человѣкъ *Кара-Гось*; а въ чемъ пріятеля моего Степана состоитъ вина, объ оном меня, пріятели мои, увѣдомьте. Предки жъ наши съ живущимъ надъ Дономъ народомъ имѣли сосѣдственную дружбу, и между собою разговоръ, и нынѣ мы находимся съ вами въ сосѣдствѣ, и считать должно какъ за родственниковъ, и по тому сосѣдству, если вамъ будетъ угодно, я могу о немъ стараться, и какое вы стараніе о Степанѣ предлагаете, меня увѣдомте: чѣмъ я буду доволенъ; но когда же вы, пріятели, считаете, что Степанъ возвратиться къ вамъ не можетъ, то труды ваши останутся тщетны, однако жъ вамъ надлежитъ о немъ имѣть крѣпкое стараніе, а я вамъ искренній пріятель, и что до меня принадлежитъ какое слово съ своей стороны готовъ.

«Пріятель вашъ князь князей
Джанъ-Мамбетъ-Бей.

«1186 г.
Рамазана 7 дня.
1772 г. Ноября 22 дня.»

Какой отвѣтъ послѣдовалъ отъ Общества Войска Донскаго на такое благосклонное письмо, мы не знаемъ и указываемъ на него, какъ на явное доказательство особеннаго расположенія къ Атаману Ефремову Татарскихъ князей.

Въ то же время, свѣдавъ о мятежѣ на Дону, партія Чеченцевъ въ числѣ 800 человѣкъ, напала на одного князя Татарскаго, который увѣдомилъ о томъ Войско (17 Ноября). Войско, находясь въ опасеніи, чтобы, кромѣ враждебныхъ Закубанскихъ народовъ, и сосѣдніе Татары не напали на жительство казаковъ, послало грамоты по станицамъ и убѣждало имѣть осторожность «и для того случая всѣмъ отставнымъ казакамъ и выросткамъ казачьимъ дѣтямъ, быть во всякой готовности, и для того въ воротахъ и форпостахъ имѣть крѣпкіе караулы и фортки вокругъ города и полисада забить на глухо, и въ каждой станицѣ, какъ въ зимнее время бываетъ, выбрать полковниковъ, и Татаръ съ за Дону сюда перевозить накрѣпко запретить, а которые есть здѣсь въ городѣ, оныхъ всѣхъ приказать выслать за Донъ.» Такъ покончило Войско съ могущимъ случиться нападеніемъ Татаръ...

. . . . . .

Обвиненія, взводимыя на Атамана Степана Ефремова, были весьма важны, особенно въ то время, при Екатеринѣ Великой. Одно изъ нихъ—*страсть ко взяткамъ* уже дѣлало Атамана повиннымъ уголовному суду.

Императрица Екатерина преслѣдовала взятки, она нещадно казнила это страшное и неистребимое въ Россіи зло.

Въ Полномъ Собраніи Законовъ Имперіи (*) есть два манифеста Государыни, манифеста грозныхъ и карающихъ, на вѣкъ долженствующихъ утвердить въ сердцахъ Россіянъ память о необычайной ненависти Матушки-царицы ко взяткамъ. Она сослала въ Сибирь навсегда одного чиновника за самую ничтожную взятку при рекрутскихъ наборахъ; *за голову сахару и пагольный тулупъ* Она лишила одного коллежскаго совѣтника должности и не велѣла его никуда опредѣлять. Неизреченная любовь къ своимъ подданнымъ!... Литература особенно горячо возставала про-

(*) Полное Собр. Законовъ Т. XVI стр. 23 и 62. «Объ удержаніи судей и чиновниковъ отъ лихоимства». «Объ отрѣшеніи Коллежскаго Совѣтника Шокурова отъ дѣлъ, за взятки, и о неопредѣленіи впредь ни къ какимъ дѣламъ».

тивъ лихоимства въ Ея царствованіе. Фонвизинъ писалъ о взяткахъ;» журналы всѣ ополчились противъ крючковъ (*).

При такомъ всеобщемъ *походѣ* противъ взятокъ, во главѣ котораго находилась Русская Монархиня, ничуть неудивительно, что доносъ на Атамана Ефремова за лихоимство поколебалъ довѣріе къ нему Государыни.

Другое обвиненіе, еще тягчайшее перваго, состояло *въ расхищеніи* Войсковой казны. Канцелярія Войсковая прямо и положительно доноситъ (отъ 8-го Апрѣля 1773 г.) въ Государственную Военную Коллегію, что Атаманъ Степанъ Ефремовъ «не имѣлъ Обществу своему» т. е. къ Войску Донскому «доброжелательства, что онъ приходныя и расходныя книги трехъ годовъ именно за 1754, 1760 и 1762-й сжегъ, будучи въ Петербургѣ 1765 года». На такое преступное дѣйствіе рѣшился Атаманъ въ слѣдствіе собственнаго, пробудившагося сознанія своей виновности; онъ видѣлъ, какой ущербъ нанесъ Войсковой казнѣ, сколько денегъ казенныхъ онъ истратилъ на свои собственные расходы, и рѣшился на дѣло, достойное заслуженнаго и примѣрнаго наказанія.

Третій поступокъ Атамана Ефремова дѣлаетъ его государственнымъ преступникомъ. Онъ хотѣлъ взбунтовать казаковъ; онъ думалъ имѣть какое-то сношеніе во вредъ Россіи съ Кумыцкимъ княземъ Темиромъ. Непостижима по своей отважности дѣятельность Атамана въ этомъ случаѣ! Въ его домѣ Коммиссія нашла огромную «кису» (мѣшокъ) съ оригинальными письмами отъ 25-ти станицъ на имя Атамана, гдѣ казаки умоляли своего патрона «о избавленіи ихъ отъ регулярства.»

Объяснимъ это дѣло.–Атаманъ въ 1772 году ѣздилъ по степямъ; собиралъ къ себѣ изъ станицъ атамановъ, казаковъ, и поселилъ въ простодушномъ народѣ ложные слухи, что казаковъ Государыня хочетъ сдѣлать солдатами, *регулярнымъ* войскомъ. Народъ волновался. Атаманъ, желая придать себѣ болѣе значенія въ гла-

(*) Отношеніе литературы къ распоряженіямъ правительственнымъ Екатерины прекрасно очерчено въ статьѣ Галахова «О сочиненіяхъ Фонвизина.» Атеней 1858 г. См. еще Русскіе сатирич. журналы Аѳанасьева. 1859. г. Стр. 220 и слѣд.

захъ черни, успокоивалъ »и давалъ надежды, что онъ все уладитъ, отправившись въ Петербургъ. Вышло иначе. Атаманъ въ Петербургъ не поѣхалъ; настало 1-е Октября 1772 года и казаки открыли страшный мятежъ. Бывшій въ Черкасскѣ Генералъ-Маіоръ Череповъ, «при обруганіи и побояхъ выгнатъ изъ города....» народъ кричалъ: «ты хочешь насъ писать въ солдаты, мы всѣ помремъ, а до того себя не допустимъ.» Явился даже *пасквилантъ*—казакъ Янченковъ, который написалъ ярый пасквиль на Черепова, гдѣ говорилъ отъ лица казаковъ: «*мы не Яицкое, а Донское Войско.*» Мятежники не пощадили даже имущества мирныхъ своихъ станичниковъ; они разбили окна, разломали крыльца, разрушили и разнесли по частямъ всѣ строенія въ домѣ одной вдовы, жены старшинской, у которой квартировалъ Череповъ. При такомъ всеобщемъ мятежѣ шинки были закрыты и содержатели жаловались Войсковой Канцеляріи, что они понесли страшные убытки (*).

Государыня, видя преступныя дѣйствія Атамана Степана Ефремова, требовала его чрезъ Военную Государственную Коллегію на судъ въ Петербургъ: Атаманъ не слушался. Три раза Коллегія присылала къ Атаману свои указы, и три раза они были оставлены безъ исполненія владыкою Дона....

Тогда Императрица, глубоко огорченная Атамана дѣйствіями, повелѣла взять его силою и представить въ Петербургъ. Ближайшимъ исполнителемъ Высочайшей воли явился Сидоръ Кирсановъ, Войсковой Старшина.

1772-го года, подъ девятое число Ноября, въ полночь, онъ взялъ до трехъ сотъ гусаръ, Азовскихъ и Таганрогскихъ казаковъ и съ ними прибылъ къ Зеленому двору (**) Ефремова. Тамъ всѣ спали....

Кирсановъ съ командою прежде вошли въ кибитку, стоящую среди двора: въ ней находилось пять казаковъ. Ставши у две-

---

(*) Указаніе на это возмущеніе можно найти въ недавно напечатанныхъ «Вопросахъ Пугачеву.» Чт. Общ. Ист. и Древн. Моск. 1858 кн. 2 стр. 3—4.

(**) Зеленый дворъ—загородная дача Атамана. Онъ находится нынѣ въ совершенныхъ развалинахъ; запустеніе полное послала ему судьба; едва ли кто-нибудь изъ казаковъ посѣщаетъ теперь знаменитый нѣкогда Зеленый дворъ. Онъ подлѣ Старо-Черкасска.

рей ея, Старшина Калпаковъ спросилъ: много ли казаковъ здѣсь? Между тѣмъ гусары взяли жару, бывшаго въ кибиткѣ, и, зажегши имъ сѣно, разсмотрѣли количество казаковъ. Въ ту же минуту казакамъ было объявлено: кто сойдетъ съ мѣста, здѣсь же будетъ убитъ. Съ сими словами гусары приставили ружья къ груди казаковъ. Затѣмъ всѣхъ ихъ вытащили изъ кибитки за волоса и, перевязавъ, окружили карауломъ. Другіе же гусары вошли въ залу, гдѣ спалъ Атаманъ Ефремовъ; бывшихъ караульныхъ Сидоръ Карсановъ велѣлъ перевязать, а нѣкоторыхъ и бить. Затѣмъ двое гусаръ, взявъ Атамана, вывели его за дворъ, посадили на изготовленную ими заводскую лошадь, отъ двора увезли,—«а мы (передаемъ словами казаковъ) всѣ остались связаны, а послѣ того, одинъ одного развязавъ и уже стренувшись, не сыскали собственнаго своего: *Савилова* (казака) боршень подъ серебромъ съ наборомъ серебренымъ въ 10 руб., бурка черная въ два руб., узда въ 40 коп., *Шейкина* лошадь сѣрая въ 20 руб.» и проч.

Атамана Ефремова содержали въ крѣпости не долго. Послѣ объявленія Потаповымъ указа Высочайшаго, взволновавшіеся казаки успокоились, и Ефремовъ отвезенъ былъ въ Петербургъ. Тамъ сначала содержался онъ весьма строго: къ нему никого недопускали; затѣмъ поослабили присмотръ и Атаманъ Ефремовъ началъ писать письма на Донъ.

Письма Ефремова—наилюбопытный историческій и психологическій документъ. Они ясно показываютъ въ Донскомъ любимцѣ человѣка непреклоннаго: онъ не тоскуетъ, не убивается, а спокойно пишетъ на Донъ, въ свое родное гнѣздо, и пишетъ, какъ чистый во всемъ и невинный. У него одинаковое попеченіе о Меланьѣ Карповнѣ, супругѣ и объ «Аленушкѣ», любимой горничной съ ея сыномъ Александрушкой... Атаманъ писалъ отъ 8 Февраля 1770 г. къ Старшинѣ Паздѣеву: «я здѣсь здоровъ и обо мнѣ ни въ чемъ не сумнѣвайтесь. Михаилѣ Шашлову прикажи, ежели что надобно будетъ *Аленушкѣ* или *Александрушкѣ*, тобъ давалъ, да и васъ прошу не давать ихъ въ обиду, и защищать ихъ такъ какъ сущихъ сиротъ.»

Мы имѣемъ подъ руками девять писемъ Атамана Степана Ефремова къ разнымъ лицамъ: онъ писалъ женѣ, Паздѣеву, Шашлову, Кульбакову, Макарову, своимъ преданнымъ старшинамъ, нако-

нецъ цѣлымъ станицамъ: Казанской и Кумшацкой: всюду въ письмахъ видѣнъ одинъ бодрый, ничѣмъ несокрушаемый духъ Атамана. Онъ вѣритъ въ свою невинность, онъ надѣется на правосудіе Императрицы, онъ думаетъ даже возвратиться на Донъ. Письма такъ оригинальны и такъ ярко представляютъ личность Атамана Ефремова, а также замѣчательное по роскошной и свободной жизни время царствованія Императрицы Екатерины Второй, что мы рѣшаемся привести ихъ всѣ сполна, кромѣ перваго, которое помѣщено нами выше:

»Братецъ Государь мой

Михайла Осиповичъ!

«Письмо ваше и при немъ назначенное число ассигнацій отъ 4-го Марта я здѣсь чрезъ посланныхъ отъ меня сего же мѣсяца получилъ 22-го дня исправно, въ которомъ пишете, что вамъ по тамошнимъ обстоятельствамъ по моему письму никакъ исправить не можно, а теперь надѣюсь на Вашу ко мнѣ непремѣнную любовь, что въ сіе время могли уже исполнить, то и уповаю, что съ симъ вѣрнымъ отъ меня жъ посланнымъ получу отъ Васъ обстоятельное свѣдѣніе; а что Артикуловъ присталъ къ плутовской партіи, такъ ему и быть; только недоумѣваю, по какимъ бы то причинамъ въ дачѣ во всякое мѣсто пашпортовъ учинено запрещеніе, пожалуй меня увѣдомьте. Къ сему же вы пишете что моя жена и *Аленушка*, *Александрушка* всѣ живутъ вообще и въ одномъ близъ Канцеляріи домѣ, да и кушаютъ за однимъ столомъ, сіе мнѣ обстоятельно объявите, тако жъ и Мержанова здѣсь и не слыхать; при семъ прошу Васъ, какъ возможно чрезъ его врученіемъ нижеписанное присылкою исполнить. О разорительномъ моемъ домѣ, сколько чего разграблено, учинить обстоя

тельную вѣдомость, извѣстную Вамъ шкатулку, такъ какъ она есть, запечатана обшита, хорошенько запечатавъ еще своею печатью, и соболій богатый мѣхъ, и что сшито для него для покрытія съ жемчужными петлицами, о которыхъ знаетъ *Аленушка*, сіе все прислать съ подателемъ сего, и какъ наивозможно не задерживая его ниже малаго времени, ко мнѣ отправте, для того, что скоро за нимъ будетъ отправленъ съ указами курьиръ, а отъ меня, съ дозволенія Коллегіи, полка Краснощокова казакъ, съ которымъ будетъ писано не такъ обстоятельно какъ здѣсь. Сіе жь получа, тотъ самый часъ обще съ Иваномъ Артемьевичемъ поищите во всѣхъ сундукахъ, нѣтъ ли какихъ писемъ; каковые отыщутся собравъ въ одно мѣсто впредь до моихъ писемъ содержите въ своемъ домѣ запечатавъ въ одно мѣсто. Женѣ жь моей Маланьѣ Карповнѣ, по отправленіи сего присланнаго объявите, что есть изъ ея платья и уборовъ лучшаго, чтобъ все выбрала и содержала въ сокровенномъ мѣстѣ. Для временнаго моего здѣсь пребыванія съ означеннымъ казакомъ, съ принадлежащимъ конвоемъ, какъ о томъ отъ меня въ Коллегію произведена просьба, ко мнѣ пришлите весь тотъ экипажъ и людей, неизъемля ничего, которые, и о какихъ ключница Дарька вѣрно знаетъ, кои были приготовлены и мною забираемы при прежнемъ благополучномъ моемъ отъѣздѣ въ Санктпетербургъ, прибавляя къ тому слѣдующее: *Александрушку* съ нянькою, егеря Тимофея и съ женою и съ кучеромъ; отдаю на Ваше разсужденіе одного Герасима или Ивана форейторовъ, Тимофея, Ваньку и Петрушку, Степку столяра, крестьянина моего Михайла, дворовыхъ трехъ Араповъ, прикащика Максима съ женою, четыре цуга лошадей, одинъ разношерстной, другой буланой, два саловыхъ, четырехъ коней сѣдельныхъ, два моихъ сѣдла золотыхъ, со всѣмъ приборомъ, одно серебреное сѣдло съ приборомъ, сабля, которая подъ смотрѣніемъ сына Вашего Дмитрія, десять плетей круглыхъ. Буде *Аленушка* платье и прочіе ей принадлежащіе приборы и шкатулы отобраны моею женою, то отъ нея все неоставляя ничего, взявъ, и съ *Аленушкою* ко мнѣ отправить и *Аленушкѣ* для проѣзду дать мою зеленую покоевую карету, шкатулку, въ которой лежитъ золотой образъ, кою знаетъ Дарька, оную въ обозѣ присовокупить къ экипажу, и въ ней, какъ и въ прочихъ сундукахъ осмотрите писемъ, кои опредѣлите, какъ вы-

ше писано, къ тому жь сундукъ съ *ронзиками* и саблями, шесть самыхъ лучшихъ ружей, съ принадлежащимъ къ нимъ приборомъ, шашку, которыя мнѣ подарилъ Тимофей Грековъ. *Аленушка* жь чтобъ истребовала отъ сестры Татьяны Семеновны три тысячи Турецкихъ червонныхъ и ко мнѣ съ собою привезла, также чтобъ не забыла взять съ собою и портретъ, однако жь портретъ извольте прислать со вручителемъ сего; но еще за всѣмъ тѣмъ, Васъ прошу и денегъ для всякой здѣсь моей надобности прислать при обозѣ двадцать тысячь рублей. Ежели отъ Ивана Петровича прислана шкатулка, то изъ оной все прибавляя къ моему сервизу ко мнѣ пришлите жь, а когда не прислано, то со вручителемъ сего дайте знать, матушкѣ Марьѣ Ивановнѣ; для содержанія ей отдайте сервизъ, который хаживалъ со мною на Зеленомъ дворѣ, а ежели моей Маланьѣ Карповнѣ, какой она пожелаетъ, да и остальное, что есть моего, вручите все ей въ руки. А обстоятельство моего дѣла симъ обстоятельно Васъ не увѣдомлю, а можете увидѣть изъ присланной съ будущимъ отъ Коллегіи курьиромъ къ Войску грамоты, изъ коей конечно невинность моя Вамъ представится, да еслибъ и того не было, то Вы и сами можете въ вѣрности Государю и рачительности Обществу въ моемъ усердіи быть вѣрными свидѣтелями и такъ видно, что только единственно судьба по безвинности моей за какой либо грѣхъ меня наказываетъ, однакожь сказано отъ смерти избавляетъ; по чему на будущее время и моя надежда остается на милость Всевидящаго Ока и на истинное правосудіе Всеавгустѣйшей Императрицы, что уповаю въ скоромъ времени и сбудется, а по несправедливому доносу *Юдина* вы сами знаете, что я не мало причиною не состою, такъ можно ль чего-нибудь мнѣ бояться. Правда и по невинности моей, хотя и совсѣмъ по ложному доносу *Сидорки* (*), носящаго образъ *Іуды Искаріотскаго*; но на первой случай мнѣ было здѣсь скучно такъ, что никого до меня не допущали, а теперь слава Богу все сіе разрѣшено, а впредь какъ и выше сказано, надѣюсь получить и прежнее... а къ тому хочу Вамъ доказать примѣръ: болѣзнь къ человѣку приходитъ вдругъ, а выходитъ помаленьку; почему жь и Васъ моего любез-

(*) Сидоръ Ѳомичъ Кирсановъ.

наго брата обще съ моими благодѣтельми прошу о откровеніи моей истинности просить Всемогущаго Бога, а я наивсегда съ моею благодарностію пребуду

Вамъ моего государя и брата доброжелательный
слуга Степанъ Ефремовъ

Числа и года нѣтъ.

Государь мой Иванъ Артемьевичъ!

По заочности Вашу доказываемую ко мнѣ любовь, я конечно по смерть мою забвенію предать не могу, и стараться долженъ сіе Вамъ заплатить моею благодарностію. О пребываніи моемъ здѣсь и о происхожденіи дѣла вручитель сего обстоятельно Вамъ можетъ изъяснить, а къ тому, изъ письма моего писаннаго къ брату Михайлѣ Осиповичу увидите; теперь же, въ надеждѣ на Вашу ко мнѣ благосклонную любовь, усердно Васъ прошу какъ наивозможно съ посылаемыхъ о требованіи меня на присланные изъ Коллегіи указы и грамоту,- четырехъ рапортовъ списавъ копіи, чрезъ сего вручителя ко мнѣ доставить. О домѣ же и моихъ домашнихъ въ неоставленіи будучи довольно увѣреннымъ Вашею дружбою, въ просьбѣ Васъ и не утруждаю, знаю, что и безъ сего во всемъ не оставите, въ каковой надеждѣ наивсегда остаюсь, и при семъ прошу милостивой моей государынѣ матушкѣ Маріѣ Ивановнѣ засвидѣтельствовать истинное мое почтеніе и поклонъ, а чтобъ на особливое письмо, что при семъ скоромъ отправленіи обстоятельно написать не могъ, а впредь съ нарочнымъ посланнымъ со всѣмъ объясненіемъ писать не примену и въ томъ бы на сей случай не изволила прогнѣваться я.

Вѣрный Вамъ слуга Степанъ Ефремовъ.

«P. S. И при семъ прошу засвидѣтельствовать мой поклонъ

Абросиму Гавриловичу и Осипу Даниловичу и всѣмъ любезнымъ старшинамъ, кто о мнѣ благодѣтельствуютъ, равно и атаманамъ молодцамъ Донскимъ казакамъ.

На особой Цыдулкѣ. И при семъ посылаю до Васъ шесть колендарей, изъ которыхъ одинъ оставьте у себя, другой Михайлѣ Осиповичу, третій Алексѣю Ивановичу, четвертый Петру Ивановичу, пятый Осипу Даниловичу и шестой Абросиму Гавриловичу.

получ 1773 г. Апрѣля 17 дня.
Благодѣтель мой Михайла Григорьевичъ!(*)

«Я почитаю Васъ за моего благодѣтеля, занеминуемо почелъ при сей оказіи о моемъ здѣсь пребываніи Вамъ подать свѣдѣніе въ моихъ обхожденіяхъ. Вы вѣрными можете быть свидѣтелями, что я во всю мою жизнь никогда недоброхотомъ отечеству не бывалъ, а всегда по долгу присяги старался всѣхъ находящихся въ моемъ вѣдѣніи имѣть въ добромъ поведеніи, которое бъ могло заслуживать славу нашему Обществу; но за все то, по недовѣдомой судьбѣ и по неправильному оклеветанію нахожу себя въ страданіи, однако жь,—по моей ни въ чемъ невинности, надѣюсь на избавленіе себя на Всевышняго Правосуднаго Судію, а къ тому и на милость Всеавгустѣйшей и Правосудной Императрицы. Васъ же прошу, по моей къ Вамъ любви, о откровеніи моей справедливости просить Всемогущаго Бога, что я имѣю наивсегда за долгъ почитать Вашей непремѣнной взаимной ко мнѣ любви. Итакъ симъ прошу засвидѣтельствовать съ благодарностію всему мною любимому Войску, почтеннымъ Атаманамъ, старикамъ и казакамъ мой поклонъ, впрочемъ

Вамъ доброжелательный слуга
Степанъ Ефремовъ.

Числа 21 Марта
1773 г.
С. Петербургъ.

(*) Старшина Макаровъ.

Любезная жена Меланья Карповна!
Желаю вамъ много лѣтъ здравствовать.

«При семъ всѣмъ любезнымъ моимъ дѣтямъ посылаю мое благословеніе.

Васъ же, Меланья Карповна, прошу, что отъ васъ будетъ требовать Михайла Осиповичъ по моему письму все, безъ всякого задержанія ему вручите, а я по милости Божіей здѣсь нахожусь благодаря Его живъ и въ добромъ здоровьи. Впрочемъ остаюсь, все то исполните, что Михайло Осиповичь вамъ перескажетъ.

Вамъ доброжелательный
Вашъ мужъ
Степанъ Ефремовъ

Числа 25 Марта
1773 г.
С. Петербургъ.

Государь моій Михэйло Гавриловичъ (*)

Подателю сего при отправленіи обратно ко мнѣ имѣете Вы выдать на дорогу ему денегъ сто рублей.

Слуга Вашъ Степанъ Ефремовъ.

«P. S. При отправленіи онаго отправить съ нимъ надежнаго человѣка, чтобы посланное отъ Васъ вѣрно ко мнѣ доставлено было.

Степанъ Ефремовъ.

26 Марта
1773 г.
С. Петербургъ.

Государь моій Петръ Ивановичъ! (**)

«По заочности Вашу доказываемую ко мнѣ любовь, я конечно

(*) Шашловъ.
(**) Кульбаковъ.

по смерть мою забвенію предать не могу, и стараться долженъ сіе Вамъ заплатить моею благодарностію. О пребываніи моемъ здѣсь и о происхожденіи дѣла вручитель сего обстоятельно Вамъ можетъ изъяснить, а къ тому изъ письма моего, писаннаго къ брату Михайлѣ Осиповичу увидите. Въ домѣ жь и моихъ домашнихъ въ неоставленіи будучи довольно увѣреннымъ вашею дружбою въ просьбѣ Васъ и не утруждаю, знаю, что и безъ сего во всемъ неоставите, въ какой надеждѣ навсегда остаюсь

Вашъ доброжелатель слуга
Степанъ Ефремовъ.

Получ. Апрѣля 10 дня 1773 года.

«Войска Донскаго Казанской станицы, почтенный Г-нъ Станичный Атаманъ, старики и молодцы здравствуйте!

«При сей оказіи зная Вашу любовь, не могъ оставить о себѣ безъ свѣдѣнія. Я въ Санктпетербургѣ слава Богу живъ и надѣюсь на милость Божію и Правосудіе Всеавгустѣйшей Императрицы такъ, чтобъ къ Вамъ возвратиться; притомъ Васъ прошу, приложенное при семъ письмо, по слѣдуемой надписи куда надлежитъ переслать съ нарочнымъ, впрочемъ и навсегда пребываю

Вашъ доброжелательный слуга
Степанъ Ефремовъ.

Число 25 Марта
1773 г.

Получ. Апрѣля 28 дня 1773 г.

«Войска Донскаго Кумшацкой станицы Почтенному Станичному Атаману (*) съ стариками и всѣмъ казакамъ.

Отъ сердца моего желаю всѣмъ при всякомъ счастливомъ благополучіи на многія лѣта здравствовать!

«Я почитаю Васъ за моихъ благодѣтелей, занеминуемо почелъ при сей оказіи о моемъ здѣсь пребываніи Вамъ подать свѣдѣнія въ моихъ обхожденіяхъ. Вы вѣрными можете быть свидѣтелями, что я во всю жизнь мою, никогда недоброхотомъ Отечеству не бывалъ, а всегда по долгу присяги старался всѣхъ, находящих-

(*) Захару Сорокину.

ся въ моемъ вѣдѣніи, имѣть въ добромъ поведеніи, которое бъ могло заслуживать славу нашему Обществу; но за все то, по недовѣдомоій судьбѣ и по неправильному оклеветанію, нахожу себя въ страданіи,—однако жь, по моей ни въ чемъ невинности, надѣюсь ко избавленію себя—на Всевышняго Правосуднаго Судію, а къ тому и на милость Всеавгустѣйшей Правосудной Императрицы. Васъ же прошу, по моей къ Вамъ любви и откровеніи моей справедливости, просить Всемогущаго Бога, что я имѣю навсегда за долгъ почитать вашей, непремѣнно взаимной, ко мнѣ любви, и тако, симъ засвидѣтельствую, съ благодарностію всему мною любимому Войску, почтеннымъ Атаманамъ, старшинамъ и казакамъ мой поклонъ.

На весь мой вѣкъ Вашъ доброжелательный слуга

Степанъ Ефремовъ.

Числа 21 Марта
1773 года.
С.-Петербургъ.»

Приведенныя письма Атамана Ефремова къ Походному Атаману Паздѣеву, старшинамъ—Ивану Янову, Петру Кульбакову и отставному Походному Есаулу Михаилу Шашлову не имѣли успѣха: онѣ были отобраны, по предписанію Потапова, Войсковою Канцеляріею. Походному Атаману Паздѣеву даже сдѣланы десять вопросныхъ пунктовъ, имѣющихъ цѣлію объяснить сущность письма къ нему отъ атамана Ефремова. Ни одна изъ просьбъ Атамана, выраженныхъ въ письмахъ, не была исполнена. Къ станицамъ посланъ былъ приказъ, дабы объявляли письма, которыя имѣютъ отъ Ефремова. Имѣніе самаго Атамана, богатое и громадное, находившееся въ Черкасскѣ, а также въ верховыхъ станицахъ, юртахъ, степяхъ, лугахъ и рѣчкахъ, описано Секундъ-Маіоромъ Архиповымъ и взято подъ секвестръ.

Многочисленному семейству Атамана положенно содержаніе. У Атамана остались въ Черкасскѣ жена, Меланья Карповна, и шестеро дѣтей. Женѣ приказано выдавать изъ имѣнія мужа по 600 рублей въ годъ, да сверхъ того: муки ржаной по 90, пшеничной по 30, пшена по 15, крупъ гречневыхъ по $7^1/_2$, овса по 45 четвертей. Яловицъ по 15, барановъ по 60, масла коровьяго по

15, конопляного по 15, соли по 35 пудъ; вина виноградного и горячаго по 60-ти ведеръ на каждый годъ, начиная съ 1774 го года.

Самаго Атамана Степана Ефремова ожидала участь, одинаковая всѣмъ преступникамъ противу закона и воли Монаршей: онъ обвиненъ въ *расхищеніи* Войсковой казны, во *взяткахъ* и *мятежѣ*, поднятомъ казаками въ 1-й день Октября 1772 года.

Государственная Военная Коллегія приговорила Атамана Ефремова къ смертной казни: его присудили *повѣсить*, но Государыня смягчила наказаніе и повелѣла, лишивъ виновника прежняго званія, сослать его на вѣчное житье въ Перновъ (*).

Послѣдніе дни жизни Атамана неизвѣстны. Мы знаемъ только, что онъ умеръ въ своемъ заточеніи....

Такъ палъ человѣкъ, сильный и могучій властелинъ Дона, богатый и славный Атаманъ! Сколько изумляетъ онъ насъ въ своемъ счастіи, столько сокрушаетъ своимъ несчастіемъ. Не могъ вмѣстить атаманъ своей силы и власти, не устоялъ, захотѣлъ бо̀льшаго и палъ, никѣмъ не увлекаемый къ паденію. Такова судьба сильныхъ міра сего!

На Дону ходитъ много слуховъ о Степанѣ Ефремовѣ и его Меланьѣ Карповнѣ, бывшей прежде простою казачкою, бубличницею. Много говорятъ о взятіи Атамана: но все преувеличено, сбивчиво, темно. Молодое поколѣніе все болѣе и болѣе забываетъ свою старину; преданія теряются и древній бытъ Донцовъ покрывается какою то непроницаемою завѣсою. Гибнутъ сокровища, откуда могъ бы извлечь труженикъ картину жизни бывалой; архивъ, сгорѣвшій въ 1858 году, погибъ и навсегда лишилъ Донъ полноты его славной исторіи. Какое-то равнодущіе къ своему родному замѣтно у Донцовъ: никто не пишетъ, никто не трудится, никто не изучаетъ....

Въ Стэро-Черкасскѣ, подъ церковью, и теперь находится множество древнихъ бумагъ, но мы были изумлены, вошедши туда. Старыми рогожами и массами пыли покрыты хартіи: ихъ никто не читаетъ, ихъ никто не разбираетъ!... Видѣнныя нами бумаги показываютъ, что въ этомъ, забытомъ и Богомъ и людьми, архивѣ хранятся драгоцѣннѣйшія страницы для исторіи Дона. ...

(*) Къ присмотру за нимъ опредѣленъ прапорщикъ Лапатинъ.

УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ НА ДОНУ.

(Отъ 1790 до 1807 года.)

«Удостовѣрившись въ самомъ дѣлѣ, въ усердіи и любви къ просвѣщенію господина Главноуправляющаго въ Земль Донскихъ казаковъ, Войсковой Канцеляріи и всѣхъ сограждан, несомнѣнныя имѣю надежды, что училища въ странѣ сей будутъ умножаемы и усовершенствованы по мѣрѣ способовъ, для сего потребныхъ.»

Графъ Северинъ Потоцкій. 1804 г.

Первое учебное заведеніе на Дону, подъ названіемъ: «*Главное Народное Училище*», было основано 1790 года въ 1-й день Апрѣля (*).

Душевно сожалѣемъ, что не можемъ сообщить подробнаго описанія этого первенца Донскихъ училищъ. Акты, необходимые для того, сгорѣли во время пожара Войсковаго архива (**). Директоръ училищъ на Дону, Подполковникъ Алексѣй Поповъ, по вступленіи на должность (1797 г.), требовалъ за прошедшіе годы отъ учителей и отъ бывшаго директора (Штабъ-Лекаря Ягодина) о числѣ, успѣхахъ и состояніи учениковъ вѣдомости, также и самъ отыскивалъ ее въ Войсковой и Военной канцеляріяхъ, но «обстоятельнаго свѣдѣнія о томъ получить не могъ.» Необходимыя для очерка «Главнаго Училища» дѣла уцѣлѣли въ архивѣ Гимназіи, да и тѣ, будучи чрезвычайно кратки, описываютъ состояніе учи-

(*) Всѣ свѣдѣнія объ училищахъ на Дону взяты нами изъ дѣлъ Гимназическаго архива.

(**) Пожаръ архива произошелъ въ 1858 г. Іюля 28. Въ архивѣ заключалось много драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Тамъ были дѣла съ 1743 года: теперь весь почти 18-й вѣкъ сгорѣлъ...

лищь только съ 1803 года. Свѣдѣнія за прежніе годы мы будемъ почерпать изъ позднѣйшихъ отчетовъ директора, изъ послужныхъ списковъ учителей и изъ разсказовъ изустныхъ (*).

Донское Главное Народное Училище помѣщалось первоначально въ предмѣстьи города Черкасска, близъ Преображенской церкви.

Первымъ Директоромъ былъ Петръ Алексѣевичъ Иловайскій, Полковникъ, Судья Войсковой Канцеляріи, сынъ Атамана Войсковаго Алексѣя Ивановича Иловайскаго. Его сотрудниками были четыре учителя, присланные графомъ Петромъ Васильевичемъ Завадовскимъ.

«Главное Училище» состояло изъ четырехъ классовъ и пятаго рисовальнаго; сверхъ того ученики II, III и IV классовъ обучались Французскому и Нѣм. языкамъ, а 1804 г. Попечитель Харьковскаго округа (Графъ Потоцкій) предписалъ ввести еще преподаваніе Риторики и Логики.

Учителей числилось въ 1804 г. восемь человѣкъ: Божковскій, Золотаревъ, Ганикъ, Арнольди, Гречеповскій, Яновскій, Протоіерей Оридовскій и помощникъ учителя Денисовъ.

Въ 1804 г. на актѣ «Училища» притутствовали дворянство, генералитетъ и другіе любители просвѣщенія. Ученики говорили рѣчи на Фрэнц. и Нѣм. языкахъ. При испытаніи, вниманіе посѣтителей обратилъ на себя рисунокъ ученика VI-го кл. Картушина, изображающій «разгнѣваннаго Ахиллеса, волочащаго бездыханное тѣло Гектора, привязанное къ его колесницѣ.» Тогда же положено: рисунокъ поставить подъ стекломъ, въ золотой рамкѣ, въ училищномъ домѣ. Два дня производились испытанія и господинъ Войсковой Атаманъ (Платовъ) «въ оба дни изъявлялъ за успѣхи въ наукахъ чувствительнымъ образомъ свою благодарность директору и учителямъ и всѣ посѣтители отмѣнно были довольны, которые отъ него въ оба дня угощаемы были приличными времени и случаю напитками, а хоръ въ сіе время пѣлъ: Тебе Бога хвалимъ и другіе концерты.» Ученики же «были привѣтствованы отъ Атамана Платова разными фруктами и конфектами.»

26 Мая 1805 г. «Училище» посѣтилъ Преосвященный Арсеній,

(*) Такъ мы много обязаны М. О. Назарову, почтенному старцу—Есаулу. Онъ былъ въ числѣ учениковъ Главнаго Училища 1790 года.

Епископъ Воронежскій, вмѣстѣ съ Войсковымъ Атаманомъ Платовымъ. Любопытное описаніе этого посѣщенія мы рѣшаемся предложить здѣсь:

«1) По принятіи Директоромъ надлежащихъ мѣръ при входѣ знаменитыхъ посѣтителей въ первый классъ училища, ученикъ Василій Грековъ произноситъ приличную сему случаю рѣчь, послѣ которой учитель спрашиваетъ учениковъ изъ правилъ для учащихся, изъ Катехизиса и изъ Священной Исторіи.

«2) Оттуда входятъ во II-й классъ, въ коемъ Учитель Яновскій говоритъ рѣчь и потомъ спрашиваетъ учениковъ изъ книги «О должностяхъ человѣка и гражданина», изъ пространнаго Катехизиса и Ариѳметики.

«3) Послѣ того открываются библіотека и кабинеты.

«4) По разсмотрѣніи коихъ приходятъ въ третій классъ: тамъ произносится рѣчь на Фран. и переводъ съ оной на Россійскомъ языкахъ учениками—Терезниковымъ и Макѣевымъ и спрашиваются ученики изъ предметовъ: Фран. яз. учителемъ, а Нѣмецкаго сего языка учителемъ.

«5) Въ IV классѣ по произнесеніи ученикомъ Кондратьевымъ рѣчи, учитель математическихъ и словесныхъ наукъ, спрашиваетъ учениковъ изъ Геометріи и Механики. а потомъ учитель Логики и Риторики испытываетъ учениковъ изъ сихъ учебныхъ предметовъ.»

Программа обширная и утомительная! Мы думаемъ, что она многимъ напоминаетъ счастливое старое время, когда на каждое дѣйствіе и на всякую вещичку высокой особы или *милостивцевъ* писали оды. Цѣлая литература конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка возстаетъ передъ нами съ великолѣпными одами на фейерверки, иллюминаціи, на полученіе орденовъ графами и князьями; подымается этотъ наилюбопытный вѣкъ нашей литературы съ акростихами, мельестихами, рондо, тріолетами, шарадами, экспромтами и прочими летучими, дѣтскими погремушками піитовъ. Вотъ они занимательные факты! Тредьяковскій написалъ похвальное слово конференцъ-залѣ академической; Кондратовичъ (XVIII в.) собралъ и сочинилъ 10,000 эпиграммъ; кто-то выдумалъ огромный акростихъ Румянцеву, изображающій его имя, отчество и фамилію и, кажется, всѣ его побѣды. Ал. Еф. Измайлову прислалъ одинъ Украинскій поэтъ для помѣщенія въ «Благонамѣренномъ» 365 шарадъ, Жуковскій подарилъ насъ элегіею на смерть

чижика, а Ал. Еф. Измайловъ написалъ цѣлое посланіе къ собакѣ С. Д. Пономаревой. Такой, повторяемъ, былъ вѣкъ! А жизнь учебнаго заведенія идетъ на ряду съ убѣжденіями массы; изученіе училищъ прольетъ много свѣту на самый ходъ идей въ обществѣ.

Будучи убѣждены, что любопытно все, относящееся къ дѣтству учебнаго заведенія, мы рѣшаемся привести тѣ рѣчи, которыя говорены учениками и учителемъ «Главнаго Училища» въ помянутое посѣщеніе.

Первую рѣчь произносилъ въ I- мъ кл. ученикъ Василій Грековъ:

«Ко благу нашему, устроенному попеченіемъ Войска Донскаго начальства заведеніемъ училищъ, присоединяется днесь благоденственное обрадованіе видѣть высокопочтеннѣйшаго Архипастыря посреди нашихъ дѣтскихъ учебныхъ упражненій. Преосвященнѣйшій Владыко! пріими изъ устъ юныхъ дѣтей слабо изображаемую, но искреннюю признателяность благодарности. Пріими радостное и усердное чувствованіе торжествующихъ днесь нашихъ сердецъ.»

Вторая рѣчь сказана во II-мъ классѣ Учителемъ Яновскимъ.

«Наконецъ и здѣсь, въ семъ самомъ мѣстѣ, посвященномъ для образованія Донскаго юношества, имѣемъ счастіе видѣть святительскій образъ твой, преосвященнѣйшій Владыко! Дѣти, торжествуйте! Ваше состояніе благоденственно. Вы, за вашими упражненіями удостоились нынѣ посѣщенія, вниманія сего знаменитаго мужа, сего всею паствою любимаго Архипастыря; да будетъ же сіе истинною наградою вашихъ успѣховъ и единственнымъ поощреніемъ къ вашему дальнѣйшему упражненію въ наукахъ! Посѣщеніе вашего преосвященства сего училища, покровительствуемаго въ особливости начальникомъ Донскаго Войска, есть и будетъ для насъ истиннымъ доказательствомъ особенной вашей любви къ наукамъ, особенной любви и благорасположенія ко всему обучающемуся онымъ юношеству. Оно пребудетъ незабвенно въ нашихъ сердцахъ и неизгладимо вѣчно *въ исторіи* Донскаго Училища.»

Рѣчь въ III-мъ классѣ ученикъ Никандръ Терезниковъ произносилъ:

«Quelle felicité de voir un homme, aussi instrui, que celebre, prendre part à nos occupations pans les sciences protegés par nos chefs. Ce

jour servira pour la recompence de nos peines, pour le soutien dans notre de sàillance aux progrés, que nous serons dans les sciences et qu'il soit les plus brillant de notre vie. Nous temoignerons notre sincere reconnaisance par une assiduité distingue dans la culture de notre esprit et de nos facultès, pour la sainté bènediction de votre eminences (*).»

Въ IV кл. ученикъ Василій Кондратьевъ:

«Дражайшіе посѣтители! Счастіе рѣдкое и, можетъ быть, единственное въ жизни нашей! Видѣть у себя достославныхъ вождей къ блаженству на землѣ и къ вѣчности въ небесахъ, единаго— вещественно благотворящаго намъ, а другаго, подкрѣпляюща надеждою высшей благодати. При всей радости нашей не въ силахъ будучи принять богатымъ, васъ, знаменитые посѣтители, достойнымъ угощеніемъ, надѣемся, что и сихъ чистыхъ изліяніи дѣтской любви и благоговѣнія не отриньте, по свойственному великимъ душамъ снисхожденію и удостоивъ училище здѣшнее отеческаго призрѣнія удостойте и споспѣшествующаго благословенія.»

Учебники въ «Главномъ Донскомъ Училищѣ» употреблялись изданные для народныхъ училищъ, по Высочайшему повѣленію: они составлены, большею частію, знаменитымъ Янковичемъ (**). Вороновъ, въ своемъ сочиненіи «Историко-Статистическое обозрѣніе учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго учебнаго округа» перечисляетъ всѣ учебники, которые введены были во всѣхъ училищахъ. Вотъ названія ихъ: Россійскій букварь, Сокращенный

(*) Вотъ переводъ, приложенный къ подлиннику: «Какое вожделѣнное ощущеніе видѣть толико ученаго и знаменитаго мужа, удостоивающаго наши въ наукахъ упражненія покровительствуемыя здѣшнимъ начальствомъ, своимъ воззрѣніемъ. Се награда наша въ нашихъ трудахъ, се утвержденіе наше къ тщательнымъ успѣхамъ въ ученіи. Да будетъ сей день блистательнѣйшимъ въ нашей жизни отличнаго прилежаніямъ развитія нашихъ способностей, превосходнѣйшаго дѣятельностію удобренія нашихъ поступокъ, искреннѣйшей благодарности нашей и толь пріятнѣйшаго для насъ отъ вашего, преосвящ. Владыко, благословенія!» Въ дѣлахъ архива есть нѣсколько и другихъ рѣчей, сказаныхъ Атаману въ разное время. Такъ 2 окт. 1805 г. произнесены четыре рѣчи Платову во время его слѣдованія въ дѣйствующую армію. 15 Дек. 1806 г. произнесены ему рѣчи на Латинскомъ и Русскомъ языкахъ, а также разговоръ между учениками, при отправленіи Платова тоже въ армію.

(**) Заслуги Янковича де-Мирієво указаны въ Жур. д. Воспитанія Вороновымъ 1858 г. и изд. въ особой книгѣ.

Катехизисъ, Правила для учащихся, Книга о должностяхъ человѣка и гражданина, Пространный Катехизисъ, Руководство къ Физикѣ, Русская Географія, Ариѳметика, Русская Исторія (Стриттера до 1599 г.), Геометрія, Механика, Гражданская Архитектура, Русская Грамматика (проф. Барсова, а потомъ Соколова), Естественная исторія, ручной атласъ Европы и Россіи.» Всѣ эти книги и пособія были изданы Коммисіею народныхъ училищъ (отъ 1782 до 1716 г.), при главномъ и почти единственномъ участіи Янковича (*).

Назвавши руководства, по которымъ учились въ Главномъ «Донскомъ Училищѣ» мы обратимъ особенное вниманіе на его библіотеки и кабинеты.

Библіотека, по нашему мнѣнію, самая вѣрная оцѣнка учебнаго заведенія и его педагоговъ. Войдите въ наши училищныя библіотеки, вы будете поражены: погребомъ , гдѣ царствуютъ мыши, отдаютъ эти красные шкафы. Отворите шкафъ; возмите книгу: тамъ пыли куча! Нѣкоторыя книги, какъ допотопная рѣдкость, и не разворачивались еще... Вы не ошибетесь, если скажете, что учители здѣсь *добрые* ребята.... Самый *выборъ* книгъ для библіотеки служитъ вывѣскою умственнаго развитія пекущихся о ней. Мы знаемъ гимназію, (а можетъ быть и много найдется такихъ), гдѣ есть книжка: «Тысяча остротъ, каламбуромъ и глупостей о женщинахъ,» а нѣтъ Полнаго Собранія Р. лѣтописей, нѣтъ Актовъ Археограф. Экспедиціи,—преподается Законовѣдѣніе, и нѣтъ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи, есть брошюра «о фабреніи усовъ» и нѣтъ... нѣтъ... Да что много толковать? Вотъ каталогъ библіотеки упоминаемой нами гимназіи! Въ отдѣлѣ: «Прозаическія и піитическія произведенія» находятся слѣдующія наилюбопытнѣйшія книжечки: «Письма къ двумъ молодымъ замужнимъ женщинамъ о важныхъ предметахъ, Алексисъ или домикъ въ лѣсу, Лэди Елена и Леди Анна или пагубныя слѣдствія расточительности, Гаю – Кіу–Чушь, или благополучный бракъ, Парижская дура, Пустынникъ на камнѣ, или исторія Маркизы Лозаны и Графа Лиція, Темные разсказы опрокинутой головы, Іоаннъ Хеимингъ, четвертый и послѣдній владѣлецъ земныхъ, воз-

(*) «Обозрѣніе» Воронова стр. 18, 27, 38, 59, 67 и 68.

душныхъ, огненныхъ и водяныхъ духовъ, Гузаратскія Султанши или сны неспящихъ людей, Машенька при горѣ Хоривѣ, Хижина среди Пиринейскихъ горъ, Искусство быть любимымъ своею женою, Несчастные любовники, Несчастный любовникъ, Пугайко чертовъ братъ (за этою книгою вдругъ же слѣдуетъ ученое сочиненіе *Буслаева* «о вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ»: каковъ каталогъ!...),—Способъ для дѣвушекъ взять себѣ супруга по собственному выбору, Чертовы ночи, Не любо не слушай, а лгать не мѣшай, Иванъ, беззаботная голова, Письмо похвальное пуншу въ стихахъ и проч. и пр. Такія и многая множества-болѣе 500 названій—подобныхъ пустыхъ вещицъ числятся по каталогу библіотеки, а нѣтъ Лажечникова (кромѣ одной книжки стастаго изданія), посмертныхъ сочиненій Жуковскаго, Тургенева, Гончарова, Григоровича, графа Толстаго, Островскаго, Соллогуба, Лярскаго, Шербины, Крестовскаго, Писемскаго, Фета, Майкова (новаго изданія), Некрасова, Никитина, Плещеева; не найдете монографій Буслаева, Бодянскаго, Булича, Майкова, Пыпина и пр... Не имѣется Ученыхъ Записокъ 2-го отдѣл. Академіи наукъ (ни одной книги); къ отдѣлу «языкознанія» отнесены: Пропилеи Леонтьева, Исторія Римскаго народа Тита Ливія, посланіе Горація къ Пизономъ, библіотека Римскихъ писателей Клеванова; въ отдѣлѣ «Статистики» поставлены: «Обозрѣніе учебныхъ заведеній Воронова, Путеводитель по Императорской публичной библіотекѣ, Достопримѣчательности Полтавы, Списокъ удостоенныхъ знакомъ отличія безпорочной службы, Панорама С. П. Бурга съ тремя планами.... Таковъ каталогъ одной изъ нашихъ гимназій! Онъ весьма говоритъ о завѣдующихъ библіотекою... Для визитаторомъ каталогъ —самая вѣрная мѣрка ума преподавателей и директора, а книги въ шкафахъ, проѣденныя молью и покрытыя пылью — прекрасный отзывъ о педагогическоіі дѣятельности учебнаго заведенія (*).

Вотъ почему мы желаемъ показать каталогъ книгъ «Главнаго Донскаго Училища.» Мы узнаемъ, что читали наши предшественники, если нельзя узнать, какъ читали. Замѣтимъ кстати,

---

(*) Въ названной нами гимназіи выписывается 22 современныхъ журнала, между которыми нѣтъ Извѣстій Академіи, Чтеній Исторіи и Древностей, Русскаго Географ. Вѣстника, Архива Колачева, Библіографич. Записокъ и пр.

что весьми бы полезно было обт[illegible]лять гласно о книгахъ, ежегодно выписываемыхъ въ училищахъ, а равно при историческомъ обозрѣніи учебныхъ заведеній вычислять, какія именно книги находились въ библіотекѣ. У гг. Воронова и Фортунатова (Пятидесятилѣтіе Олонецкой Гимназіи Ж. М. Н. Пр. 1858 Сен.) не сдѣлано этого.

Въ библіотекѣ «Донскаго Главнаго Народнаго Училища» въ 1858 г., сверхъ учебныхъ книгъ, числилось 138 названій. Назовемъ нѣкоторыя: Дѣянія Петра Великаго 30 частей, Ермитажный театръ Екатерины Великой, Астрономія Фергусона, Тактическія правила, Сочиненія о турфѣ, Поэма благодать, Пантеонъ Россійскихъ Авторовъ, Грамматика юридическая, Уставъ воинской гусарской службы, Ораторія «Четыре времени года» Гайдна, Уставъ воинской полевой кавалерійской службы, Уставъ воинскои пѣхотной службы, Историческое изображеніе Грузіи, Остереженіе отъ всѣхъ грѣховъ, Исторія краткая Россійской торговли, Описаніе любопытное о табакѣ, Начертаніе знаній 7 частей кавалера Лемма, Театръ Коцебу 13 частей, Полный Нѣмецко—Россійскій лексиконъ Аделунга, Лексиконъ Татищева, Россійско—Франц—Нѣмецкій Словарь Гейма, Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія, Московскія вѣдомости 1803 г., Новости Русской литературы, Московскія и Гамбургскія Нѣмецкія вѣдомости, С. П. Бургскій журналъ 1805 г., Минералогія Севергина, Математика Осиповскаго, О нравахъ и обычаяхъ Римлянъ, Размышленіе о природѣ, Система міра, статья О душѣ человѣка, Критическія примѣчанія Болтина, Рисовальная книга Ле-Клерка, Сочиненія Карамзина, Сочиненія г. Дмитріева, Метафизика Баумейстера, Анастасисъ — обязанности предупреждать возможность погребенія живыхъ, Лексиконы Нордстета, Математика Кестнера, и др. короче: библіотека имѣла, кромѣ учебниковъ, 138 названій книгъ. Всѣ онѣ пріобрѣтены «Училищемъ» только за вторую половину 1804 и первую 1805 годовъ. (Такъ значится въ рапортѣ тогдашняго времени Директора Попова). Какія книги были прежде этихъ годовъ, сказать не можемъ.

Теперь рѣчь о кабинетахъ. — Въ 1804 году, въ послѣдней его половинѣ, для кабинета куплена машина гальванизма, состоящая изъ ящика, 62 цинковыхъ кружковъ, «толикаго же числа грошоковиковъ, суконныхъ кружковъ и мѣдной цѣпочки.» Сверхъ

того поступили слѣдующіе предметы: окаменѣлый медовый сотъ молодыхъ пчелъ и старыхъ, окаменѣлая губка, окаменѣлый грибъ, окаменѣлый червь, двѣ окаменѣлыя сосновыя вѣточки, въ смолистомъ, песчаномъ, рухляковомъ сланцѣ окаменѣлые черви, окаменѣлый птичій языкъ, двѣ морскія улитки, желтоватый, гладкій, круглопродолговатый камушекъ, подобно вынимаемымъ у страждущихъ каменною болѣзнію, охрусталованная вогнутая щепка, полусогнувшіе кости и зубы «большаго звѣря, но невѣроятно мнятъ человѣчьи,» найденные въ землѣ на лѣвой сторонѣ Дона (и рѣчки Кагалькина), модель вѣтреной мельницы, сдѣланная ученикомъ Донскаго Главнаго Училища. Машина была куплена Директоромъ за Войсковыя деньги; кости и зубы большаго звѣря доставлены Войсковою Канцеляріею, а прочее все подарено въ «Училище» Генералъ—Маіоромъ Борисомъ Грековымъ.

Вообще же кабинетъ Естественной Исторіи къ 1805 году состоялъ изъ 274 вещей, математическій изъ 19 нумеровъ инструментовъ и припасовъ, а физическій изъ 7 нумеровъ машинъ и инструментовъ; кромѣ того картъ, чертежей, эстамповъ, рисунковъ и рисовальныхъ книгъ 25 нумеровъ. Подробнѣе о кабинетахъ не смѣемъ ничего сказать. Директоръ тогдашній Поповъ вотъ что писалъ въ 1804 году: «въ готовальникѣ отъ геометрическаго инструмента остался только одинъ транспортиръ; а прочіе утрачены до вступленія Директора Попова въ настоящую должность по причинѣ тогда состоянія кабинетовъ и библіотеки безъ призрѣнія.»

Не смотря на такое состояніе кабинета, все таки нельзя назвать его ничтожнымъ. Если сравнимъ кабинетъ «Донскаго Училища» съ другими Петербурскаго округа, то увидимъ даже большое предпочтеніе на нашей сторонѣ.

Г. Вороновъ говоритъ: «въ Новогородскомъ Главномъ Училищѣ минеральный кабинетъ состоялъ изъ 201 штуфа, въ Псковскомъ Главномъ Училищѣ было физич. орудій пять; въ Вологодскомъ —253; въ Олонецкомъ—нѣтъ кабинета; въ Архангельскомъ 100 камней (*).

Заключая нашу замѣтку о библіотекѣ и кабинетахъ «Донскаго Училища,» мы поставляемъ непремѣнною своею обязанностію

(*) Обозрѣніе, стр 62—63.

сказать о важномъ распоряженіи, существовавшемъ тогда — это *дозволеніе брать книги изъ библіотеки* всѣмъ благонадежнымъ людямъ, подъ росписку. Прекрасное, умное распоряженіе! Не имѣемъ мы фактовъ, какъ оно было благодѣтельно, но самая мысль достойна искренняго сочувствія, особенно въ наше, полное свѣтлыхъ начинаній, время. Г. Невѣровъ, Директоръ Ставропольской Гимназіи, *первый*, кажется, вводитъ эту мысль въ исполненіе (*): дай Богъ, чтобы она принесла обильные и чистые плоды!

Опредѣленной суммы нъ содержаніе «Главнаго Училища» не было положено; но Войсковая Канцелярія постоянно отпускала деньги, по требованіямъ Директора; сверхъ того представила ему право расходывать на нужды «Училища» деньги, взятыя за продажу учебниковъ. Сумма на «Училище» собиралась изъ штрафныхъ и по суду взыскиваемыхъ денегъ. Учителямъ «Главнаго Училища» опредѣлено жалованье: однимъ 400 р., другимъ 300, а инымъ 200. Кромѣ жалованья, имъ выдавалось отъ Войска на квартиру, на свѣчи и на дрова по 56, а иногда по 80 рублей въ годъ; каждый получалъ 2,500 пуковъ камыша, сажень кизека и сажень дровъ въ годъ, если не бралъ денегъ.

Съ 1804 го же года идутъ вѣдомости о приходѣ суммъ «Главнаго Донскаго Училища.» Для образца приложимъ одну изъ нихъ.

«*Приходъ*: Выдача на содержаніе училища денегъ происходила изъ Войсковой суммы по предписаніямъ казначейству Войска Донскаго изъ Войсковой Канцеляріи.

Кромѣ того, она представляла Директору собираемыя за учебныя книги изъ числа той суммы деньги, коихъ 1804 г. состояло со 129 рублями, отъ ней выданными . . . . 439 р. 48 к.

Принято купленныхъ, сверхъ учебныхъ, 22 книги, 25 кунштовъ и машина гальванизма, цѣною на . . . . . 257 — 21 —

Расходъ: Годоваго жалованья Директору . . 800 —

Учителю Математики и Словесности, квартирующему въ Войсковомъ домѣ жалованья 400, на дрова 56, на свѣчи 7 р. 50 к., а всего . . 463 — 50 —

Учителю Исторіи тамъ же квартирующему, жалованья 400, на дрова 56, на свѣчи 7 р. 50 к.,

(*) Русскій Педагогическій Вѣстникъ 1858 г. «Кодексъ для воспитанниковъ гимназіи.»

всего . . . . . 463 — 50 —

Учителю 2-го класса жадованья 200, на квартиру 60, на дрова 56, на свѣчи 5 р., для поправленія его состоянія Войсковою Канцеляріею подарено 100, а всего . . . . . 421 —

Учителю 1-го и рисовальнаго классовъ жалованья 300, на квартиру 60, на дрова 56, на свѣчи 5, а всего . . . . . 421 —

Училищному помощнику на все . . . . 140 — 50 —

Учительскому помощнику съ Генв. по 6-е Февр. 4 — 56 —

Учителю Нѣмецкаго языка съ 15-го Іюня жалованья 182 — 33, на проѣздъ изъ С. П. Б. до Черкаска 200, Канцеляріею подарено 100, на свѣчи 3 — 60, а всего, кромѣ отпускаемыхъ изъ Войсковой Канцеляріи дровъ, доставляемыхъ изъ Войсковыхъ юртовъ, и для служенія человѣка и платы за квартиру . . . . . 486 — 93 —

Учителю Французскаго языка . . . . . 486 — 93 —

Изъ предоставленной Войсковою Канцеляріею суммы Директору для учебныхъ книгъ употреблено . . . . . 100 — 94 —

За машину гальванизма . . . . . 15 —

За 25 куншговъ для рисованія . . . . . 8 —

За Московскія и Гамбургскія Нѣмецкія вѣдомости . . . . . 55 — 51 —

За квартиры Учителей Французскаго и Нѣмецкаго языковъ. . . . . 47 — 60 —

За наемную для библіотеки комнату . . . 5 — 70 —

За сальныя свѣчи . . . . . 3 — 87 —

За извозъ изъ Москвы книгъ . . . . . 12 — 99 —

За 16 подсвѣчниковъ жестяныхъ и 5 щипцовъ 2 — 90 —

За бумагу и сургучь . . . . . 6 — 40 —

За перекладку и починку печей . . . . 36 — 50 —

За перевозку приготовленнаго отъ Канцеляріи камыша и, сверхъ того, на покупку онаго и бурьяна . . . . . 39 — 49—

За починку училищныхъ часовъ . . . . 5 —

За починку столовъ, стульевъ, ящика теле-

скопнаго, оконъ, досокъ, и за мѣлъ, за покрывала на инструменты и машины, за вѣники, гвозди, карандаши, клей, трутъ, мусатъ, кремни, сѣру, крюки, и петли на ставни . . . . . 47 — 59 —

За лѣсъ и распилку и для дѣланія на книги шкафовъ . . . . . 25 — 30 —

Итого изъ предоставленной Директору суммы денегъ употреблено . . . . . 423 — 54 —

Всего же втеченіи 1804 года въ расходѣ . . 4,111 р. 46 к.

Остатокъ отъ этой суммы 55 р. 99 к. причисляется къ приходу 1805 года.»

Таблица эта ясно показываетъ жизнь «Главнаго Донскаго Училища» и его учителей. Учители «Главнаго Училища» блаженствовали; ихъ жалованье было отличное: тогдашніе 400 р. ассигнаціями равняются нынѣшнимъ 400 р. серебромъ, если не превосходятъ ихъ. Учители получали на квартиру, на отопленіе и освѣщеніе: мы теперь и сотой доли того не видимъ. У насъ на Дону ни одному учителю нѣтъ казенной квартиры; никому не выдается на отопленіе и освѣщеніе. Получишь 393 р. сер. 66 к. въ годъ и живи, какъ хочешь. Тогда, въ 1804 году, на Дону было самое дешевое житье: все нипочемъ. *Грошъ* стоила дикая утка, *на пятакъ* получали десятки стерлядей, *гривна* мѣдная шла за фунтъ икры свѣжей, *копѣйка* за фунтъ говядины, квартира съ 5-ю комнатами 10 руб. ассигн. рай, а не жизнь! Тогда учителямъ оставалось только учить, благодаря Бога и кормильца своего, тихій Донъ Ивановичъ.... Теперь не то. Квартира въ три комнаты 200 р. серебромъ: ваша должна быть и мебель; фунтъ говядны 6 коп. сер. да и той иногда нельзя достать; сула (судакъ) 20 и 30 к. сер. (не всегда разумѣется; бываетъ дешевле и дороже); булка хлѣба, едва могущая вашъ утолить голодъ, 6 к. сер., икра 50, 60, 80 коп сер., рубль и два рубля: была даже по три рубля серебромъ за фунтъ; фунтъ стерляди ниже 5 копѣекъ не бываетъ, а выше 30 к. почти всегда; масло коровье 20 к. сер., баранина 10, телятина 25 к. сер. Жизнь отличная, не правда ли? Прислуга 3 и 7 руб. на мѣсяцъ, бочка воды 40 и 50 к. сер., меньше 25 к не бываетъ; за брусъ деревянный девяти — аршинный 7 и 10 рублей; за сапоги съ галошами 10 р; за мытье рубашки крахмальной 15 к. сер. Какъ прикажете жить

съ 393 руб. въ годъ? Остается одно изъ двухъ учителю: или весть жизнь поденьщика – бѣгать съ утра до вечера изъ Гимназіи въ Пансіонъ изъ Пансіона въ Институтъ, изъ Института опять въ Гимназію: это все въ одинъ день, и, пришедъ (ѣздить вы лучше не думайте) домой, снопомъ рухнуться на постель и лежать до завтра,—*или* пуститься въ неоплатные долги и, отказавшись отъ частныхъ уроковъ, сидѣть дома и трудиться... Совмѣстить же частные уроки съ домашними занятіями по службѣ нѣтъ никакой возможности. Или Гимназія, или деньги, — или должность, или жизнь, — или ученье, или общество: выбирайте любое! «Быть или не быть»!

Очертивши жизнь учителей «Главнаго Народнаго Училища», и жизнь учителей настоящей Гимназіи, мы продолжимъ свои замѣтки объ ученіи тогдашнемъ. Ученье въ «Училищѣ» продолжалось до обѣда и послѣ обѣда. Учители въ своихъ рапортахъ отмѣчали возрастъ ученика, время поступленія въ классъ, состояніе родителей (сословіе), способности питомца, прилежаніе, поведеніе, опущеніе классовъ, сколько пройдено предмета, наконецъ въ особой графѣ (чего къ сожалѣнію нѣтъ теперь): посѣщалъ ли директоръ классы и сколько разъ?

Любопытны отмѣтки по всѣмъ означеннымъ предметамъ, дѣлаемыя учителями! Такъ *о способностяхъ* учениковъ иногда отзываются: не безъ понятія, съ понятіемъ, слабаго понятія, малаго понятія, понятенъ, отъ части понятенъ, средственъ, тупъ, остръ, годится, не знаю, что о семъ (ученикѣ) сказать, развѣ что средственъ, не знаю, гдѣ сей дѣвается изъ класса, — будетъ способенъ, когда не будетъ лѣниться, тупъ, съ тупостью и пр. *О прилежаніи* тако: прилеженъ, рачителенъ, успѣшенъ, не завиденъ, годится, не прилеженъ, лѣнивъ, частію прилеженъ, средственъ, лѣнивъ и лѣнится, старается, не безъ лѣности, *тупъ и глупъ*. *О поведеніи*: не дуренъ, смиренъ, шалитъ, не худъ, хорошъ, шалунъ, благонравенъ, съ рѣзвостію, не безъ рѣзвости, тихъ, средственъ, рѣзвъ, скроменъ. *О посѣщеніи* директора такія примѣчанія находимъ: «господинъ Директоръ, Подполковникъ Алексѣй Григорьевичъ Поповъ, неутомимо имѣя попеченіе о просвѣщеніи юношества, всегда посѣщалъ классы»; или: «Директоръ по сродной съ его качествами и усердной къ наукамъ наклонности всегда въ классъ приходилъ, наблюдая все относящееся къ его должно-

сти»; или: «Директоръ неоднократно былъ въ прошедшихъ мѣсяцахъ въ классахъ». Учители Божковскій и Золотаревъ однажды написали: «у многихъ учениковъ нѣтъ Россійскихъ грамматикъ, а у нѣкоторыхъ и ариѳметикъ, отъ чего плохо успѣваютъ». Противъ этого Директоръ замѣтилъ: «9-го Марта на сіе писалъ учителю, за невыпускомъ изъ печати грамматикъ, пусть ученики оную пишутъ; а ариѳметикъ сколько угодно могутъ за деньги получить изъ библіотеки». Директоръ Поповъ аттестовалъ своихъ сотрудниковъ довольно скупо. *О поведеніи* такъ отзывался: изрядное, благопристойное, неприличное его состоянію, пристойное, хорошее. *О прилежаніи*: довольное, рачительное, слабое, не тщательное, прилежное, дознанное, *иногда наглое и безразсудное*.

Теперь скажемъ о другихъ училищахъ на Дону и о частныхъ школахъ, существовавшихъ до открытія Гимназіи.

Кромѣ «Донскаго Главнаго Народнаго Училища» были на Дону слѣдующія училища: *Усть-Медвѣдицкое, Приходское Мачихинское и Чирское*. Объ этихъ учебныхъ заведеніяхъ мы имѣемъ подъ руками самыя скудныя свѣдѣнія.

Усть-Медвѣдицкое Училище открыто 18 Генваря 1803 года. Учителей два: одинъ получалъ жалованья 210, а другой 120 р. Библіотека самая ничтожная: въ ней находилось, кромѣ учебниковъ, 4 книги. Сохранилось извѣстіе, что 1-го Генв. 1805 года въ «Училищѣ» происходилъ актъ; говорились рѣчи предъ началомъ и окончаніемъ торжества. Успѣхи найдены самые лучшіе и произвели «въ собраніи удовольствіе и признательность».

Приходское Мачихинское Училище находилось въ слободѣ Генералъ-Майора Курнакова для трехъ его слободъ. Здѣсь учились почти исключительно поселяне. Оно открыто 6-го Ноября 1803 года, а торжественно 8-го Сентября 1804 года. При испытаніи 1805 г. усмотрѣны «довольные успѣхи въ ученіи». Учитель одинъ. Учебныхъ книгъ и пособій не показано въ вѣдомости.

Чирское Училище основано въ Нижне-Чирской станицѣ 7-го Мая 1804 г., а торжественно открыто 14 (16) Сентября. Учитель одинъ. Въ библіотекѣ, кромѣ учебныхъ книгъ, 48. Актъ былъ 1805 г. 6-го Генваря. Говорились рѣчи; показывались рисунки; въ заключеніе ученикъ произнесъ «Разговоръ о благотворительной пользѣ сего училища». «Все сіе», доносилъ Директоръ,

«произвело въ собраніи отмѣнное удовольствіе». На такой отзывъ Попечитель замѣтилъ: «съ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что училища доведены были до того, что порядочные дѣлали отвѣты на предлагаемые учителемъ вопросы; сомнѣваюсь только, чтобы отвѣты ихъ могли слушателей приводить въ восхищеніе, судя по краткости времени, въ теченіе котораго они обучаются». Во время акта внесено было посѣтителями въ пользу библіотеки 190 рублей.

Число учащихся на Дону въ названныхъ нами четырехъ училищахъ представляетъ довольно свѣтлую картину. Сравнивъ показанія наши съ показаніями г. Воронова, мы остаемся въ сладкомъ убѣжденіи, что преимущество останется за Донскими училищами. Вотъ изчисленіе: отъ заведенія «Главнаго Училища» 1-го Апрѣля 1790 г. по 1-е Генваря 1795 г. перебыло въ немъ 289 учениковъ. Въ теченіе же 1794 г. находилось всѣхъ на лицо 115: въ первомъ классѣ 42, во второмъ 30, въ третьемъ 25, въ четвертомъ 18. Изъ нихъ окончившихъ полный курсъ 4 человѣка.

Съ 1-го Апрѣля 1795 г. по 21-е Марта 1796 г. поступило въ «Училище» учениковъ 41; въ 1797 г. 8 человѣкъ еще прибыло.

Въ 1798 г. учащихся въ «*Главномъ Училищѣ*» было. . . 80.

Въ 1799 . . . 120.
Въ 1800 . . . неизвѣстно.
Въ 1801 . . . 134.
Въ 1802 . . . 224.
Въ 1803 . . . 244.
Въ 1804 . . . 278.
Въ 1805 . . . 253.

Въ Усть-Медвѣдицкомъ:

Въ 1803 . . . 53.
Въ 1804 . . . 73.
Въ 1805 . . . 71.

Въ Чирскомъ:

Въ 1804 . . . 26.
Въ 1805 . . . 38.

Въ Мачихинскомъ:

Въ 1804 . . . 50.

Въ 1805 . . . 100.

Такимъ образомъ на Дону учащихся въ 1805 году, когда открыта Гимназія, было *462:* цыфра отрадная (*) !

Въ 1805 г. въ Войскѣ Донскомъ не было ни типографіи, ни пансіоновъ, ни переплетчиковъ (по станицамъ); существовали только по мѣстамъ домашнія школы, гдѣ дѣти обучались письму, азбукѣ, часослову и псалтырю, подъ руководствомъ педагоговъ въ родѣ Цыфиркина и Кутейкина. Вотъ отчеты полиціи тогдашней о домашнихъ школахъ: въ Черкасскѣ у *дьячка* Осипа Пархомова учились азбукѣ 4 мальчика и 2 дѣвочки, часослову — девять мальчиковъ, псалтырю — четыре мальчика; у *казачьей дочери— дѣвицы* Лукерьи Пышкиной обучались азбукѣ, часовнику и псалтырю 12 мальчиковъ и 2 дѣвочки; у *казачьей жены* Маріы Маноцковой «азбуковъ» 3 мальчика и 2 дѣвочки, «часовниковъ» 3 мальчика и 4 дѣвочки, «псалтырей» 7 и 7; у *казачьей жены* Анны Казминовой «часовниковъ» 1, «псалтырей» 4 и 1; у *діакона* Василія Павлова «часовниковъ» 1, «псалтырей» 2 и 1; у *пономаря* Николая Попова «часовниковъ» 7, «азбуковъ» 2, 1, «псалтырей» 8 и 1; у *дьячка* Королева «азбуковъ» 2, «часовниковъ» 8, пишутъ 9; у *вдовы казачьей* жены Катерины Баевой «азбуковъ» 1, «часовниковъ» 2, «псалтырей» 1; у *дьячка* Ивана Чернявскаго «азбуковъ» 2, «часовниковъ» 4, «псалтырей» 3, пишутъ 7; у діакона Андрея Осипова «азбуковъ» 4 и 4, «часовниковъ 2 и 1, «псалтырей» 1 и 5, пишутъ 10 и 2. Итого во второй части (**) Черкасской училось по частнымъ школамъ 120 мальчиковъ и 28 дѣвочекъ.

Въ первой части Черкасской находилось несравненно меньше учениковъ въ *партикулярныхъ* школахъ. Такъ *казачья* жена Мавра Рѣдичкина имѣла у себя 20 мальчиковъ, и двѣ дѣвочки, которыхъ учила азбукѣ, часовнику и псалтырю. Въ домѣ Генералъ-Майора Курнакова студентъ Кіевской Академіи *Бедринъ* преподавалъ четверымъ дѣтямъ Французскій языкъ, Исторію Священную, Географію, Ариѳметику, и училъ рисованію; Протоіерей

(*) Г. Вороновъ означаетъ въ своей таблицѣ число учащихся въ 1802 г. «въ Арханг. губерніи 152, въ Олонецкой 163, Вологодской 213, Новгородской 53, Псковской 386, только въ С. Петербургской 4,136.» стр. 159.

(**) Въ Черкасскѣ тогда находилось девять станицъ.

Оридовскій давалъ уроки изъ Логики и Риторики дѣтямъ Майора Картушина.

Въ Скародумовской станицѣ обученіемъ дѣтей обоего пола занимались: дьячекъ Алексѣй Терезниковъ, казакъ Тимоѳей Катовъ, жена казачья Зуева; у перваго было 31 мальчикъ; у втораго 10 мальчиковъ и 9 дѣвочекъ; у третьей 4 дѣвочки: всего 42 мальчика и 13 дѣвочекъ. Науки: писать, азбука и пр.

Въ Верхней Рыковской станицѣ находилось два учителя: священническій сынъ и дьячекъ. У перваго 5 мальчиковъ, у втораго 3.

Въ Средней Рыковской станицѣ только жена одного Есаула Лиманова учила 3-хъ мальчиковъ и 3 дѣвочки.

Въ Нижне-Рыковской станицѣ обучали дьяконъ, дьячекъ и казачья жена. У дьякона 4 мальчика, у дьячка 6, у жены казачьей 4.

Въ Кузенскомъ селеніи имѣла домашнюю школу казачья жена: у ней было 10 мальчиковъ и 1 дѣвочка.

Въ Гниловской станицѣ одинъ окончившій курсъ въ «Главномъ Училищѣ» обучалъ двухъ мальчиковъ.

Такимъ образомъ всѣхъ учащихся въ частныхъ школахъ, при открытіи Гимназіи, оффиціально числилось—105 мальчиковъ и 47 дѣвочекъ. Въ 1804 г. учащихся по домамъ показано больше. Вотъ что пишетъ Директоръ: «Въ 1804 г. въ Черкаскѣ XI церковниковъ, одинъ казакъ, одна оберъ-офицерская жена, семь казачьихъ женъ и одна дѣвица учатъ въ своихъ домахъ дѣтей мужескаго пола 210, женскаго 49, а всего 259».

Замѣтимъ еще, что учители «Главнаго Училища» имѣли у себя пансіонеровъ: у Божковскаго учился сынъ Атамана Платова; другіе имѣли по 10 и менѣе пансіонеровъ (*); Протоіерей Оридовскій давалъ уроки во многихъ частныхъ домахъ, какъ отличный учитель.

(*) Пансіонеры платили по 100 рублей и менѣе; доставляли муку и пр. Божковскій неизвѣстно сколько получалъ съ своего пансіонера. Вотъ его записка по этому случаю: «кромѣ сына Матвѣя Ивановича Платова, Войсковаго Атамана, не имѣю никакихъ пансіонеровъ. И какъ тотъ пансіонеръ съ недѣлю вступилъ у меня въ ученіе, то еще я не дѣлалъ никакой контрактъ и даже не намѣренъ, ибо г. Генералъ Лейтенантъ Платовъ самъ знаетъ попеченіе и достоинство награждать.»

Въ такомъ видѣ находились училища и состояніе образованія на Дону, когда послѣдовало открытіе Гимназіи въ Черкасскѣ, которое мы и опишемъ подробнѣе.

Въ 1805 году, Мая 13-го, Ректоръ Харьковскаго Университета Иванъ Рижскій писалъ Директору Училищъ Земли Донскихъ казаковъ, Алексѣю Григорьевичу Попову: «сегодня отправленъ отъ Университета къ вамъ г. Професоръ Илья Ѳедоровичъ Тимковскій. Главное его порученіе и первая цѣль Университета и мое желаніе въ его отправленіи, дабы всѣми возможными способами ускорить открытіе у васъ гимназіи и нѣсколькихъ уѣздныхъ училищъ».

Ето превосходительство Генералъ — Лейтенантъ, Войсковой Атаманъ и Кавалеръ Матвѣй Ивановичъ Платовъ «съ удовольствіемъ пріемля изображенныя Ректоромъ Университета на пользу всего Войска чувствія» одобрилъ положенія, присланныя изъ Университета. *11 Іюля 1805 года* торжественно открыта была Гимназія Войска Донскаго. Войсковой Атамнъ Платовъ, генералитетъ, штабъ-офицеры, членъ Университета, директоръ, учители и ученики собрались въ домѣ Войсковой Канцеляріи, гдѣ прочтены были приличные пункты изъ «предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія». Затѣмъ началось церемоніальное въ соборную церковь для выслушанія литургіи шествіе въ слѣдующ. порядкѣ: ученики, учители, директоръ училищъ съ членами университета, войсковой атаманъ съ войсковыми чинами. Литургію совершалъ соборный Протоіерей Алексѣй Оридовскій; во время многолѣтія Государю Императору и Августѣйшему Дому произведена пушечная пальба; по окончаніи литургіи священство со крестомъ, въ предшествіи хоругвей отправились въ тотъ же Войсковой домъ, гдѣ совершено было водоосвященіе. Членъ Университета всему блистательному собранію объявилъ нужные къ свѣдѣнію статьи изъ Высочайше Конфирмованнаго (1804 года Ноября 5) устава учебныхъ заведеній и присовокупилъ краткое привѣтствіе обществу; трое изъ учителей произнесли рѣчи на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Франц. языкахъ, а въ заключеніе Директоръ сказалъ «слово о пользѣ наукъ». Затѣмъ Директоръ провозгласилъ имена учителей и учениковъ гимназіи и поднесъ войсковому атаману положеніе, какимъ образомъ и по какому распредѣленію часовъ имѣетъ быть ученіе въ Гимназіи; протоіерей благосло-

назію Евангеліемъ и иконою; провозглашено было многолѣтіе и окропленъ святою водою училищный домъ; Директоръ и членъ университета въ домѣ войсковаго атамана представили ему учителей и поручили какъ училища, такъ и учителей благоволенію его и Войска Донскаго. Ввечеру домъ Гимназіи былъ иллюминованъ. На завтра началось ученіе на основаніи устава учебныхъ заведеній (*).

Насъ не столько занимаетъ церемоніалъ открытія Гимназіи, сколько рѣчи и слова, произнесенныя учителями и Директоромъ. Мы не наскучимъ читателямъ, если покороче познакомимъ ихъ съ этими памятниками Русскаго слова и мысли. При чтеніи рѣчей будемъ помнить, что онѣ сказаны за *пятьдесятъ четыре* года до сего времени. Особенно выразительно по своему воодушевленію и силѣ мысли *слово* Протоіерея Оридовскаго. Видно, что это былъ горячій защитникъ просвѣщенія въ нашемъ краю, превосходный и *первый* по достоинству учитель нашей Гимназіи. Вотъ слово Оридовскаго, произнесенное имъ въ соборѣ:

«*Да будетъ свѣтъ*! Быт. гл. 1, ст. 4.
Глаголы Господа Саваоѳа.

«Природа безъ свѣта естъ одинъ печальный трауръ. Первобытное состояніе міра, когда тьма носилась верху воды, представляло унылый, непроницаемый хаосъ. Красота его была невидима и творческая премудрость неощутительна. Скучно быть во тьмѣ!

«Творецъ свѣта, дабы величественныя свои творенія облекти во благолѣпіе, изрекъ: да будетъ свѣтъ! Съ симъ глаголомъ тьма познала свой предѣлъ, творенія явились въ своемъ величіи, и Господь, великій въ премудрости, познася въ величіи своего творенія, Здѣсь возсіяла истина: и видѣ Богъ, и се суть вся добра.

«Человѣкъ есть малый міръ. Онъ подобенъ Богу; но безъ свѣта, безъ образованія уподобляется безсловеснымъ, теряетъ свое величіе.

«Всеблагій Богъ, желая, да величественное его твореніе возвеличится во свѣтъ, искони и нынѣ вопіетъ: да будетъ свѣтъ, — свѣтъ, озаряющій сердца и душу человѣка. Се и премудрый Мо-

(*) Краткое извѣстіе объ открытіи см. въ Періодич. сочин. о успѣхахъ Народнаго просвѣщенія. 1805 г. XIII, стр. 77.

нархъ, познавая цѣну свѣта, и соревнуя, да человѣцы, воздѣлывая свои таланты, будутъ истинными человѣками, мирными усты вѣщаетъ: да будетъ свѣтъ и да озаряетъ сердца и умы населяющихъ Донъ

«И се по глаголу его въ сей благознаменитый день открывается Гимназія, яко храмъ къ пріятію свѣта, яко руководство къ образованію умовъ и своихъ обязанностей.

«Такъ жребій нашъ благословенъ! Людіе, живущіе во странѣ южной, наконецъ сподобляются видѣти свѣтъ велій, свѣтъ просвѣщающій человѣка, рожденнаго въ міръ.

«Уже надежда, уже дарованія юношества пророчествуютъ, яко и наша Земля во время свое дастъ плодъ свой.

«Итакъ дозвольте, поченные слушатели, купно съ вами разсмотрѣть пользу просвѣщенія.

«Человѣкъ есть образъ невидимаго божества; душа и разумъ— се его величіе, уподобляющее Богу: но сей богоподобный коль бѣдственно умаляется, когда остается безъ удобренія талантовъ! Разумъ его ничто другое, какъ невоздѣланная земля, которая рождаетъ терніе и волчцы. Воля—плѣнница чувственныхъ пожеланій, а истина? — Чувство и навыкъ.

«Воззримъ на людей дикихъ, непросвѣщенныхъ, что они? не говорю, что ни людкость, ни человѣчество ихъ не трогаетъ; не говорю, что ни законъ, ни честность имъ не внятны; самая вѣра и благочестіе у нихъ основаны на баснословіяхъ, на долговременномъ навыкѣ. Разумъ заглушенъ, не дѣятеленъ. Движутся къ дѣйствіямъ, но движутся механически, или побужденіями природы, или силою навыка, и се ли человѣкъ?

«Не равный ли жребій черни, той черни, которая по несчастію, бывъ оставлена сама себѣ, не была учена ни правиламъ вѣры, ни правиламъ людкости? И она въ изслѣдованіе истины входить не умѣетъ судитъ все по навыку, по прихотямъ, а на будущее не взираетъ. И потому въ дѣлѣ маловѣрна, а въ должности измѣнна; одинъ случай, одно превратное слово и сильно вооружается на всѣ роды беззаконій. Почему и сіи люди неспособны ни повелѣвать, ни повиноваться.

«Такъ гдѣ же средство къ прогнанію сея несчастныя тьмы? Гдѣ вожди къ обрзованію сердецъ и умовъ? Все недостойно. Одни науки—средство къ усовершенствованію нашихъ талантовъ,

и возведенію человѣка на степень сего достоинства. Науки! — се небесный даръ, ниспосланный на созданіе человѣка. Онѣ удобряютъ таланты ума, онѣ образуютъ сердце и обращаютъ оное къ востоку правды, онѣ вразумляютъ въ истинѣ, умудряютъ въ должности, научаютъ страсти покорять разуму, и тако отверзаютъ дверь къ пріобрѣтенію благосостоянія.

«Слово Божіе говоритъ: аще око свѣтъ, то и все тѣло свѣтло, аще разумъ свѣтъ: то и все свѣтъ: ибо отъ сего свѣта зависитъ путь и истина. Отъ его благоустроенія все благо устроевается, внимаетъ гласу сего, яко гласу царя и все совершаетъ свои должности, не переходя за границы.

«Завистники просвѣщенія, можетъ быть, и не сыщутъ сего таланта. Правда, — въ златыя времена, при блескѣ красныхъ дней, всѣ философы, всѣ премудры, но при громахъ несчастій немногіе оказываютъ дары провидѣнія. И счастливцы, коихъ случай ввелъ во храмъ славы, теряются въ хаосѣ недоумѣнія, или страха, ибо гдѣ требуется дѣятельность ума, тутъ лавры не помогутъ.

«Одинъ премудрый, одинъ опытный, облекаясь въ брони правды, и сходитъ яко на поприще, устрояетъ не устроенныя и изыскиваетъ довольныя средства и случай къ отвращенію тучь несчастій. Вѣрно премудрый Соломонъ утверждаетъ: премудрость поможетъ мудрому паче десяти обладающихъ во градѣ.

«Общества устраиваются и благоденствуютъ не оружіемъ, не силою согражданъ, не крѣпостію стѣнъ; но благоразумѣемъ начальниковъ. Благоразуміе правителей паче всѣхъ орудій. Они случаю дѣлъ своихъ не ввѣряютъ; изъ послѣдствій научаютъ заключать о истинѣ. Они умѣютъ случай сравнять съ случаями и изъ худыхъ иногда назначеній производить хорошія послѣдствія. Они, приспособляясь ко времени и обычаямъ, знаютъ съискать любовь народа, и на ихъ любви основать общую безопасность.

«Блага мудрость, говоритъ Соломонъ, паче силы и паче орудій ратныхъ.

«Иные мыслятъ, что строгость устрояетъ народы и обезпечиваетъ ихъ благо: это одни воображенья; безъ благоразумія строгость есть пламя, кое съ худыми отраслями истребляетъ добрыя дерева. Народъ не машина и противъ необдуманной строгости изыскивастъ тысячу упрековъ. Власть безъ просвѣщенія есть корабль безъ руля, который при маломъ вѣтрѣ дѣлается жертвою

волнамъ. Не мните ли, о сограждане, что высокія титлы, важныя украшенія составляютъ общее благо? нѣтъ. Украшенія безъ разума были бы въ поношеніе токмо и стыдъ. Оно заключено въ сокровищахъ просвѣщенія, а въ просвѣщеніи утверждены и царства. Се вѣщаетъ премудрости исполненный мужъ: о царіе людей, почтите премудрость, да во вѣки царствуете.

«При семъ полуденномъ свѣтѣ сыщутся и тѣ, кои противувѣщаютъ тако: «науки не нужны, ибо онѣ растлѣваютъ иногда правды, и дерзаютъ противу вѣры и Бога.» Нельзя отвергать и сего мнѣнія, но тьма не въ наукахъ, а въ злоупотребленіи. Золото всегда золото, но очарованный страстьми иногда употребляютъ на куплю яда, коимъ отнимается жизнь. Гдѣ жъ зло? въ златѣ, или въ зломъ владѣтелѣ? Наука источникъ добра; ибо свѣтъ всегда свѣтъ; но злоупотребленіе, по случай часто омрачаетъ блескъ его.

«Это не ученость, когда противуборна. Науки полезны, коль учатся имъ не для пышности, не для суетной славы, дабы блеснуть передъ свѣтомъ, но для образованія сердца, для возвышенія духа, и руководства въ жизни.

«Истинное просвѣщеніе въ Богопознаніи. Славить Творца, законъ его поставлять свѣтильникомъ путей, удаляться пороковъ, жить въ свѣтѣ добродѣтелей: се наше просвѣщеніе.

«Въ книзѣ судебъ написано: начало премудрости страхъ Господень. И подлинно, аще корень святъ, то вѣтви благословенны. Сердце, воспитанное въ страхѣ, при всемъ знаніи, благоговѣетъ къ Богу, надъ святынею не издѣвается, уставовъ церкви не пересуждаетъ: ибо вѣдаетъ, что излишнее умствованіе пользы не составитъ, развѣ соблазнъ и развратъ нравовъ.

«Подлинно въ страхѣ возросшій сколько Богу и вѣрѣ старается благоугождать, столько ближнему, и своимъ обязанностямъ. «Вручитъ ли ему Промыслъ кормило начальства? Онъ сдѣлается отцемъ народа. Онъ таланты свои предоставитъ на жертву обществу. Храня свято законъ и подчиненныхъ убѣдитъ къ подражанію; ибо примѣръ паче всякаго слова. Истину, невинность заступитъ отъ лица сильныхъ; злату и сребру не послужитъ: ибо Богъ предъ очима его, а страхъ въ душѣ его. Съ ближнимъ будетъ поступать яко другъ и яко благодѣтель: ибо разумѣетъ, что призванъ не устрашать народъ, не порабощать подъ нозѣ свои, но

быть ихъ покровителемъ. Клевсты разберетъ не ушима, но благоразуміемъ; не слова лести исполненныя уважитъ, но поищетъ истины, и не положитъ въ равной цѣнѣ праведника и развращенна, — гдѣ страсти усилятся совратить съ пути истины, тамъ страхъ Господень сохранитъ нозѣ отъ поползновенія; подлинно страхъ (Господень) и просвѣщеніе суть два вождя, ведущіе общество на верхъ благосостоянія.

«Не знаю, откуда раждаются мысли, когда многіе говорятъ: дѣтямъ языки нужны, а богословіе не нужно, имъ духовными не быть.» Странное воображеніе! Почтенные отцы! вѣдь вы желаете, чтобы дѣти ваши были и благонравны, и добродѣтельны; а богословіе есть источникъ всѣхъ добродѣтелей. Его ученіе о законѣ, о вѣрѣ, и благочестіи. Его ученіе почитать Бога не одними устами, но сердцемъ; не въ обрядахъ, но въ дѣлахъ; не суевѣрно, но разумно и нелицемѣрно. Пойте Богу, пойте разумно!

«Такъ непросвѣщеннѣе ли въ младыя ихъ сердца впечатлѣвать почтеніе къ Богу, благоговѣніе къ закону, и тогда учить разнымъ языкамъ и знаніямъ свѣта; дабы хотя разными языками, но говорили одну истину? кажется нужнѣе; чтобы сердце ихъ плѣнялось паче Богомъ, нежели блескомъ свѣта. Быть во свѣтѣ, но безъ свѣта благочестія значитъ быть плѣнникомъ страстей: а страсти къ добру не вожди, тьма свѣта не производитъ. « Что будетъ сынъ безъ вѣры, когда вступитъ на поприще свѣта? Онъ содѣлается ненавистникомъ закона и правды. Онъ таланты свои принесетъ въ жертву страстямъ, сдѣлается полнымъ ябедникомъ и возмутителемъ общаго покоя. Онъ учинится мотовства и всѣхъ пороковъ игралищемъ.

«А сей кому годенъ? Себѣ врагъ, обществу тягостенъ, Богу противенъ. Такъ безъ страха Господня и просвѣщенія человѣкъ есть одно безплодное древо, древо, всуе упражняющее землю.

«Еще являются прекатели и вопіютъ: «ученіе не нужно; ибо и безъ наукъ люди живутъ и благоденствуютъ.» Подлинно истина! Но я васъ призываю, о сограждане, на судъ, — скажите: что полезнѣе тьма или свѣтъ? Грубость или вѣжливость? что надежнѣе къ образованію человѣческаго сердца и благородствованію правовъ, естьли не науки?

«Оставить дѣтей безъ просвѣщенія, значитъ таланты ихъ погребсти въ землѣ, а общество лишать добрыхъ сочленовъ; ибо

невѣжа ни къ чему не способенъ. Оставить ихъ безъ просвѣщенія есть содѣлать ихъ суевѣрными, противниками Богу и вѣрѣ.

«Сказалъ бы я здѣсь о тѣхъ, кои не бывъ просвѣщены ни въ законѣ, ни въ наукахъ, вѣру свою и все упованіе основываютъ на однихъ пустыхъ разсказахъ, на однихъ наружностяхъ; а потому не внимая здравому ученію не только противятся Богу; но иногда и въ обществахъ заводятъ нестроенія, но оставляю каждому о томъ на разсужденіе.

«А скажу, что безъ наукъ, безъ обращенія съ просвѣщенными людьми, безъ чтенія книгъ человѣкъ самъ собою бываетъ и малъ, и грубъ.

«Вообразите! кто безъ просвѣщенія имѣлъ случай и благопріятельствующее время обратить въ общественную пользу, а наче тогда, когда требовали нужды? Кто безъ наукъ, безъ опытнаго благоразумія оказалъ въ обществѣ что достопамятное для грядущихъ вѣковъ? И кто наконецъ безъ просвѣщенія въ государствѣ учинился важнымъ министромъ, патріотомъ для отечества?

«Всѣ времена и опыты свидѣтельствуютъ, что наука съ благочестіемъ суть руль, коимъ управляется корабль общаго благоденствія.

«Уже прошли тѣ желѣзные вѣка, кои чернь, низкую чернь отвергали отъ источниковъ просвѣщенія. Насталъ златой вѣкъ. Нынѣ подъ скипетромъ Самодержавнаго Александра повсюду слышится человѣколюбивый гласъ: пріидите и пійте вино и тукъ безъ сребра и цѣны. Пріидите, научитесь премудрости и снѣсте благая, и насладится во благихъ душа ваша.

«Гласъ сей призываетъ велика, и мала, вельможу и простолюдина, ибо премудрый Александръ хощетъ, да не единъ укроется отъ теплоты щедротъ Его; *но да всѣ, воздѣлывая свои таланты, будутъ люди; ибо желаетъ управлять людьми: се благословенная цѣль и открытія Гимназіи*!

«Уже я увѣренъ, что при воззрѣніи сего храма падутъ дагоны суевѣрія, потрясется сводъ ересей; истребятся волки, расхищающіе стадо Христово, изчезнетъ лицемѣріе и обманъ; воскреснетъ вездѣ святая истина и едиными усты и единымъ сердцемъ прославятъ Бога. Тако будетъ едино стадо и единъ пастырь. О, спасительная надежда!

«Увѣренъ я, что изъ сего благословеннаго храма изойдутъ люди достойные, сограждане мудрые, воины крѣпкіе, начальники въ званіи непостыдные; скажу наконецъ, что на семъ камени созиждется общее благоденствіе, и врата адовы не одолѣютъ его.

«Великіе въ свѣтѣ монархи безъ великихъ намѣреній ничего не пріемлютъ. Великій Петръ I-й въ Россіи воздвигъ храмъ наукъ, дабы народъ извлечь изъ тьмы грубостей въ свѣтъ просвѣщенія.

«Екатерина II, матерь Россіи, лучь сего свѣта болѣе и болѣе возжигая предпослала и на нашу страну. Отъ сего свѣта младыя сердца озаряясь вмалѣ познали свое отличіе, и давно возжелали вящшаго свѣта.

«Августѣйшій нашъ Монархъ Великій Александръ какъ бы внялъ гласу тому. Се не вомнозѣ изливаетъ свѣтъ сей, дабы богоподобнаго болѣе возвысить, и извести во грады и веси добрыхъ сограждан, кои бы умѣли и повиноваться и повелѣвать.

«Такъ когда монархи, коихъ важныя дѣла среди многихъ столѣтій пребудутъ свѣтлы, яко солнце, пеклись и пекутся о просвѣщеніи народовъ, поставляя первый шагъ къ общему благосостоянію; то кто изъ благонамѣренныхъ проречетъ, что науки безполезны? нѣтъ изъ насъ, подлинно нѣтъ, ни единаго противника просвѣщенію: всѣ, аки едиными усты вѣщаемъ: да будетъ свѣтъ!

«Почтенные отцы! зная, что Монархъ велитъ быть здѣсь свѣту, дабы въ чадѣхъ вашихъ составить вамъ утѣшеніе, — зная, что Войско Донское, дабы въ нѣдрахъ своихъ породить мужей смыслящихъ и благонамѣренныхъ во всякомъ званіи, жертвуетъ на то своимъ иждивеніемъ, не отлагайте убо дѣтей вашихъ отдать въ сіе училище, яко хранилище ихъ нравовъ, ихъ безпорочности, ибо оно устроено, дабы поддержать вѣру, законъ, человѣчество; исполнивъ вашу обязанность, жалѣть не будете. И тогда, когда дни ваши познаютъ западъ свой, чада ваша и потомство оросятъ могилы ваши слезами благодарности.

«А вы, любезные отроки, что мыслите? сіе училище открыто для возведенія васъ на степень вашихъ совершенствъ. Вы — надежда Россіи; Монархъ ожидаетъ отъ васъ храбрыхъ воиновъ, отечество добрыхъ сограждан, общество вѣрныхъ членовъ, а вѣра истинныхъ чадъ. Лестная утѣха для всѣхъ! такъ юные дни ваши, яко безпорочную жертву, посвятите наукамъ; вступивъ въ дѣло, не озирайтеся ни на десно, ни на лѣво, но стяжите прилежаніе:

время, яко даръ драгоцѣнный употребите на куплю вашего просвѣщенія. Науки образуютъ васъ въ новый свѣтъ и содѣлываютъ людьми и богоугоднымн, и отечеству, и обществу нужными. Ученію вашему положите основаніемъ страхъ Господень, вѣдая, что истинная премудрость въ злохудожную душу не входитъ; почитайте за безуміе, за буйство производить пренія противъ религіи и лицемудріями омрачать ея свѣтъ.

«О, да исполните желанія Монарха и общества, преуспѣвая достойно въ званіи! Исполнятся и намѣренія и желанія ваши во благихъ! Се увѣряетъ васъ и премудрый Соломонъ тако: чадо, отъ юности твоея избери наказаніе, въ дѣланіи бо ея мало потрудишися, и вскорѣ ясти будеши плоды ея въ веселіи.

«Всеблагій Боже! У тебя источникъ премудрости и разума! Призри убо, смиренно молимъ Тя, съ высоты святаго твоего престола на виноградъ сей и посѣти, его же насади десница Твоя. Даждь отрокамъ Твоимъ сердце смысленно, еже разумѣти посреди зла и добра, и ходити во свѣтѣ заповѣдей Твоихъ, привлецы къ сему свѣту и сердца тѣхъ, кои омрачены въ разумѣ и вѣрѣ! Да наконецъ Ты и возлюбленнный Тебѣ Александръ, Августѣйшій нашъ Монархъ, увидѣвъ наши во благочестіи и наукахъ преуспѣянія, яко дѣла рукъ своихъ, обрадуете страну нашу тако: и видѣхомъ и се суть вся добра зѣло. Аминь.»

Нѣтъ силъ оторваться отъ глубокаго краснорѣчія этого слова! Мысли, высказанныя въ немъ, такъ вѣрны, такъ напечатлительны, такъ гуманны, что забываешь ихъ давность; сдается, что слово—современно намъ, нашему пробуждающемуся обществу. Какъ оно живо напоминаетъ недавно сказанное слово «о духовномъ просвѣщеніи Россіи,» а иныя строки сближаютъ рѣчь проповѣдника съ глубокими мыслями Пирогова о воспитаніи: «*Александръ хочетъ, да всѣ, воздѣлывая свои таланты, будутъ люди,*» говорилъ почтенный Протоіерей въ 1805 г.; ту же мысль блистательно внесъ въ нашу Педагогику знаменитый современный воспитатель своими «вопросами жизни», доказывая, что прежде надо воспитать *человѣка*, а потомъ уже воина, профессора, слесаря, дипломата, доктора... Потому-то мы и рѣшились все сполна привести слово Оридовскаго.

Рѣчи другихъ учителей и Директора наполнены такими общими

фразами, что мы не можемъ привести здѣсь даже отрывковъ: общія мѣста уже всѣмъ надоѣли.

Теперь будемъ описывать первые годы Гимназіи.

Въ Гимназіи открыто два класса: въ первый изъ «Главнаго Училища» поступило 28 человѣкъ, во второй 21. Для желающихъ прилагаемъ списокъ учениковъ, первенцевъ нашей Гимназіи. Въ первомъ классѣ: Михаилъ Поповъ, Андрей Посновъ, Иванъ Сербиновъ, Димитрій Дмитровъ, Михаилъ Смирновъ, Левъ Савиновъ, Карпъ Кирѣевъ, Александръ Миненковъ, Матвѣй Кучеровъ, Илья Щербаковъ, Михаилъ Емельяновъ, Климъ Тацинъ, Григорій Терезниковъ, Никаноръ Терезниковъ, Иванъ Поляковъ, Андрей Лотошниковъ, Гаврило Покатиловъ, Данило Макѣевъ, Михаилъ Грудневъ, Петръ Рудаковъ, Степанъ Браиловскій, Кирѣй Щекатуринъ, Николай Турчаниновъ, Алексѣй Хлѣбниковъ, Иванъ Кочубеевъ.

Во второмъ классѣ: Василій Кондратьевъ, Михаилъ Кузнецовъ, Филипъ Слюсаревъ, Степанъ Гречановскій, Николай Власовъ, Иванъ Черевковъ, Данило Кузнецовъ, Александръ Картушинъ, Иванъ Грековъ, Семенъ Чеботаревъ, Иванъ Атаманчуковъ, Степанъ Ребриковъ, Иванъ Ребриковъ, Матвѣй Шеришевъ, Петръ Мелентьевъ, Иванъ Кондратьевъ, Андрей Ребриковъ, Павелъ Бурсакъ, Михаилъ Посновъ и Аркадій Панченковъ.

Учителями опредѣлены: Божковскій, протоіерей Оридовскій, Яновскій, Арнольди, Ганикъ и Копыловъ.

На Гимназію ассигнована была постоянная сумма 5,650 р. на основаніи Высочайше утвержденнаго Устава учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ (1804 г. 5 Ноября). Деньги на содержаніе Гимназіи Войско изъявило желаніе выдавать изъ своихъ суммъ.(*)

Такъ какъ городъ Черкасскъ въ 1805 г. началъ переходить въ Ново-Черкасскъ, то предположено выстроить для Гимназіи выгодный домъ съ садомъ въ новомъ городѣ.

Въ Гимназіи преподавали слѣдующія науки: Алгебру, Геометрію, Тригонометрію, Исторію, Географію, Миѳологію и Древности, Логику, Метафизику и Исторію Философіи, Грамматику, — языки: Латинскій, Нѣмецкій и Французскій. Былъ классъ Рисованія. Закона Божія не читали на основаніи Устава учебныхъ заведеній.

(*) Уставъ учебныхъ заведеній напечатанъ былъ въ Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. 1805 г. № VIII.

Учебниками показаны слѣд. книги: Математика Осиповскаго и Кестнера, Физика Гиларовскаго, Всемірная исторія Шрекка, Храмъ всеобщаго баснословія, Метафизика и Логика Баумейстера, Нравственная Философія Фэргусона, Россійская Грамматика Соколовскаго, Опытъ Реторики Рижскаго, Зрѣлище вселенныя, Грамматика Нѣмецкаго языка Голтергофа, Французскаго-Соколовскаго.

Попечитель графъ Потоцкій прилагалъ особыя просвѣщенныя заботы о новооткрывшейся Гимназіи. Въ 1805 же году (отъ 25 Ноября), онъ предлагалъ Директору прислать лучшихъ учениковъ 2-го кл. Гимназіи для дальнѣйшаго образованія въ приготовительное отдѣленіе университета. Вотъ что писалъ проф. Тимковскій Директору: «знаменитое и отличное угожденіе оказали бы вы, еслибъ пригласили чиновниковъ вашихъ, чтобъ прислали сюда учиться дѣтей своихъ, напримѣръ г. Кузнецовъ, г. Мелентьевъ, г. Грековъ старшій. Графъ два раза писалъ объ этомъ въ университетъ, что это подало бы новый доводъ любви къ наукамъ стороны вашей. Графъ весьма чувствительно выражаетъ это, въ чемъ имѣетъ, кажется, многія причины. Если можно, хоть двухъ или трехъ сюда доставте, или въ здѣшнюю гимназію, или по снисхожденію и въ приготовительное отдѣленіе университета, который особенно будетъ имѣть ихъ во вниманіи.» Въ P.S. прибавлено: «сидя въ комнатѣ повторяю здѣсь общее его желаніе, чтобы не отавили вы войти въ приглашеніе къ присылкѣ сюда хотя двухъ или трехъ учениковъ. Я увѣренъ, что если вы употребите посредство свое и другихъ, то графъ, пріѣхавъ сюда въ Генварѣ будетъ имѣть удовольствіе найти здѣсь Донскихъ, которыхъ г. Ректоръ (Рижскій) и прочіе судятъ ввести въ приготовительное отдѣленіе, гдѣ они несравненно скорѣе и лучше успѣвать могутъ.»

Директоръ, получивши такое лестное приглашеніе отъ имени «любезнаго» Попечителя, предлагалъ родителямъ шести учениковъ отправить ихъ въ университетъ, просилъ содѣйствія и Войсковой Канцеляріи: шесть человѣкъ были посланы въ Харьковъ.

Вообще 1805-й годъ долженъ составить замѣчательную страницу въ исторіи просвѣщеніи на Дону. Пробуждены были силы и *многіе* почувствовали потребность образованія. Явились благомыслящіе люди, которые жертвовали капиталами своими на заведеніе новыхъ училищъ. Генералъ—Маіоръ Курнаковъ изъявилъ

желаніе открыть Михайловское училище; два нечиновныхъ человѣка казакъ Павелъ Леонтьевъ Шрамковъ и Острогожскій купецъ Филипъ Ѳедоровъ Стюденикинъ предлагали на свой счетъ завести училище въ Аксаѣ; Хоперское начальство представило о учрежденіи училища Алексѣевскаго на Хопрѣ, само же Войсковое правительство положило современемъ «по усмотрѣнной надобности» завести уѣздныя училища и во всѣхъ прочихъ начальствахъ. Такимъ общимъ движеніемъ къ образованію Войско выполняло Высочайше конфирмованный докладъ 1803 г. *о просвѣщеніи* Россійской Имперіи.

Открытіе Гимназіи имѣло сильное вліяніе на массу. До 1805 г. только существовали на Дону *четыре* училища: съ 1805 же года вдругъ предполагается открыть училища вездѣ въ Землѣ Войска Донскаго.

Понимая такую важность въ учрежденіи Гимназіи, мы позволимъ себѣ поподробнѣе описать *первый* торжественный ея актъ и педагогическую дѣятельность учителей.

Перваго Іюля 1806 г. происходилъ *первый* торжественный актъ въ Гимназіи. Онъ подробно (на пятнадцати листахъ) описанъ въ нашемъ архивѣ. Послѣ молитвы учитель Божковскій говорилъ рѣчь о пользѣ математическихъ наукъ; учитель Греченовскій «о томъ, что ученіе и благовоспитаніе наипаче обязываютъ родителей установленныя власти и наставниковъ почитать и чрезъ то быть наиполезнѣйшимъ;» учениками произнесено нѣсколько разговоровъ на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Французкомъ языкахъ о разныхъ предметахъ: о трудолюбіи, о повиновеніи, о необходимыхъ потребностяхъ всякому члену Войска Донскаго пріуготовлять себя къ воннымъ упражненіямъ, о пользѣ познанія высшихъ наукъ,—словопреніе или силлогизмъ; наконецъ, Директоръ говорилъ рѣчь на тему, что «вниманіе и способствованіе правительства успѣхамъ разума *суть* главнымъ основаніемъ общественнаго блага.»

Для насъ любопытны *рѣчи* Греченовскаго и Директора, а также *словопреніе* учениковъ, «составленное по правиламъ Логики.» Всѣ онѣ ярко характеризуютъ состояніе нашей литературы начала XIX вѣка. Прочитавши рѣчи и *словопреніе*, такъ и видишь школу риторическую Ломоносова и сентиментальность Карамзина.— Греченовскій относитъ къ великимъ людямъ Ломоносова и *Хераоскова*, ставитъ *сего* послѣдняго наравнѣ съ Лейбницемъ, Клопш-

токомъ, Декартомъ, Бакономъ. Не напоминаетъ ли подобный отзывъ мнѣніе современниковъ о Херасковѣ, какъ Русскомъ Гомерѣ? Дабы показать вліяніе сентиментальности Карамзина на общество, приведемъ небольшой отрывокъ изъ рѣчи Гречеповскаго: «послѣ ночнаго мрака, по минованіи тѣхъ непогодъ и бурь, которыя уединенная и все сокрывающая тьма дѣлаетъ ужасными, когда только откроется день или свѣтъ позлащая своимъ взоромъ всѣ предметы своего прикосновенія; тогда все твореніе въ прекраснѣйшемъ видѣ является, совершая опредѣленный ему долгъ, поля предлагаютъ тучныя пажити, нивы разнородный хлѣбъ, горы насущіяся стада блеющихъ овецъ; тамъ скоротечныхъ, на косяки раздѣлившихся, коней, здѣсь медленныхъ кравъ и воловъ; сады представляютъ пріуготовляемые природою и искусствомъ плоды; а рощи, кустарники и лѣса, концерты пернатыхъ, пріятную мелодію составляющихъ и при всемъ томъ служатъ убѣжищемъ и жилищемъ дикимъ скотамъ и звѣрямъ. Тако благодарность изящнаго воспитанія свой бальзамъ жизни посвящаетъ человѣчеству и свою способность употребляетъ на пользу ближняго.»

Директоръ (Поповъ) предается высокопарному изліянію чувствъ своихъ въ слѣдующихъ велерѣчивыхъ строкахъ: «итакъ, чему можно уподобить нынѣ благовоспитываемое юношество, разцвѣтающее своими блистательными способностями, своею живостію, своею гибкостію? не благовоннымъ ли кринамъ, великолѣпно украшающимъ поля и сады? Не вертоградамъ ли, обремененнымъ сочными и прекрасными плодами? Но они отпадаютъ и древа посыхаютъ. Не быстрымъ ли, по горамъ бѣгающимъ и скачущимъ сернамъ и по долинамъ оленямъ? Но они подвержены добычи ловцовъ. Уподобимъ мы сіе юношество назидаемое, чтобы въ сердцѣ былъ Богъ, а въ десницѣ громъ, высочайшей горѣ, которая въ одно время изображаетъ собою четыре времени года, и которую ни бури, ни ѣдкость временъ не измѣняютъ. Ибо, что можетъ быть полезнѣе, какъ благовоспитанный юноша? Онъ въ домѣ строителенъ, въ промыслахъ наблюдателенъ, въ военныхъ дѣлахъ искусенъ, въ гражданствѣ дѣятеленъ.»

Силлогизмъ же, или словопреніе учениковъ, мы осмѣливаемся выписать вполнѣ: мысли и складъ стиха свидѣтельствуютъ о большой даровитости учителя изящныхъ наукъ, Протоіерея Орлов-каго. Вѣдь только эти мавзолеи и остались на память намъ отъ

умнаго наставника: да будетъ же память его намъ въ родъ и родъ!...

«Разговоръ между двумя учениками:

a. Пріятно зрѣлище: торжественно собранье
Стеклося сюда зрѣть въ наукахъ наше знанье,
Стеклося посудить о пользѣ просвѣщенья,
Чтобъ всуе не терять ни лѣтъ, ни иждивенья.

b. А ты, любезный другъ! какъ мыслишь о наукахъ:
Не мы ли тратимъ жизнь и дни теряемъ въ мукахъ?
Нѣтъ дня свободнаго, нѣтъ праздниковъ для насъ,
Надъ книгой мучимся по всякой день и часъ,
И силы, здравіе и лѣта увядаютъ,
И всѣ веселости отъ насъ прочь улетаютъ.

a. Напрасно тужишь ты, напрасно затѣваешь,
Въ наукахъ выгодъ коль еще не ощущаешь:
Младые наши дни на то отъ Бога данны,
Чтобъ иждивали мы ихъ на дѣла избранны,
Чтобъ юной разумъ нашъ наукой просвѣщали
И душу знаніемъ и вѣрой украшали.
Всѣ скуки юности въ пріятность обратятся,
Коль знанія въ душѣ, доброты воцарятся,
Средь сонма коль людей не будешь истуканъ,
Подобно такъ звящать, воздушный какъ тимпанъ.
Въ ученіи труды тебя вознаграждаютъ:
Веселіе, покой достаточно дарятъ.

b. Куда какъ далеко ты мыслями летаешь
И объ ученьи толь высоко нынѣ мечтаешь.
Не опытъ ли гласитъ, что въ счастіи простякъ,
А въ рубищахъ влечетъ нерѣдко жизнь умнякъ?
Не опытъ ли гласитъ, что гдѣ богатства храмъ,
Тамъ курится честей и славы фиміамъ?
Передъ богатымъ всѣ колѣна преклоняютъ,
А бѣднаго съ умомъ нигдѣ не узнаваютъ,
Богатому вездѣ отверсты двери въ домъ,
А умный съ бѣдностью стоитъ лишь за дворомъ?

a. Не знаю, гдѣ сію ты небыль начиталъ,
Чтобъ объ ученьи такъ нелѣпо разсуждалъ.
И правда, что простякъ не знаетъ различать:
Онъ умна съ дуракомъ равно обыкъ считать,
Слѣпому какъ цвѣты равны подобны мнятся:
Такъ люди у невѣжъ всѣ за одно цѣнятся.
Простякъ зритъ на лицо, дивится лишь убранствамъ
И чести отдаетъ поклоны иль богатствамъ:
Не ловокъ онъ цѣнить ни сердца, ни ума,
Ему все кажется равно, что свѣтъ, что тьма;
Приверженъ онъ къ себѣ, не знаетъ тоновъ свѣта,
Не знаетъ распознать лукавствій злыхъ навѣта,
И ты дивишься самъ, ревнуешь простотѣ
И хочешь заключить ученье въ слѣпотѣ;
Болванъ, всегда болванъ, хоть и въ златомъ нарядѣ,
Хоть въ домѣ и судѣ, хотя въ войнѣ отрядѣ:
Гдѣ должно дѣйствовать разумными очами,
Зѣваетъ тамо онъ, иль хлопаетъ ушами:
На балахъ за столомъ высоко онъ мечтаетъ,
А къ дѣлу приступить болѣзнью отвѣчаетъ.

b. И я на сценѣ сей ужь нѣкогда бывалъ:
Незнанія плоды со горестью вкушалъ;
Но я спрошу тебя, любезнѣйшій мой другъ,
Какой ученіе составитъ счастья кругъ?
Нашъ Черноморскій (?) родъ жилъмирно въ здравье годы,
Богатствъ, утѣхъ, довольствъ вкушалъ ужь всѣ доброты,
За Дунаемъ гулялъ, богатства наживалъ
А тучныхъ сихъ наукъ онъ никогда не зналъ:
Трудъ Философіи не мучилъ ихъ головъ,
Не знали въ юности несносныхъ сихъ оковъ.

a А потому, мой другъ, и землю потерялъ,
Что управлять собой премудрости не зналъ.
Богатства наживать всякъ можетъ и простякъ,
Но управлять собой, людьми не ловокъ всякъ:
Тутъ нуженъ свѣтъ ума и тонкое сужденье,
Чтобъ злое отдалить отъ града покушенье;
Потребно времена со временемъ сличать,

Лукавствія стези потребно предъузнать,
И распознать людей и всѣ манеры свѣта,
Чтобъ съ славой побѣдить злость хитраго навѣта,
Потребно и перо, чтобъ распри разнимать
И каждому урокъ достойный воздавать.
Но что въ невѣжествѣ, безъ знанія, ума,
И въ сердцѣ и дѣлахъ одна лишь тьма.
Чего не поручи, онъ больше лишь изгадитъ,
Ни съ кѣмъ и ничего для выгодъ не уладитъ,
Итакъ начнемъ, мой другъ, въ ученьи упражняться.
Чтобъ нѣкогда могли полезными назваться.

b Не знаю, что о семъ тебѣ, мой другъ, сказать,
А только безъ наукъ вѣкъ можно коротать:
Къ чему науки тѣ, коль головы ломаютъ
И въ заблужденіе нерѣдко подвергаютъ?
Калигула, Неронъ, а къ нимъ Анакреонъ
И въ сердцѣ и въ дѣлахъ страстямъ воздвигли тронъ,
И Бога, и законъ упорно отметали,
И честностью добротъ всегда пренебрегали:
Отъ нихъ источники лились кровавыхъ рѣкъ:
И гдѣ же отъ наукъ течетъ счастливый вѣкъ?

a. О, видно ты умнякъ! въ примѣръ злыхъ предложилъ
И мнишь, что свѣтъ наукъ ты тѣмъ уже затмилъ!
Но нѣтъ, любезный другъ, нѣтъ зла никакъ въ ученьи
Неронъ, Калигула ученью не внимали,
А потому во злѣ они преуспѣвали!
Воззримъ мы на соборъ ученѣйшихъ людей
Они краса и царствъ завѣтъ и мирныхъ дней.
Ликурги, Декіи, Сократы и Солоны
Издали обществамъ премудрые законы:
Ихъ правое перо и мудрые совѣты
Гоняли прочь отъ царствъ коварные навѣты;
Царей, вельможъ, властей въ правленьи укрѣпляли,
Народныя сердца въ покоѣ утверждали.

b. Скажи жъ, любезный другъ, вѣдь нашъ—военный родъ:
Какихъ же отъ наукъ намъ ожидать добротъ?
Въ войнѣ нужны копье, мечи и храбры руки:

Но чтожъ помогутъ намъ противъ врага науки?
Здѣсь Философія копья не изощритъ,
И мышцей воина уже не укрѣпитъ:
Здѣсь Ораторія въ витійствѣ умолкаетъ,
Лишь храбрость мужество врага одолѣваетъ.

a. Ты ошибаешься, любезнѣйшій мой другъ,
И видно тя объялъ къ ученію недугъ:
Возможно ль безъ ума побѣдой возгремѣть?
Возможно ль простяку градами овладѣть?
Не силой Геркулесъ, не крѣпостью Солонъ
Сражаетъ сильнаго, беретъ побѣды тронъ,
Но зрѣлостью ума, искусствомъ мудрыхъ рукъ
Трофеи, лавры жнетъ и сокрушастъ лукъ;
Оружіе, мечи, безъ важности умовъ
Не хитры сокрушить противныхъ хитрыи ковъ.
И силу львиную легко умъ побѣждаетъ
И гордыхъ ратниковъ удобно потребляетъ.
Гдѣ мудрый, умный вождь располагаетъ планъ,
Врагъ падаетъ тамъ, какъ бездушный истуканъ.
Въ судѣ и на войнѣ, во градѣ и въ поляхъ
Науки козни всѣ преобращаютъ въ прахъ,
Народовъ счастіе въ покоѣ устрояютъ,
И славой общества премудро украшаютъ.

b. Напрасно, братъ, о мнѣ ты худо такъ мечтаешь,
И будто скучны мнѣ науки понимаешь:
Издѣвовъ я твоихъ никакъ ни уважаю,
Доброты всѣхъ наукъ я сердцемъ обожаю,
А только я хотѣлъ тебя въ томъ испытать,
И истину отъ лжи предъ свѣтомъ оправдать.
Нашъ Черноморскій родъ призналъ въ ученьи свѣтъ
Создать Минервѣ храмъ ужъ положилъ обѣтъ,
Позналъ, что человѣкъ, наукой просвѣщенный,
Полезный обществу, себѣ и всѣмъ любезныи,
Умѣетъ обществу, отечеству служить,
Безъ мести съ ближними спокойно стройно жить,
Умѣетъ и въ судѣ по совѣсти судить,
Ни сердцемъ, ни душой и ни устами льстить:
На сей конецъ и я наукамъ посвященъ,

Чтобъ былъ отечеству и обществу слугой,
И честность чтобъ стяжать, миръ, славу и покой.

a. Такъ возлюбимъ, мой другъ, ученіе сердцами,
Доброты докажемъ ихъ вѣрой и дѣлами;
Пойдемъ во храмъ наукъ веселыми шагами,
Таланты украсить изящными плодами:
Согласенъ я съ тобой итти во храмъ наукъ,
Чтобъ въ старости стяжать спокойствіе безъ скукъ.
Великій нашъ Монархъ! Ты храмъ наукъ создалъ,
Дабы Россійскій родъ во свѣтѣ просіялъ.
Тебѣ мы знаніемъ и счастьемъ одолжены
Приносимъ въ даръ сердца, любовію возжены,
Живи, о Царь Царей, среди блаженныхъ лѣтъ,
Живи, о ангелъ нашъ, во славѣ безъ навѣтъ.

b. И ты, другъ общества, Начальникъ громка Дона,
Сочлены общества, блюстители закона,
Вы устрояете намъ дней счастливыхъ храмъ,
Живите въ счастіи, какъ вѣрный Авраамъ,
Въ дѣлахъ, желаніяхъ, со славой успѣвайте;
Покой, честь общества и славу почитайте,
Да будетъ вамъ вождемъ во всѣхъ дѣлахъ Творецъ:
Се жертва истинна нелестныхъ къ вамъ сердецъ.»

Послѣ этого силлогизма читана была вѣдомость, гдѣ показано число учащихся на Дону въ 1806 г. Приведемъ эти цыфры: въ Гимназіи и въ Черкасскомъ уѣздномъ училищѣ 243; въ Усть-Медвѣдицкомъ 45; въ Чирскомъ 39; въ Аксайскомъ (оно открыто 1806 г. Апр.) 56; въ Алексѣевскомъ (открыто 1806 г. Апр. 29) 53; въ Мачихинскомъ 97; а всего 533. «Слѣдовательно, продолжаетъ Директоръ, нынѣ превосходнѣе количество 309-ю учениками противу того времени, пока его сіятельство Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа (гр. Потоцкій) не поступилъ въ сію должность. Кромѣ того г. содержатель предназначеннаго Михайловскаго Приходскаго училища его превосходительство Семенъ Ивановичъ Курнаковъ объявилъ мнѣ, что *въ одной* Михайловской станицѣ открыли желаніе вступить въ тамошнее училище *сто отроковъ*».

Мы представили очеркъ училищъ на Дону отъ 1790 до 1807

года, на сколько это считали нужнымъ; изъ очерка нашего читатели видѣли только свѣтлую сторону состоянія просвѣщенія.

Теперь долгъ истины велитъ намъ указать и на темную его сторону; мы обязаны сознаться, что въ массѣ народа понятія о просвѣщеніи въ описываемое нами время были самыя жалкія.

Кантеміръ писалъ въ 1729 г. слѣдующія безотрадныя строки:

«Сильванъ другую вину наукамъ находитъ:
Ученіе говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
Живали мы прежъ сего, не зная Латыни.
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ мы нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,
Перенявъ чужой языкъ: свой хлѣбъ потеряли».

Такой же взглядъ на воспитаніе существовалъ на Дону въ началѣ XIX вѣка! Вотъ рапортъ Директора Попова (1856 г.) Войсковой Канцеляріи: «учитель 2 кл. и рисованія Усть-Медвѣдицкаго Училища Сухаревсковъ доноситъ мнѣ: что тамошніе господа утверждаютъ *«безъ большихъ наукъ обойтиться можно, да и учиться имъ не нужно, какъ безполезнымъ начаткамъ пространнаго поля»*, а народъ скудостію отягощенный хотя и желаетъ учить дѣтей, но ежедневныя домашнія нужды ихъ отъ того отвлекаютъ: одинъ пасетъ овецъ, другой въ кузнѣ помогаетъ отцу, а третій на пашню уѣхалъ. По таковымъ отлучкамъ учениковъ, учитель, находя себя въ горестномъ положеніи, ежедневно видитъ новыя затрудненія въ преподаваніи ученія, потому что кто вчера былъ, тотъ нынѣ не явился, а кто сегодня здѣсь, тотъ заутра въ отлучкѣ. Учитель много о семъ хлопоталъ и докладывалъ г. Подполковнику и Смотрителю сего училища Ермолову, но не находитъ способовъ къ улучшенію сего положенія».

Первостатейные жители не отдавали своихъ дѣтей въ училище еще потому, что преподаваемыя въ немъ науки считали «такими началами, которыя должно оканчивать въ Гимназіи», они думали, что дѣти не могутъ понимать тѣхъ предметовъ, которымъ обучаютъ въ училищахъ.

Намъ пришлось въ дѣлахъ Войсковаго архива читать болѣе разительные факты печальнаго состоянія просвѣщенія на Дону въ началѣ XIX вѣка. Случалось очень часто, что въ станицѣ находился только *одинъ* грамотный, умѣющій читать, человѣкъ,—что

одинъ и тотъ же казакъ исправлялъ двѣ должности: въ церкви *дьячка*, въ станичномъ правленіи *писаря*. Во время сбора въ Оренбургскій походъ (1801 г.) Александровская станица и старики писали Войсковому Атаману Орлову: «какъ же изъ числа (казаковъ) одинъ оберъ-офицерскій сынъ Андрей Родіоновъ, занимающій въ станицѣ *двѣ должности*, первую въ церкви дьячковскую, а вторую писарскую, то ежели оного Родіонова нарядить съ прочими на службу, то станица не находитъ къ сысканію на тѣ мѣста людей никакого средства и возможности, по причинѣ, что въ оной станицѣ такихъ людей нѣтъ, да и въ другихъ мѣстахъ найтить невозможно; *и по откомандированіи его Родіона должна не только церковь остаться безъ служенія, но и станичныя дѣла безъ теченія и выполненія* (*)».

Въ такомъ положеніи находилось просвѣщеніе на Дону въ 1801 г., не смотря на то, что еще при Атаманѣ Данилѣ Ефремовѣ (1765 г.) положено было «въ селеніяхъ казацкихъ, для воспитанія дѣтей, заводить публичныя училища (**)».

Не поправилось дѣло повидимому и съ учрежденія училищъ, какъ видно изъ выше приведеннаго рапорта учителя Усть-Медвѣдицкаго училища.

Еще яснѣе представится намъ состояніе просвѣщенія на Дону въ началѣ нынѣшняго столѣтія, если обратимъ вниманіе на самыхъ педагоговъ тогдашнихъ.

Начнемъ съ Гимназіи... Учители новооткрывшейся Гимназіи были самыхъ недалекихъ познаній. Учитель Нѣмецкаго языка Арнольди вовсе не зналъ Р. языка. На удивленіе читателю прилагаемъ рапорты его съ соблюденіемъ правописанія: «рапортъ нѣмецкаго учителя Арнольдія отъ мѣсяца Марты до Апрель 1805 г.» На вопросъ: «до коихъ мѣстъ прошли ученики?» Учитель пишетъ: «до штеніе (до чтенія) и писанія, а слѣдующіе ученики еще не разумѣютъ складывать и писать»; или: «до склонѣный, до перваго правилы,—подина (пройдена) 54 въ грамматики». О Директорѣ Учитель Арнольди такъ писалъ: «Ѳ(г)осподинъ Директоръ былъ неоднократно въ классъ». О поведеніи учениковъ такъ: «не безъ тово, что не шутить иногда, превеликое шалунъ, лѣнивъ: ибо каждое разъ надобно къ нимъ посылать въ квартиръ».

(*) Донскія вѣдомости 1859 г. № 1.

(**) Ригельманъ «о Донскихъ казакахъ» стр. 133.

Для любопытныхъ объявляемъ, что Арнольди, барона Альбидона сынъ, обучался (въ Килѣ) Философіи, Исторіи, Географіи, Математикѣ, Франц., Нѣм. и отчасти Россійскому языкамъ (*).

Арнольди совершенно походилъ на Вральмана и его компанію. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о своемъ дѣлѣ и ввелъ методу неслыханную въ Гимназіи: въ одномъ и томъ же классѣ онъ назначалъ ученикамъ различные уроки къ извѣстному дню. Оттого выходили самыя плачевныя слѣдствія: ученики ничего не знали. Рѣшаемся привести рапорты Директора Попова объ Арнольди: «изъ моей за минувшіе полгода вѣдомости и изъ послужныхъ о учителяхъ списковъ усмотрѣть изволите (Директоръ писалъ къ Ректору Университета), что Учитель Нѣм. языка Арнольди весьма много успѣхами отсталъ отъ своихъ товарищей, сіе также весьма примѣтно изъ ежемѣсячныхъ моихъ донесеній. Ежели бы только онъ старался свои недостатки и въ знаніи, и въ способѣ преподаванія замѣнять прилежаніемъ и чрезъ то навыкалъ къ выполненію своей учительской должности: то бы сіе соотвѣтствовало предопредѣленной цѣли ученія. Напротивъ того сколько онъ нерачителенъ къ оной, столько и безразсуденъ съ своими учениками въ обращеніи. Многократныя отъ нихъ на него жалобы, нежеланіе ихъ у него учиться, мои ему увѣщанія, выговоры, изображенія могущаго послѣдовать неудовольствія отъ высшаго начальства не произвели въ немъ поднесь исправленія. Вторая половина другаго года течетъ, какъ онъ началъ здѣсь учить Нѣм. языку, а успѣха мало, *когда лучшіе ученики во 2-мъ классѣ Гимназіи еще не окончили помогающихъ глаголовъ*; онъ даже изъ Гамбургскихъ газетъ выписывалъ ученикамъ для перевода на Русскій языкъ, когда всѣ они не знали склоненій. Ему изъясняемо было отъ меня многократно, чему ученики должны выучены быть, чтобы приступить къ переводу; но онъ упускаетъ изъ виду сію необходимо нужную, на правилахъ основанную связь. Чему же онъ научить можетъ въ предназначенныхъ 3-мъ и 4-мъ классахъ Гимназіи? А тѣмъ паче, что его поступки при всемъ томъ не соотвѣтствуютъ его должности. Жаль, что онъ здѣсь женится. Но мнѣ должно сказать истину и соблюсти потребную пользу (1806 г.)».

(*) Такъ написано въ его послужномъ спискѣ.

Другой рапортъ: «извѣстный учитель Нѣмецкаго языка Арнольди и поднесь не исправляется, какъ въ поведеніи своемъ въ классахъ, такъ и въ ученіи. Его жестокіе и непристойные съ учениками поступки неоднократно производили отъ учениковъ и даже отъ ихъ отцевъ жалобы; кромѣ того онъ незнающь, какъ въ правилахъ, руководствующихъ къ переводу, такъ и въ способѣ преподаванія, да и прилежанія его къ тому отъ меня не замѣчено. То можетъ ли быть отъ него успѣхъ, когда изъ небольшаго количества учениковъ и нынѣ сей языкъ, или лучше сказать учителя нѣкоторые оставляютъ, а многихъ я удержалъ; особливо въ 3-мъ и 4-мъ класахъ Гимназіи».

Не болѣе полезенъ былъ для Гимназіи и Учитель Франц. языка Ганикъ. Знаніе Русскаго языка у него имѣлося весьма слабое. Онъ писалъ: «имѣю четырехъ пансіонеровъ, изъ коихъ двухъ беру по сту рублей и они ходятъ всякой день въ недѣли а съ другихъ 2-хъ по 50 рублей и они приходятъ 3 дни въ недѣлю а прочіе 7 пансіонеровъ отставши ходить съ Апрѣля по причинѣ отѣзда и по должностямъ.» Ганикъ получилъ образованіе въ С. Петербургскомъ Морскомъ Кадетскомъ корпусѣ и обучался Математикѣ, Исторіи, Географіи, Артиллеріи, Фортификаціи, Франц. Нѣм., Англ. и Итальянскому языкамъ «и всѣмъ наукамъ, нужнымъ флотскому офицеру (*).»

О Божковскомъ, Учителѣ Математическихъ наукъ самъ университетъ писалъ, какъ о слабомъ преподавателѣ. Божковскій плохо зналъ Алгебру и университетъ нарочно оставлялъ его учителемъ Математики, дабы усовершенствовался онъ.

Будучи ограниченныхъ познаній, наставники съ учениками обходились грубо, дерзко и жестоко. Учитель Гимназіи Яновскій разъ пришелъ въ уѣздное училище, въ чужой классъ и отколотилъ ученика по щекамъ такъ, что изъ носу пошла кровь ручьемъ. За что? За самые пустяки.

(*) Ганикъ завелъ однажды исторію съ полиціею. Когда урядникъ пришелъ къ Ганику требовать должныхъ денегъ, то онъ «отозвался къ платежу оныхъ не обязанностію, затѣмъ вошедъ въ азартность говорилъ, что онъ полиціймейстера почитаетъ однимъ только дуракомъ, а полицію для его испражненія, потому что онъ якобы не есть въ ея вѣдѣніи; не менѣе жь дерзко кричалъ съ произношеніемъ, что онъ его (урядника) зашибетъ и выгонитъ съ дому, да сверхъ того не точію его, но и генерала, когда придетъ къ нему, вытолкать можетъ». Рапортъ полиціи 1806 г.

На Арнольди Директоръ доносилъ, что онъ въ 3-мъ классѣ Гимназіи «за неимѣніе учениками Посновымъ и Рубашкинымъ тетради и писаніе вмѣсто оной не на цѣломъ полулистѣ, схвативъ перваго за волосы билъ его, а другаго ударилъ по головѣ... Посновъ объявилъ, что онъ потому самому не хочетъ у Арнольди учиться.»

Поступая такимъ образомъ, учители совершенно не понимали гуманнаго духа своего умнаго Попечителя гр. Потоцкаго, который писалъ (1805 г. Іюля 31): «дабы училища сіи сдѣлать сколько возможно полезнѣйшими для обучающихся въ нихъ, предлагаю вамъ (Директору), обратя особенное вниманіе на порядокъ и исправность ученія, внушать учителямъ, чтобы они ласковымъ обхожденіемъ и любовію къ учащимся пріобрѣтали взаимную любовь ихъ и въ то же время усерднымъ и рачительнымъ отправленіемъ своей должности и примѣрнымъ поведеніемъ снискивали довѣренность ихъ родителей: сіе есть лучшее средство поставить училища на степень доброты и совершенства.»

Печальнымъ слѣдствіемъ варварскаго обращенія съ учениками и недалекихъ познаній учителей было то, что многіе ученики преждевременно отставали отъ Гимназіи и училищъ: родители брали своихъ дѣтей и опредѣляли въ писцы, въ дьячки. Такъ въ 1806 г. изъ уѣзднаго училища выбыло 20 человѣкъ, единственно по причинѣ жестокаго обращенія съ ними учителей (*).

Учители училищъ оказывались еще хуже учителей Гимназіи: они имѣли самыя жалкія свѣдѣнія даже о религіи. Учитель Усть-Медвѣдицкаго училища доносилъ Директору, что онъ совершенно не знаетъ различія между христіанскими вѣроисповѣданіями и Директоръ долженъ былъ писать цѣлую бумагу, чтобы разъяснить неразумѣнія педагога... Учитель Можаровъ не умѣлъ писать «по правиламъ правописанія и словосогласованія.» Учитель Бабичевъ не начиналъ даже и въ Ноябрѣ перваго дѣйствія Ариѳметики,

(*) Жестокость обращенія съ учениками издавна существуетъ на Руси. Еще въ уставѣ Морской академіи (1715) положено сѣчь провинившихся по два дни нещадно батогами, кошками и пр. Рус. Нед. В. 1857 № 7, См. еще Записки Данилова (Брудастый), Библ. для Чт. 1859 № I, Народныя училища въ Россіи Воронова, Соврем. 1858 № XII «о воспитаніи въ корпусѣ» Халютина. Безчеловѣчное обращеніе съ учениками пребываетъ до сего дне. По рукамъ бьютъ розгами учениковъ нещадно...

тогда какъ въ другихъ училищахъ до этого времени пройдены были всѣ четыре дѣйствія и раздробленіе.

Очевидно, что жатва выходила самая плохая, когда такіе подвизались сѣятели. 1806 г. пріѣхали на Донъ визитаторы и нашли поразительное невѣжество въ ученикахъ. Просимъ прочесть слѣдующее увѣдомленіе, написанное изъ Харьковскаго Университета Директору Попову: «отправлявшіеся изъ Университета визитаторы донесли, что въ большой части малыхъ училищъ учители стараются только о томъ, чтобъ ученики выучивали только наизустъ, не заботясь о томъ, понимаютъ ли то, что учатъ; отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые визитаторами ученикамъ, съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ ли они то, что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе, что они точно того не понимаютъ; напр. на вопросъ ученику: «*что разумѣетъ онъ подъ словомъ церковь, и о деревянной ли говорится здѣсь Церкви, или о каменной*» отвѣчаютъ индѣ, что здѣсь разумѣется *каменная Церковь*; или когда отвѣчаютъ ученики, что рай былъ въ Азіи, на вопросъ: «*что есть Азія?*» отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что «*Азія есть растеніе,*» а въ другихъ, что «*Азія есть страна*»; на вопросъ же: *какая страна—правая, или лѣвая,*» отвѣчаютъ «*лѣвая*». Посему симъ предписывается вамъ внушить учителямъ, что знаніе ученика состоитъ не въ знаніи наизустъ словъ, но въ понятіи идей, ими выражаемыхъ, и потому бъ они, не заботясь единственно о выучкѣ учениковъ наизустъ, старались болѣе о понятіи того, что они учатъ.»

Къ этому, столь наглядному описанію первобытнаго состоянія училищнаго образованія на Дону прибавимъ, что мы слышали множество изустныхъ разсказовъ о первыхъ учителяхъ нашей Гимназіи, разсказовъ самаго возмутительнаго свойства, но, говоря словами великаго поэта,

«Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Всѣмъ честію и мертвымъ и живымъ,
Къ устамъ подъявъ признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадимъ.»

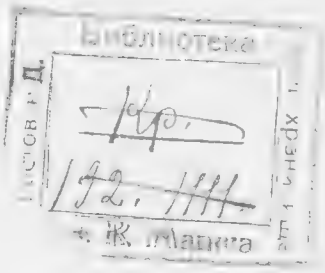
Дальнѣйшія судьбы учебныхъ заведеній на Дону мы не имѣли возможности изобразить; потому ограничимая перечисленіемъ ихъ въ настоящее время.

Теперь на Дону, кромѣ Гимназіи, существуетъ — окружныхъ училищъ 8, приходскихъ 27: учащихся въ нихъ отъ 1,970 до 2,100.

Женскихъ учебныхъ заведеній четыре: Донской Институтъ, Дѣтскій Алексѣевскій Пріютъ, Пансіоны г-жъ Жираръ и Леоновой: учащихся въ первомъ 126, во второмъ 43, въ третьемъ 57, въ четвертомъ 13 (*). Жителей же на Дону 885,137.

Очень жаль, что семинаріи нѣтъ, а духовное училище находится въ довольно бѣдномъ положеніи.

Гимназіи женской, потребность въ которой такъ чувствительна, не имѣется (**).



(*) Есть другія школы, но о нихъ скажемъ въ особой статьѣ. Мы надѣемся представить читателямъ еще нѣсколько очерковъ Дона, коль скоро приведемъ въ порядокъ имѣющіеся у насъ матеріалы.

(**) Кромѣ двухъ послѣднихъ статей и еще «Года въ Ново-Черкасскомъ театрѣ, всѣ остальныя были помѣщены или въ Донскихъ, или въ Москов. Вѣдомостяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Первая жизнь въ Ново-Черкасскѣ:

Первое письмо 1

Второе 5

Третье 9

Весенній разливъ Дона 13

Донскіе рыбаки 17

Канунъ Рождества Христова у Донскаго рыбака . 31

Донскія степи 35

Письмо г. Директора Земледѣльческой Школы Анненкова къ автору 43

Луговая сторона Дона и весна въ степи . . . 45

Донскія станицы и встрѣча казаковъ изъ похода . 49

Охота въ Донскихъ степяхъ 54

Освященіе Георгіевскаго знамени 60

О заведеніи публичной библіотеки въ Ново-Черкасскѣ 63

Актъ въ Ново-Черкасской Гимназіи 66

Годъ въ Ново-Черкасскомъ театрѣ 69

О книгѣ Капитана Чуйкевича:

«Подвиги казаковъ въ Пруссіи» . 83

Войсковой Атаманъ Степанъ Ефремовъ 103

Учебныя заведенія на Дону (1790—1807) 151

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Напечатано:	Должно читать:
35	стр. 39	стр. 40
98	низойти	низойдите
88	аяN	Мая
189	1856	1806